3 1761 06973794 8

86
Smiena viekh
I

СМѢНА ВѢХЪ

сборникъ статей:
Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова,
С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-
-Пушкина, С. С. Чахотина и
Ю. Н. Потѣхина.

4 Н 7 С

ІЮЛЬ 1921 Г.

ПРАГА

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/smienaviekh00kliu

86
Smëna vëkh
I

СМѢНА ВѢХЪ

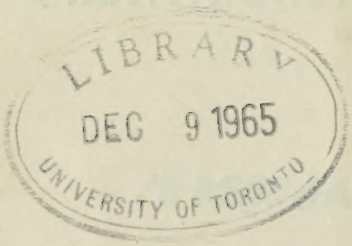
сборникъ статей:
ю.в.Ключникова, н.в.Устрялова,
с.с.Лукьянова, а.в.Бобрищева-
-Пушкина, с.с.Чахотина и
ю.н.Потѣхина.

дар

ИЮЛЬ 1921 Г.

ПРАГА

DK
265
.17
S65



1029167

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

СМѢНА ВѢХЪ.

I.

Многимъ памятенъ, конечно, сборникъ „Вѣхи“.

Это было въ 1909 году. Семь авторовъ съ крупными литературно-общественными именами — Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, М. О. Гершензонъ, А. С. Изгоевъ, Б. А. Кистяковскій, П. Б. Струве и С. Л. Франкъ — объединились вмѣстѣ, чтобы вынести свой приговоръ надъ русской интеллигенціей. Объединились, но каждый остался самъ собой. Какъ выяснилось позже, не всѣ даже знали до выхода книги, что будетъ въ ней написано другими. Отъ судей требовалось лишь одно: ихъ приговоръ долженъ былъ быть приговоромъ не злобы, а справедливости. Единое чувство двигало всѣми семью: „боль за прошлое и жгучая тревога за будущее родной страны“. Единою мыслью хотѣли они пронзить себя и другихъ приговоренныхъ: — „*путь, которымъ до сихъ поръ шло русское общество, привелъ его въ безвыходный тупикъ*“. Нужно круто повернуть. Не медля, нужно вступить на новый путь. Нужны — Боже, до чего нужны! — иныя вѣхи.

Я только что перечиталъ весь этотъ сборникъ отъ первой страницы до послѣдней. Съ напряженнымъ вниманіемъ перечиталъ, порой съ волненіемъ. Не странно-ли? черезъ двѣнадцать-то лѣтъ. Когда столько воды протекло по рѣкамъ, столько крови впиталось въ землю. Когда такіе вихри пронеслись надъ Россіей и надъ всѣмъ міромъ, готовые нестись и дальше, и снова. За это время, по увѣреніямъ знатоковъ, не только интеллигенціи не осталось у насъ („жалкіе остатки“

— называютъ они самихъ себя), но и Россіи. Такъ не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ: если ужъ нѣтъ больше Россіи, такъ стоитъ-ли перебирать въ памяти старыя наши интеллигентскія распри, оживлять въ памяти нюансы интеллигентскаго самобичеванія и самолюбованія?

Однако, осторожнѣе съ тѣми, кто говоритъ, будто Россія умерла. У нихъ есть задняя мысль. Они напряженно хотятъ воскресить мертвую Россію и за это заставить ее потомъ жить такою, какъ *имъ* нравится. Они совершенно твердо увѣрены, что такъ или иначе, но имъ скоро предстоитъ творить чудо воскресенія. Значитъ, нужно запасаться какими-то молитвами и заклинаніями. Какими же именно? Не тѣми-ли, что̀ вдохновляли въ 1909-мъ году „вѣховцевъ"?

Другіе вѣрятъ, что Россія воскреснетъ, не умерши. Она уже воскресаетъ. День ото дня ей легче. Вотъ-вотъ она позоветъ ихъ къ себѣ. А ужъ если позвала, то фактъ, что и воскресла окончательно. — Позванные не замедлятъ явиться и приступить къ дѣлу. То-то закипитъ работа, то-то раскрылся просторъ проводить программы! Только вотъ въ чемъ вопросъ: кто, собственно, эти другіе и что у нихъ за программы? Не будутъ-ли это въ первую очередь тѣ, кто организованнымъ строемъ двинулъ на сборникъ „Вѣхи" свои собственные сборники и чьи идеалы не разъ уже безуспѣшно пытались соблазнить русскую революцію? Иначе говоря, не будутъ-ли это самоувѣренные противники „Вѣхъ"?

Многимъ памятно, навѣрное, какое волненіе поднялось въ русскомъ обществѣ лишь только „седмь громовъ проговорили голосами своими". Либеральная русская интеллигенція отвѣтила „Вѣхамъ" внушительнымъ томомъ „Интеллигенція въ Россіи". Авторы: — К. К. Арсеньевъ, Н. А. Гредескулъ, М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. И. Петрункевичъ, М. А. Славинскій и М. И. Туганъ-Барановскій. Соціалисты-революціонеры тоже не остались въ долгу. Ихъ отвѣтъ „Вѣхамъ", совсѣмъ уже внушительный по количеству буквъ, страницъ и по формату, былъ озаглавленъ: „Вѣхи, какъ знаменіе времени". Здѣсь статьи: — Н. Авксентьева, Ю. Гарденина, Я. Вѣчева, Н. Ракитникова, М. Ратнера, Л. Шишко и др. Не лишне вспомнить и нѣкоторые доклады и диспуты. Напримѣръ, доклады Д. С. Мережковскаго и Д. В. Философова въ Религіозно-Философскомъ

Обществѣ Петрограда. Или диспутъ Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. (Москва).

Вихрь революціи дерзко разметалъ и перепуталъ всѣ наши общественныя созвѣздія. Но вовсе уничтожить всю нашу общественность онъ не сумѣлъ; да и не хотѣлъ, повидимому. Отъ каждаго созвѣздія онъ оставилъ минимумъ по одной звѣздѣ, зато самой яркой. Отъ каждаго сборника взялъ по одному самому характерному автору, да и сдѣлалъ ихъ министрами. Ненадолго. Точно на пробу. Точно хотѣлъ сказать: — „Вотъ они, неизмѣнные что бы ни случилось; — всегда себѣ равные, чего бы это имъ ни стоило.“

Отъ „Вѣхъ“ революція взяла въ министры П. Б. Струве.

Отъ „Интеллигенціи въ Россіи“ — П. Н. Милюкова.

Отъ „... знаменія времени“ — Н. Д. Авксентьева.

А когда всѣ они побывали министрами, сколько и когда имъ полагалось, исторія назначила ихъ знаменосцами трехъ главныхъ полковъ русской контръ-революціи: консервативнаго полка, либеральнаго и умѣренно революціоннаго (псевдореволюціоннаго). Еще много, очень много русскихъ интеллигентовъ по прежнему готовы итти за этими знаменосцами. Съ прежнимъ упованіемъ стараются они смотрѣть на старыя знамена. Но развѣ не смущена ихъ душа? Развѣ не испытываютъ они сейчасъ особенно мучительной „боли за прошлое и жгучей тревоги за будущее родной страны“? Развѣ не грызетъ ихъ, какъ еще никогда, сознаніе, что „путь, которымъ до сихъ поръ шло русское общество, привелъ его въ безвыходный тупикъ“?

Теперь ясно, надѣюсь, почему въ столь неурочный, казалось бы, часъ мнѣ вспомнился маленькій сборникъ семи авторовъ, изданный двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Я вспомнилъ о „Вѣхахъ“ потому, что и сейчасъ еще для весьма многихъ они невольно являются вѣхами. Я вспомнилъ о нихъ еще потому, что не могу не думать неотступно объ ихъ противникахъ, которые дѣйствуютъ и сейчасъ. Пожалуй, лучше всего сказать такъ: „Вѣхи“ вмѣстѣ со всѣми врагами ихъ это вся та русская общественность, которая въ одно и тоже время готовила великую русскую революцію, и боролась съ нею, — участвовала въ ней и убѣгала отъ нея, — руководила ею, пока не была отметена, и все еще тщится руководить. Или по другому: — „Вѣхи“ со всѣми „противо-

вѣхами" это теоретическая подготовка неудачъ и заблужденій великой русской революціи, это ихъ литературное предвосхищеніе. И обратно: все то интеллигентское, что обнаружило свою ненужность и гнилостность во время революціи и что со скорбью и ожесточеніемъ отброшено ею, — все это есть трагическая жизненная инсценировка нашихъ недодуманныхъ „литературныхъ мнѣній" и нашихъ недоспоренныхъ кружковыхъ споровъ.

Кто же назоветъ праздной или несвоевременной двойную попытку: — *въ свѣтѣ нашихъ новѣйшихъ революціонныхъ переживаній переоцѣнить нашу предреволюціонную мысль; — въ свѣтѣ нашихъ старыхъ мыслей о революціи познать, наконецъ, истинный смыслъ творящей себя нынѣ революціи?* Только тогда мы окажемся въ состояніи правильно уяснить себѣ наши дѣйствительныя обязанности по отношенію къ этой послѣдней. Только тогда мы найдемъ новыя вѣхи, которыя намъ нужны сейчасъ, какъ еще никогда и никому прежде. А разъ все это такъ, то кто будетъ въ правѣ назвать празднымъ или несвоевременнымъ продолженіе угасшаго спора, начатаго когда-то „Вѣхами"?

Его, этотъ споръ, необходимо возобновить и продолжить не откладывая, сію же минуту, пока еще не поздно. Революція можетъ оборваться, выродиться, зазнаться. Какъ знать, не поставленъ-ли уже судьбой на очередь и не предрѣшенъ-ли вопросъ о томъ, нужна-ли окажется интеллигенція восторжествовавшей русской революціи? Что если онъ уже разрѣшенъ даже и разрѣшенъ отрицательно? Онъ разрѣшенъ отрицательно, а мы все еще суетимся, хлопочемъ, готовимся кого-то „спасать", что-то „сохранять" и „насаждать". А если революція оборвется или выродится? Не надо забывать, что „Вѣхи" — отправной пунктъ нашихъ размышленій здѣсь — также были написаны послѣ революціи, которая сначала оборвалась, а потомъ выродилась.

Въ этомъ — еще одно значеніе „Вѣхъ". Онѣ — предостереженіе.

Русская интеллигенція съ трудомъ переболѣла революціонное потрясеніе 1905 года, сравнительно слабое и кратковременное. Напрасно она думаетъ, что новый душевный кризисъ, который ей суждено переживать теперь, есть предѣлъ ея мятеній и страданій. Самыя сильныя испытанія только еще

впереди. Ей предстоитъ или титаническая борьба за подтвержденіе своихъ правъ на существованіе, или же припадокъ такого отчаянія, такой безысходной тоски, предъ которыми отчаяніе „Вѣхъ“ — лишь мимолетная гримаса капризнаго ребенка. А послѣ — выходъ одинъ: смерть.

II.

Одну изъ отличительныхъ чертъ русской интеллигенціи Н. А. Бердяевъ въ „Вѣхахъ“ усматриваетъ въ томъ, что „философскую истину“ она заставляетъ служить „интеллигентской правдѣ“, — потребностямъ политической борьбы. — У насъ выработалась „маніакальная склонность оцѣнивать философскія ученія и философскія истины по критеріямъ политическимъ и утилитарнымъ“. Мы лишились способности „разсматривать явленія философскаго и культурнаго творчества съ точки зрѣнія абсолютной ихъ цѣнности“. Европейскія философскія ученія воспринимались нами охотно, но въ искаженномъ видѣ и тотчасъ же приспособлялись къ специфически интеллигентскимъ интересамъ. Бердяевъ приводитъ примѣры: — „искаженъ и къ домашнимъ условіямъ приспособленъ былъ у насъ и научный позитивизмъ, и экономическій матеріализмъ, и эмпріокритицизмъ, и неокантіанство, и ницшеанство“. Вмѣсто подлинной философіи мы питаемся кружковой отсебятиной и въ этомъ сказывается наша малокультурность, примитивная недифференцированность, ошибка моральнаго сужденія. Отсюда — призывъ автора: „быстросмѣнному увлеченію модными европейскими ученіями должна быть противопоставлена традиція, *традиція же должна быть и универсальной и національной,* тогда лишь она плодотворна для культуры“. И онъ повторяетъ: — „Намъ нужна не кружковая отсебятина, а серьезная философская культура, универсальная и вмѣстѣ съ тѣмъ національная“. Вина за неудачный душевный укладъ русской интеллигенціи падаетъ на общія условія русской дѣйствительности, на всю русскую исторію. Въ нихъ отразились грѣхи нашей исторической власти и вѣчной нашей реакціи. Это они внушили русской интеллигенціи недовѣріе къ объективнымъ идеямъ и универсальнымъ нормамъ: — „мѣшаютъ бороться съ властью“. Это они толкали ее исключительно на борьбу

противъ политическаго и экономическаго гнета. Но виновата и сама интеллигенція: она сама избрала путь человѣкопоклонства и тѣмъ исказила свою душу. — Что же нужно? Нужно освободиться отъ внутренняго рабства, нужно возложить на себя отвѣтственность и перестать во всемъ винить внѣшнія силы. Тогда народится новая душа интеллигенціи. — „Къ новому сознанію мы можемъ перейти лишь черезъ покаяніе и самообличеніе". — „Въ данный часъ исторіи интеллигенція нуждается не въ самовосхваленіи, а въ самокритикѣ".

Казалось бы, нетрудно усмотрѣть, въ чемъ боль Бердяева и въ чемъ его призывъ. Ему нужно, чтобы не идеалъ приспособлялся къ политикѣ, а политика къ идеалу. Ему хочется идеала высокаго, свѣтлаго, способнаго удовлетворить самымъ смѣлымъ притязаніямъ духа. Настолько высокаго, что ему уже не удержаться въ плоскости очередныхъ національныхъ достиженій. Не только національнымъ, но и универсальнымъ долженъ быть онъ, этотъ идеалъ. Бердяевъ призываетъ не удовлетворяться достигнутымъ, не вмѣнять себѣ самолюбованіе въ добродѣтель, а искать новаго сознанія, — лучшаго, чѣмъ старое. Но въ то же время онъ говоритъ о религіи и о традиціи. Но онъ противъ „мертвящей казенщины прогрессивнаго лагеря"; онъ противъ „особаго рода бюрократизма сознанія". По его мнѣнію, „великое томленіе, неустанное *богоисканіе* заложено въ русской душѣ". (Это уже не изъ „Вѣхъ", а изъ статьи въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ", перепечатанной въ книгѣ „Духовный кризисъ интеллигенціи" — 1910 г.) Ну, а этого было достаточно, чтобы зачислить Бердяева въ разрядъ реакціонеровъ и отмахнуться отъ него досадливо, не задумываясь надъ нимъ и не вѣря ему. Между тѣмъ, какъ пригодилось бы намъ теперь умѣніе возвыситься до крупныхъ идеаловъ національныхъ и универсальныхъ. Какъ много успѣли напортить намъ безспорный нашъ бюрократизмъ сознанія и мертвящая казенщина въ нашемъ прогрессивномъ лагерѣ. Все пошло бы совершенно по иному, если бы сознательно пріобрѣтенная строгая философская дисциплина ума запретила бы намъ свое „великое томленіе" претворять въ помѣщичью тоску по третьемъ снопѣ, а „неустанное богоискательство" научила бы не ограничивать заботами о новой конституціи, которая была бы совсѣмъ какъ въ Америкѣ.

Слѣдующая статья „Вѣхъ“ принадлежитъ С. Н. Булгакову, нынѣ о. Сергію. — Какъ и всѣ остальные авторы сборника, Булгаковъ исходитъ изъ опыта первой русской революціи и изъ его критики. Революція 1905 года не привела къ желаннымъ результатамъ. У многихъ въ ея итогѣ отложилась въ душѣ горечь. И не потому это, что ея силы оказались слабѣе „темныхъ силъ исторіи“, но потому, главнымъ образомъ, что она сама страдала слабостью „отъ внутреннихъ противорѣчій“. Революція 1905 года была интеллигентской. Интеллигенція „духовно оформляла инстинктивныя стремленія массъ, зажигала ихъ энтузіазмомъ, словомъ, была нервами и мозгомъ гигантскаго тѣла революціи“. Ходъ этой революціи есть историческій судъ надъ русской интеллигенціей. Если Россіи суждено обновиться, то „прежде всего ей придется обновить свою интеллигенцію“.

Однако, что, собственно, въ ней слѣдуетъ обновлять? Вѣдь, не все-же въ ней плохо. Съ невольной симпатіей Булгаковъ отмѣчаетъ и „извѣстную неотмірность“ русской интеллигенціи, и ея безсознательно-религіозное отвращеніе къ духовному мѣщанству, и ея чувство виновности передъ народомъ, откладывающее печать особой углубленности на ея духовномъ обликѣ, и „неизмѣнную готовность на жертвы у лучшихъ ея представителей и даже исканіе ихъ“. — Но, увы, всѣ эти несомнѣнныя достоинства интеллигентской души меркнутъ предъ лицомъ исторически внѣдрившейся въ нее религіи „человѣкобожества“ и неразрывно связаннаго съ нею „самообожанія“. Вдохновляясь этой ложной религіей, интеллигенція наша почувствовала себя призванной сыграть роль Провидѣнія въ отношеніи своей родины. Она признала себя духовнымъ ея опекуномъ. „Россія должна быть спасена, и спасителемъ ея можетъ и должна явиться интеллигенція вообще и даже имярекъ въ частности, и помимо его нѣтъ спасителя и нѣтъ спасенія“. Отъ этого сознанія интеллигентъ впадалъ въ состояніе героическаго экстаза съ явно истерическимъ оттѣнкомъ. Поэтому ему мало роли скромнаго работника. Для него необходимъ — въ мечтаніяхъ, конечно, — не обезпеченный минимумъ, а героическій максимумъ. „Максимализмъ есть неотъемлемая черта интеллигентскаго героизма, съ такой поразительной ясностью обнаружившаяся въ годину русской революціи“. Даже если интеллигентъ и не видитъ возмож-

ности сейчасъ осуществить этотъ максимумъ и никогда ея не увидитъ, въ мысляхъ онъ занятъ только имъ. — Однимъ изъ характернѣйшихъ конкретныхъ проявленій интеллигентскаго максимализма является у насъ культъ программы. Программа для русскаго интеллигента — все. Ради нея онъ готовъ на любыя страданія, на любое отреченіе. А культъ программы, въ свою очередь, влечетъ за собой узкую партійность и нетерпимость: — „Нетерпимость и распри суть настолько извѣстныя черты нашей партійной интеллигенціи, что объ этомъ достаточно лишь упомянуть". — Вслѣдствіе все того же своего максимализма интеллигенція остается малодоступна доводамъ историческаго реализма и научнаго знанія. Отсюда недостатокъ чувства исторической дѣйствительности, геометрическая прямолинейность сужденій и оцѣнокъ и „пресловутая ихъ *принципіальность*". — Героизмъ стремится къ спасенію человѣчества *своими* силами и притомъ *внѣшними* средствами. Отсюда исключительная оцѣнка героическихъ дѣяній, въ предѣльной степени воплощающихъ программу максимализма. „Сознательно или безсознательно, но интеллигенція живетъ въ атмосферѣ ожиданія соціальнаго чуда, всеобщаго катаклизма, въ эсхатологическомъ настроеніи". Что же удивительнаго въ такомъ случаѣ, что такъ велика сила революціоннаго романтизма среди нашихъ интеллигентовъ, такъ велика ея *революціонность?* Вслѣдъ за Бакунинымъ они полагаютъ, что духъ разрушающій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ созидающій. — Подъемъ героизма доступенъ въ дѣйствительности лишь избраннымъ натурамъ и при томъ въ исключительные моменты исторіи. Самообожаніе же въ кредитъ, не всегда дѣлающее героя, легко воспитываетъ аррогантовъ. Благодаря этому человѣкъ лишается абсолютныхъ нормъ и незыблемыхъ началъ личнаго и соціальнаго поведенія, замѣняя ихъ своеволіемъ или самодѣльщиной. „Нигилизмъ, поэтому, есть страшный бичъ, ужасающая духовная язва, разъѣдающая наше общество". За нигилизмомъ слѣдуетъ космополитизмъ русской интеллигенціи. Воспитанный на отвлеченныхъ схемахъ просвѣтительства, интеллигентъ естественнѣе всего чувствуетъ себя гражданиномъ міра, что препятствуетъ выработкѣ въ немъ національнаго самосознанія и стоитъ въ непосредственной связи съ *внѣнародностью* интеллигенціи. „Интеллигенція еще не продумала національной проблемы".

Какъ же намъ исцѣлиться отъ всѣхъ тяжкихъ недуговъ нашего характера? — Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у С. Н. Булгакова рядъ косвенныхъ указаній, которыя опредѣленнѣе любыхъ прямыхъ. Среди насъ — отмѣчаетъ онъ — крайне непопулярны понятія *личной* нравственности, *личнаго* самоусовершенствованія, выработки *личности*. Между тѣмъ, въ отсутствіи правильнаго ученія о личности заключается наша „главная слабость". Въ интеллигентской средѣ нѣтъ слова болѣе непопулярнаго чѣмъ *смиреніе*. Между тѣмъ, наличіе смиренія свидѣтельствуетъ обычно о высокомъ уровнѣ духовнаго развитія. Наконецъ, въ насъ совершенно отсутствуетъ *понятіе грѣха* и *чувство грѣха*. Но не этимъ-ли отсутствіемъ чувства грѣха „объясняются многія печальныя стороны и событія нашей революціи, а равно и наступившаго послѣ нея духовнаго маразма"? Иначе говоря, русской интеллигенціи необходимо пройти „медленный и трудный путь перевоспитанія личности, на которомъ нѣтъ скачковъ, нѣтъ катаклизмовъ и побѣждаетъ лишь упорная самодисциплина".

Далеко не во всемъ вѣрна и не достаточно углублена характеристика русской интеллигенціи въ только что приведенной статьѣ С. Н. Булгакова. Громадный пропускъ есть въ ней. Она не показываетъ, что *пока Россіи была нужна революція, пока нужно было подготовлять революцію, русская интеллигенція не могла и не должна была быть иной*. Для предреволюціоннаго періода всѣ ея недостатки являлись ея достоинствами. Кто говоритъ, что нужно добродѣтельно подготовлять революцію, тотъ ничего не понимаетъ въ революціи, а, можетъ быть, не вполнѣ понимаетъ и добродѣтель. Только Булгаковали съ Бердяевымъ упрекать, что они далеки отъ пониманія революціи? Съ нихъ-ли требовать, что они не провидѣли неизбѣжности, послѣ первой русской революціи, пробной и неудавшейся, второй революціи, — великой, и, навѣрное, міровой? Достаточно съ нихъ и того, что они очень многое вѣрно подмѣтили въ русской интеллигенціи. Но чего нельзя требовать съ людей нереволюціонныхъ по натурѣ, то обязательно для революціонеровъ по міросозерцанію и по призванію. Критикуя „вѣховцевъ" такъ рѣзко и возражая имъ такъ горячо, они то должны были бы поставить предъ собой вопросъ:

— Ну, да; мы созданы подготовлять революцію, для этого у насъ имѣются всѣ нужныя качества. *Но созданы-ли*

мы вести революцію, быть нужными ей воинами, способны-ли мы обезпечить ея торжество?

А, вѣдь, это несомнѣнно далеко не одно и то же: *подготовлять* революцію и *дѣлать* революцію.

Этого мало: характеръ русскаго интеллигента — въ этомъ сходятся всѣ — сложенъ, запутанъ, противорѣчивъ. Слѣдовало спросить себя, какія же его черты способны обезпечить торжество революціи и тѣмъ оправдать ее и какія во вредъ и Россіи и ей самой. Если бы тогда — подъ вліяніемъ „Вѣхъ" — русская интеллигенція задумалась надъ этимъ, кто знаетъ, какъ пошла бы наша вторая революція? Сколько ужасовъ было бы, навѣрное, предотвращено, сколько жертвъ сохранено, сколько революціонеровъ осталось бы революціонерами, а не превратилось бы и не разберешь во что.

Вопросъ, не спрошенный тогда, тѣмъ настоятельнѣе выдвигается теперь, на исходѣ нашей противуреволюціонной борьбы: если уже революція пришла, не просто революція, не отвлеченная, а — *русская,* въ специфическихъ русскихъ условіяхъ, то кто ея господинъ? Кого изъ своихъ служителей могла и должна она была выбрать себѣ въ вожди? Подчеркиваю: *революція*, т. е. совершенно исключительное соціальное состояніе, съ исключительными экономическими и политическими условіями, съ совершенно особой психологіей. Всѣхъ русскихъ интеллигентовъ, безразлично какихъ, — должна она была отличить? И только потому, что они интеллигенты? Разумѣется, нѣтъ. — Такъ чего же всѣ они такъ упорно лѣзли въ вожди, зачѣмъ каждый изъ нихъ такъ методически мѣшалъ всѣмъ остальнымъ?! Нѣтъ, не напрасно Булгаковъ призывалъ къ смиренію и не случайно предупреждалъ о грѣхахъ!

Есть и еще въ статьѣ Булгакова вопросъ, который опять-таки лишь теперь, въ итогахъ второй нашей революціи, пріобрѣлъ полноту своего смысла.

Первая революція — утверждаетъ нашъ авторъ — была интеллигентской. Спрашивается: *могла-ли вообще какая бы то ни было революція въ Россіи не быть интеллигентской?* Не отведена-ли изначально русской интеллигенціи рѣшающая роль въ любой русской революціи? И, слѣдовательно, не творился-ли въ грандіозномъ историческомъ процессѣ, начавшемся въ мартѣ 1917 года, вторичный страшный историческій судъ надъ нами, интеллигентами, какъ главнѣйшей среди всѣхъ

революціонныхъ силъ, давившихъ на нашу родину и взорвавшихъ ее въ итогѣ войны?

Предчувствіе этого страшнаго суда, выраженное почти съ кликушеской изступленностью, пугающее своимъ страшнымъ предостереженіемъ, находимъ мы въ статьѣ Гершензона. Указавъ на оторванность интеллигенціи отъ народа, на ихъ взаимную рознь, Гершензонъ восклицаетъ: — „Мы для народа не грабители, какъ свой братъ, деревенскій кулакъ; мы для него даже не просто чужіе, какъ турокъ или французъ: онъ видитъ наше человѣческое и именно русское обличье, но не чувствуетъ въ насъ человѣческой души, и потому онъ ненавидитъ насъ страстно, вѣроятно съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ, тѣмъ глубже ненавидитъ, что мы свои. *Каковы мы есть,* намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ, — бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной". Въ русской публицистической литературѣ мало отрывковъ болѣе пророческихъ и провидческихъ, чѣмъ только что приведенный. Его одного достаточно, чтобы оправдать добрую половину ужасовъ великой революціи: — случилось то, что не могло не случиться, разъ только революція разразилась. Его одного достаточно, чтобы снять съ насъ всякое обвиненіе въ непониманіи истинныхъ нашихъ отношеній, какъ интеллигенціи, къ русскимъ народнымъ массамъ. Но зато тѣмъ болѣе тяжкими становятся два другихъ обвиненія: — въ непониманіи нами самихъ себя и въ непониманіи нами революціи. Словъ нѣтъ, непріятно было бы отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такими „каковы мы есть" мы могли до революціи бороться ради народа съ властью только подъ охраной власти. Но что жъ подѣлаешь противъ правды? Народъ принималъ насъ такими, каковы мы были, только потому, что его заставляли принимать насъ такими. А если бъ его собственная свободная воля? *Захотѣлъ-ли бы онъ имѣть при себѣ именно такую интеллигенцію?* Допустилъ-ли бы онъ, чтобы *такая* интеллигенція пришла владѣть и управлять имъ на смѣну властей и власти? — Никто больше не мечталъ въ Россіи о революціи, чѣмъ русская интеллигенція. Все, что относилось къ будущей революціи, съ любовью обдумывалось ею и запоминалось. Такъ какъ же было упустить изъ виду

вопросъ о томъ, *кто будетъ дѣлать русскую революцію, какъ она будетъ дѣлаться и каковы наши новыя обязанности по отношенію къ народу во время ея?* — самый важный изъ всѣхъ революціонныхъ вопросовъ. Ну, я допускаю: онъ просто никому не пришелъ въ голову; забыли о немъ и забыли. Но „Вѣхи" на лицо. Въ нихъ Булгаковъ вплотную подвелъ насъ къ нему, а Гершензонъ истерически выкрикнулъ его громкимъ голосомъ и на высокихъ нотахъ. Слѣдовательно, если тѣмъ не менѣе русская интеллигенція обошла этотъ вопросъ, то лишь въ силу какого-то крупнаго дефекта ея интеллектуальнаго слуха. Такъ оно и было въ дѣйствительности: изъ приведеннаго отрывка изъ „Вѣхъ" критика выхватила лишь нѣсколько словъ: „намъ нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ... бояться его мы должны... благословлять власть, которая штыками и тюрьмами ограждаетъ насъ"... Услышали лишь то, что могли понять, а поняли такъ немного и такъ превратно. Даже словъ *„каковы мы есть"*, набранныхъ въ разрядку, не поняли и не услышали, а въ нихъ-то и заключается вся суть. (Я готовъ впрочемъ утверждать, что и Булгаковъ съ Гершензономъ сами совершенно не поняли и не услышали страшнаго своего вопроса.) Между тѣмъ, не понять тогда странички „Вѣхъ" со словами „каковы мы есть..." значило абсолютно не понять позже ни своихъ обязанностей въ качествѣ дѣятелей революціи, ни обязанностей ея истинныхъ вождей, ни вообще всей русской революціи какъ своеобразнаго историческаго и соціологическаго процесса.

И нужно-ли напоминать, какихъ страшныхъ жертвъ намъ стоило это наше непониманіе, какую тяжкую расплату мы понесли за него?

Моей задачей не является полное изложеніе „Вѣхъ". Поэтому, какъ ни интересна статья въ нихъ покойнаго Б. А. Кистяковскаго, показывающая, что русская интеллигенція никогда не уважала права и призывающая ее уважать право, — я опускаю эту статью. Я оставляю также безъ разсмотрѣнія и статью С. Франка, для котораго „морализмъ русской интеллигенціи есть лишь выраженіе и отраженіе ея нигилизма". Наблюденія Изгоева надъ нашей „интеллигентной молодежью" также могутъ быть мною опущены. Напротивъ, я не могу обойти молчаніемъ статьи П. Б. Струве „Интеллигенція и Революція". Хотя бы уже потому, что это статья Струве.

Интеллигенція — говорится здѣсь — есть совершенно особенный факторъ русскаго политическаго развитія. Ея историческое значеніе опредѣляется ея отношеніемъ къ государству въ его идеѣ и въ его реальномъ воплощеніи. — „Идейной формой русской интеллигенціи является ея *отщепенство*, ея отчужденіе отъ государства и враждебность ему.“ Отрицая государство, борясь съ нимъ, интеллигенція отвергаетъ его *мистику*. Въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи — ключъ къ пониманію первой революціи. Въ моментъ государственнаго преобразованія 1905 г. отщепенскія идеи и отщепенское настроеніе всецѣло владѣли широкими кругами русскихъ образованныхъ людей. „Никогда никто еще съ такимъ бездоннымъ легкомысліемъ не призывалъ къ величайшимъ политическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ, какъ наши революціонныя партіи и ихъ организаціи въ дни свободы.“ Легковѣріе безъ вѣры, борьба безъ творчества, фанатизмъ безъ энтузіазма, нетерпимость безъ благоговѣнія — таковы, по Струве, внутреннія силы, побуждавшія на дѣйствія русскую интеллигенцію. Этихъ дефектовъ интеллигентскаго характера не искупаетъ даже готовность нашихъ интеллигентовъ на жертвы ради народа. „Когда интеллигентъ размышлялъ о своемъ долгѣ передъ народомъ, онъ никогда не додумывался до того, что выражающаяся въ началѣ долга идея личной отвѣтственности должна быть адресована не только къ нему, интеллигенту, но и къ народу, т. е. ко всякому лицу, независимо отъ его происхожденія и соціальнаго положенія. Аскетизмъ и подвижничество интеллигенціи, полагавшей свои силы на служеніе народу, несмотря на всю свою привлекательность были, такимъ образомъ, лишены принципіальнаго моральнаго значенія и воспитательной силы.“

Струве глубокъ и силенъ даже въ своихъ ошибкахъ. Быть можетъ, его главное призваніе какъ разъ въ томъ и заключается, чтобы быть полезнымъ своими ошибками. Дѣло его друзей, критиковъ и враговъ исправлять его выводы и извлекать все цѣнное изъ фейерверка бросаемыхъ имъ мыслей. Такъ и тутъ. *Идея отвѣтственности народа* пришла въ голову только ему. Онъ ее бросилъ нашему обществу мимоходомъ, но такъ, что оно обязано было подхватить ее. Оно не подхватило. Менѣе всего обратили на нее вниманіе наши революціонеры, а между тѣмъ къ нимъ-то болѣе всего она и обра-

щалась. Смыслъ ея двоякій. Она утверждала, во-первыхъ, что на „народѣ“ тѣмъ меньше отвѣтственности, чѣмъ больше за него дѣйствуютъ другіе. Она утверждала, во-вторыхъ, что особенно сильною отвѣтственность народа должна стать съ того момента, когда онъ весь начнетъ дѣйствовать какъ революціонеръ, т. е. жертвовать собою, страдать, добиваться новыхъ возможностей и новыхъ цѣлей. Для цѣлаго народа такой моментъ можетъ придти только во время революціи. Ясно, что революціи нѣтъ тамъ, гдѣ и по сверженіи стараго порядка народъ все еще остается на поводу, когда кто-то все еще долженъ „страдать ради него“, когда его собственная воля или по прежнему спитъ, или престиджитаторски подмѣняется кѣмъ-либо. Между тѣмъ, наши революціонеры въ массѣ своей упорно мечтали о революціи во имя народа, но безъ народа и, быть можетъ, въ неосознанныхъ тайникахъ своей души и впрямь „боялись его пуще всѣхъ казней власти“, какъ рекомендовалъ Гершензонъ. Тѣмъ самымъ они, дѣйствительно, столько же помогали народу, сколько и развращали его. Они хотѣли, чтобы во время революціи народъ ничего не проявилъ кромѣ высшаго эгоизма, чтобы онъ всего добивался только для себя, чтобы онъ обожествилъ себя, а въ первую очередь обожествилъ свои матеріальныя потребности. А въ то время, какъ онъ проявлялъ бы свою душевную черствость и укрѣплялся бы въ ней все болѣе и болѣе, — они, революціонеры, попрежнему служили бы ему въ качествѣ святыхъ альтруистовъ, подвижниковъ, недосягаемыхъ для остальныхъ аристократовъ духа. Развѣ не очевидно, что, при подобномъ пониманіи революціи русскими интеллигентами-революціонерами, не только углублялась борозда, отдѣляющая ихъ отъ „народа“, не только ихъ духовный аристократизмъ возводился ими въ догматъ, но вся ихъ жертвенность — Струве правъ — дѣйствительно лишалась значительной доли своего „моральнаго значенія“ и своей „воспитательной силы“. Повторяю: непониманіе нами революціи и нашей роли въ ней очень дорого обошлось намъ. Совершенно несомнѣнно, что немалая часть нашихъ жертвъ обусловлена какъ разъ тѣмъ, на что мною только что указано съ помощью Струве изъ „Вѣхъ“: — *русская революція не захотѣла дѣленія своихъ служителей на духовныхъ аристократовъ и духовныхъ плебеевъ.* Или всѣ плебеи, или всѣ аристократы. Всѣ одинаково служители для нея. Русскій народъ во

время революціи не захотѣлъ продолженія своей духовной опеки. Онъ захотѣлъ дѣйствовать самъ. Какъ умѣетъ. Какъ подсказываетъ ему его накопившаяся ненависть и его жажда лучшаго. Долой тѣхъ, кто въ этотъ великій моментъ чуть-чуть не сдѣлалъ изъ него лишь паскудныхъ людишекъ, цѣною убійствъ и грабежей покупающихъ себѣ кое-какія выгоды. Благо тѣмъ, кто не отшатнулся отъ него въ преступленіяхъ его, вмѣстѣ съ нимъ взялъ на себя моральную отвѣтственность за все сотворенное зло и вмѣстѣ съ нимъ, — *безъ остатка растворившись въ немъ,* — сталъ искать общій русскій и міровой идеалъ. Если ужъ революція наступила, она не могла быть иной. Не могъ быть въ ней инымъ, — т. е. оставаться нежертвеннымъ, не стремящимся къ идеалу, дѣйствующимъ черезъ кого-то другихъ — и творецъ ея и служитель, проснувшійся, освобожденный русскій народъ. Да, объ этомъ предупреждалъ насъ Струве. Его вина, что онъ не повторилъ своего предупрежденія; — наша вина, что мы вовсе не услышали его.

Другая крупная мысль Струве въ „Вѣхахъ“ — это мысль о *мистикѣ государства.* „Отрицая государство, борясь съ нимъ, интеллигенція отрицаетъ его мистику“.

Самъ Струве живо чувствуетъ дыханіе этой мистики. Иногда наряду съ нею онъ ставитъ мистику національнаго духа. Иногда та и другая сливаются вмѣстѣ въ его представленіи. Въ 1902 году онъ писалъ: „Мы рѣшительно отвергаемъ, какъ нелѣпое и — да будетъ позволено такъ выразиться — наглое притязаніе присвоить какимъ-нибудь содержаніямъ величество національнаго духа. Но мы знаемъ, какъ можно „въ духѣ и истинѣ“ служить этому величеству. Для этого нужно не указывать властной рукой творческому процессу жизни его путей, а пролагать и расчищать ихъ для свободнаго исканія, памятуя, что только свобода творчества обезпечиваетъ національной культурѣ полноту и богатство содержанія, красоту и изящество формы“. И въ другомъ мѣстѣ: *„Абсолютныхъ матеріальныхъ началъ національнаго бытія нѣтъ и быть не можетъ“.*

Вспомнивъ нынѣ приведенныя слова, не станемъ уже больше забывать ихъ при всякой послѣдующей критикѣ интеллигенціи и революціи. Они настойчиво ставятъ вопросъ: не было-ли все революціонное творчество русской интеллигенціи проявленіемъ сплошного удручающаго непониманія

„мистики государства“ и „мистики національнаго духа“? Наши теперешнія страданія не есть-ли законная расплата еще и за это непониманіе? Безтолковыя повторенія не ко времени и не къ мѣсту „вся власть Учредительному Собранію“ не есть-ли первое и самое важное проявленіе этого непониманія? А новѣйшая формула самого Струве о „дѣланіи лѣвой политики правыми руками“ не есть-ли послѣднее такое проявленіе, доводящее его до своеобразнаго мистическаго извращенія? Но за то, напротивъ: въ то время какъ всѣ мы, нынѣ отвергнутые Россіей, только и дѣлали, что мѣшали „творческому процессу жизни“ подсовываніемъ ему „абсолютныхъ матеріальныхъ началъ“, непригодныхъ во время революціи; въ то время какъ мы всѣмъ своимъ поведеніемъ настойчиво отрицали малѣйшія проявленія „мистики государства“, *эта мистика* — подлинная и глубокая — *не раскрывалась-ли она и не раскрывается-ли и теперь во всемъ, что создало изъ Россіи страну Совѣтовъ, изъ Москвы — столицу Интернаціонала, изъ русскаго мужика — вершителя судебъ міровой культуры?*

III.

Когда „Вѣхи“ появились, представители различныхъ интеллигентскихъ направленій напали на нихъ по разному.

Въ петербургскомъ Религіозно-Философскомъ Обществѣ выступили противъ нихъ съ докладами Д. В. Философовъ и Д. С. Мережсковскій. По мнѣнію перваго, „Вѣхи“ неправы, потому что Россіи открыты только два пути: „или реакція и черносотенство Дубровина съ его „союзомъ“, или интеллигенція“. — Второй сравнилъ семь авторовъ сборника, подписавшихъ „отлученіе русской интеллигенціи“, съ семью іерархами, подписавшими отлученіе Л. Толстого. Затѣмъ онъ пояснилъ: „Пусть правда все, что говорятъ „Вѣхи“ о русской интеллигенціи; идущему по узенькой дощечкѣ надъ пропастью сказать: „убьешься“ — тоже правда, но правда не любви. Кто можетъ помочь, помоги; но не любовь — не помощь. Кто можетъ быть мостомъ, будь; но радуга — не мостъ“. И т. д. все въ томъ же духѣ.

Въ исторической комиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. (Общества Распространенія Техническихъ Знаній) въ Москвѣ

также было засѣданіе, посвященное сборнику „Вѣхи“. Въ преніяхъ принимали участіе С. П. Мельгуновъ, В. П. Потемкинъ, гр. П. М. Толстой, К. Н. Левинъ, А. А. Титовъ, В. И. Пичета, П. Г. Дауге, В. М. Турбинъ и др. По окончаніи преній собраніемъ была вынесена слѣдующая резолюція: — „Признавая сборникъ „Вѣхи“ продуктомъ романтически-реакціоннаго настроенія извѣстной части русской интеллигенціи, вызваннаго временнымъ упадкомъ общественныхъ интересовъ, историческая комиссія констатируетъ наличность въ упомянутой книгѣ грубыхъ внутреннихъ противорѣчій, шаткость основныхъ точекъ зрѣнія авторовъ и крайне несправедливое отношеніе къ прошлымъ и настоящимъ заслугамъ лучшихъ элементовъ русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся къ высокимъ соціально-политическимъ идеаламъ“.

На первой страницѣ сборника соціалистовъ-революціонеровъ, посвященнаго „Вѣхамъ“, значится: „Выпавшій на долю „Вѣхъ“ успѣхъ на книжномъ рынкѣ есть въ значительной мѣрѣ успѣхъ скандала“. — „Эта книга есть несомнѣнное знаменіе времени или точнѣе знаменіе безвременія.“ — „Она, кромѣ того, по существу своему есть самая реакціонная книга, какая только появлялась за послѣднія десятилѣтія. Въ этомъ отношеніи „Вѣхи“ побили рекордъ „Московскаго Сборника“ Побѣдоносцева, также, кстати сказать, выдержавшаго нѣсколько изданій. Наивная и прямолинейная реакція „стараго стиля“ блѣднѣетъ передъ утонченной и махровой реакціей стиля-модернъ“. Нѣсколько дальше: — „Филистерски-реакціонный духъ, обуявшій вмѣстѣ съ психологіей отступничества г-на Струве и его „небольшую, но честную компанію“, успѣлъ уже наложить на ихъ литературныя выступленія несмываемую печать нравственной фальши и лицемѣрія.“ Еще дальше: — „Думается, что намъ удалось достаточно ясно показать связь похода авторовъ „Вѣхъ“ съ общей трагедіей — вѣрнѣе трагикомедіей — нашего либерализма. Его болѣзнь — полная импотенція, старческое перерожденіе тканей, своеобразный политическій артеріосклерозъ. Необходимо вспрыскиваніе броунъ-секаровской жидкости, — новой, собственной идеологіи...“

Конечно, совсѣмъ по другому отвѣтилъ „Вѣхамъ“ цвѣтъ русскаго либерализма. Его сборникъ „Интеллигенція въ Рос-

сіи" предлагаетъ вниманію читателей „нѣкоторыя изъ тѣхъ же темъ, которыя затронуты и въ сборникѣ „Вѣхи", но въ нѣсколько иномъ освѣщеніи". По мнѣнію Н. А. Гредескула, „Вѣхи" неправы, считая русское освободительное движеніе 1905 г. интеллигентскимъ. Напротивъ, оно „въ такой мѣрѣ было „народнымъ" и даже „всенароднымъ", что большаго, въ этомъ отношеніи, и желать не приходится". Что касается его реальныхъ результатовъ, то „никакая революція, оплодотворенная могучимъ участіемъ въ ней самого народа, никогда не остается безплодной. Она всегда даетъ объективные и благодѣтельные для народной жизни результаты, — сперва въ видѣ зачатковъ новой жизни, — зачатковъ хилыхъ, безпомощныхъ и безобразныхъ, но выростающихъ потомъ въ нѣчто новое, прекрасное и сильное". Великое значеніе русскаго освободительнаго движенія въ томъ, что „русскій народъ пережилъ въ немъ коренной *переломъ* своего политическаго міросозерцанія. До него онъ былъ за *абсолютизмъ*, послѣ него — онъ сталъ противъ абсолютизма".

Наиболѣе обстоятельно и наиболѣе типично для представителя либерализма полемизировалъ съ „Вѣхами" П. Н. Милюковъ: —

Интеллигенція вовсе не есть явленіе специфически русское. Онъ можетъ доказать это опытомъ запада. Огульное обвиненіе „всего русскаго соціализма, всей молодежи, всего революціоннаго движенія" въ безгосударственности и анархизмѣ невѣрно и несправедливо. Зато „безгосударственно и анархично въ полной мѣрѣ какъ разъ то ученіе славянофиловъ, которому авторы „Вѣхъ" подаютъ руку". Напрасно авторы „Вѣхъ" призываютъ къ культивированію идей національнаго мессіанизма: „у огромнаго большинства нашей интеллигенціи оказывалось достаточно здраваго смысла и самокритики, чтобы не тѣшить себя и не смѣшить другихъ національно-мессіанскими построеніями". Авторы „Вѣхъ" озабочены созданіемъ русской культурной традиціи. Опоздали. Эта традиція была уже при Чаадаевѣ. Теперь она гораздо длительнѣе и богаче. У нея есть свой культъ, своя символика. Всякое неосторожное прикосновеніе къ нимъ вызываетъ общественную реакцію. „И эти чувства негодованія противъ оскорбителей святыни есть лучшая гарантія и доказательство существованія нашей общественной солидарности". Поэтому не

проклинать и отрицать ее надобно, эту традицію, а культивировать, какъ необходимую основу общественнаго воспитанія и дальнѣйшаго сознательнаго общественнаго поведенія. „Вѣхи“ призываютъ очиститься и покаяться. Совсѣмъ не то нужно. „Нужно научиться правильно наблюдать и дѣлать выводы самому; нужно тому же самому научить и всякаго рядового гражданина. Вотъ къ чему сводятся совѣты научно-образованнаго стоящаго на высотѣ цивилизаціи своего вѣка европейца-интеллигента“. Въ заключеніе своей статьи П. Н. Милюковъ призываетъ всѣхъ сочувствующихъ „Вѣхамъ“ опомниться. — „Вспомните о долгѣ и дисциплинѣ — наказываетъ онъ имъ — вспомните, что вы только звено въ цѣпи поколѣній, несущихъ... культурную миссію... Не вами начинается это дѣло, и не вами оно кончится. Вернитесь же въ ряды и станьте на ваше мѣсто. Нужно продолжать общую работу русской интеллигенціи съ той самой точки, на которой остановило ее политическое землетрясеніе, ничего не уступая врагамъ, ни отъ чего не отказываясь и твердо имѣя въ виду цѣль, давно поставленную не нашимъ произволомъ и прихотью, а законами жизни“.

Почему „Вѣхи“ вызвали такой дружный интеллигентскій протестъ? — Однимъ ихъ призывомъ къ уходу отъ политики и къ самоуглубленію этого не объяснишь. Не объяснишь этого и „крайней ихъ реакціонностью“, которая была учуяна за этими призывами. Повидимому, главную причину надо искать здѣсь въ томъ, что „Вѣхи“ *осмѣлились развѣнчать идеальный типъ русскаго интеллигента-революціонера,* преклоненіе предъ которымъ дотолѣ почиталось общеобязательнымъ. Какъ мы видѣли выше, „Вѣхи“ обвиняютъ русскую интеллигенцію въ томъ, что она лишена достаточно широкаго и возвышеннаго идеала, что она проникнута духомъ вреднаго самообожанія и самонадѣянности, что ей чуждо чувство права и уваженіе къ дисциплинѣ, что она не ищетъ самоусовершенствованія и не понимаетъ значенія личности, что она оторвана отъ народа, антигосударственна, анархична и нигилистична, что основной чертой ея характера является необузданный максимализмъ. Теперь многіе охотно сказали бы, навѣрное: *„Вѣхи“ изобразили всѣхъ русскихъ интеллигентовъ какъ большевиковъ и русская интеллигенція обидѣлась на нихъ за это.* Примемъ такую формулировку и мы сами и посмотримъ, правы-ли были „Вѣхи“,

считая русскую интеллигенцію въ сущности своей большевистскою? А если правы, то слѣдовало-ли ей обижаться на нихъ?

Если имѣть въ виду не конкретную соціально-политическую программу, а общее умонастроеніе русской интеллигенціи и вкусъ ея къ особаго рода тактикѣ, выявленные „Вѣхами" — *то да, совершенно несомнѣнно, русская интеллигенція была по преимуществу большевистскою.*

Большевикомъ не назовешь, конечно, Милюкова. Но зато развѣ онъ былъ характеренъ для русской интеллигенціи въ ея массѣ, развѣ онъ не занималъ среди нея совершенно индивидуальнаго мѣста? Когда онъ методически внушалъ „научиться правильно наблюдать и дѣлать выводы самому", потому что таковъ совѣтъ „научно-образованнаго стоящаго на высотѣ цивилизаціи своего вѣка европейца-интеллигента" многіе-ли изъ русскихъ интеллигентовъ чувствовали въ немъ выразителя любимѣйшихъ своихъ думъ? Да и то, кто еще знаетъ? — если Милюковъ не былъ „большевикомъ" раньше, не становится-ли онъ имъ незамѣтно для себя теперь. Настоящія строки писались въ моментъ, когда онъ велъ ожесточенную борьбу со своими друзьями по партіи за такъ называемую „новую тактику". Имѣвшіе возможность вблизи наблюдать эту борьбу, должны были только диву даваться: что съ нимъ стало? Откуда эта рѣшительность? Откуда столько готовности рубить съ плеча, произносить слова, воспринимаемыя окружающими какъ „удары бича по сердцу" (Ф. И. Родичевъ)? Со страстной убѣжденностью онъ заявляетъ, что его новая тактика принята единогласно, а затѣмъ на него сыплются воистину единогласныя заявленія, что это невѣрно. Когда онъ остается въ меньшинствѣ, онъ отказывается подчиниться большинству, называетъ большинство „врагами" и готовится окапываться противъ нихъ въ Совѣщаніи Членовъ Учредительнаго Собранія. И почему все это? Потому что „по условіямъ момента" кадетизму нужна какъ можно болѣе лѣвая программа. Остается ждать, насколько „моменты" заставятъ его полѣвѣть еще и еще. И до какихъ поръ? Напомню на всякій случай, что въ моментъ Кронштадтскаго возстанія П. Н. Милюковъ договорился уже до *признанія совѣтовъ;* тѣхъ самыхъ, что дѣйствуютъ теперь, лишь бы они не возглавлялись большевиками. Да, да; остается только ждать, остается только

ждать. И не даромъ вся эта новая тактика кое-кѣмъ изъ знающихъ Милюкова воспринимается лишь какъ очередной его эволюціонный этапъ. Измѣнится обстановка и онъ такъ же обоснованно, какъ все, что онъ дѣлаетъ, съ превосходными ссылками на „опытъ Запада“ сдѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. И да будетъ мнѣ позволено обратить вниманіе на обычный характеръ аргументаціи кадетскаго лидера. Чаще всего вы слышите отъ него именно этотъ аргументъ: „прежде было такъ и потому мы думали этакъ; теперь обстоятельства измѣнились и мы должны думать иначе“. Политикъ обязанъ считаться съ обстоятельствами, это совершенно очевидно. Но нельзя-же, чтобы въ порядкѣ приспособленія къ текущимъ обстоятельствамъ — какъ нѣчто вполнѣ нормальное — производились неимовѣрно быстрые и рѣзкіе переходы отъ одной тактикѣ къ другой, отъ программы къ программѣ и къ другой, и къ третьей, и къ четвертой. Тѣмъ менѣе допустимо, конечно, чтобы въ порядкѣ все того же приспособленія къ обстоятельствамъ и подъ видомъ измѣненій въ тактикѣ производились радикальныя измѣненія политическаго міросозерцанія. Между тѣмъ, именно такія радикальныя измѣненія были незамедлительно произведены Милюковымъ въ его душѣ, едва только по условіямъ момента ему захотѣлось сѣсть въ Парижѣ на rue de la Pompe рядомъ съ Авксентьевымъ и Керенскимъ. Сѣсть рядомъ съ ними можно было лишь при условіи признанія будущей Россіи республиканскою, федеративною и въ договорномъ порядкѣ устанавливающею свои взаимоотношенія съ бывшими своими окраинами. *И вотъ всецѣло потому только, что этого требуетъ моментъ*, П. Н. Милюковъ становится республиканцемъ, федералистомъ, сторонникомъ принципа самоопредѣленія народностей. А когда ему предлагаютъ высказаться по поводу завѣтовъ революціи, что облекаетъ онъ въ одежды такихъ завѣтовъ? Основные пункты временнаго своего соглашенія съ эсъ-эрами на rue de la Pompe. Разумѣется, это не большевизмъ въ общепринятомъ теперь чувствованіи этого слова. Но это, несомнѣнно, большевизмъ въ его наиболѣе расширенномъ пониманіи, представленномъ „Вѣхами“. А еще точнѣе: это отраженіе типичнаго русскаго интеллигентскаго нигилизма въ смыслѣ отсутствія абсолютныхъ критеріевъ, въ смыслѣ отсутствія для человѣка „заказанныхъ путей“.

И что всего замѣчательнѣе, именно въ этомъ-то П. Н. Милюковъ и является наиболѣе вѣрнымъ самому себѣ, именно въ этомъ-то онъ и остался „неизмѣннымъ, что бы ни случилось". Многіе жестоко обвиняютъ Милюкова за отсутствіе устойчивости, кое-кто (особенно въ средѣ новыхъ его друзей) называетъ его даже оппортунистомъ. Мы не изъ тѣхъ, что въ какой бы то ни было мѣрѣ раздѣляли бы подобныя обвиненія. Мы убѣждены, что, среди всѣхъ колебаній, отказовъ и перемѣнъ, переходовъ отъ тактики къ тактикѣ и отъ программы къ программѣ, въ П. Н. Милюковѣ неизмѣнными и твердыми остаются конечные его идеалы и глубочайшіе внутренніе импульсы: благо Россіи, культъ демократизма, служеніе прогрессу.

Пусть вѣрность конечнымъ идеаламъ и основнымъ импульсамъ вмѣстѣ съ другими его неоспоримыми качествами — тонкимъ умомъ, широкой образованностью, громаднымъ политическимъ опытомъ, умѣньемъ быть лидеромъ составляютъ главнѣйшія достоинства П. Н. Милюкова. Пусть его эластичность, способность къ эволюціи и къ приспособленію суть его недостатки. Нелегко усмотрѣть, какую пользу принесли Милюкову во время революціи перечисленныя его достоинства. Зато если ему суждено сыграть въ ближайшемъ будущемъ достойную его положительную роль, то виной тому будутъ прежде всего его „недостатки". Но не показываетъ-ли это лишній разъ, что именно „большевистское" въ русскомъ интеллигентскомъ характерѣ больше всего полезно во время революціи и Россіи и самой революціи. Впрочемъ, объ этомъ позже.

Не принято называть большевиками и людей типа Авксентьева и Керенскаго. Однако, въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ мы оперируемъ съ этимъ терминомъ, въ данную минуту многіе, навѣрное, не откажутся признать ихъ хотя бы „очень близкими къ большевикамъ". Стало уже трафаретомъ утверждать, что, въ періодъ своего управленія Россіей, Керенскій сдѣлалъ все, чтобы передать свои полномочія изъ своихъ рукъ въ руки своихъ враговъ. Не добровольно, конечно, а въ силу того, что за большевизмомъ Керенскаго логически долженъ былъ утвердиться большевизмъ Ленина. Мнѣ нѣтъ надобности указывать на конкретныя проявленія идейнаго и практическаго экстремизма водителей партіи со-

ціалистовъ-революціонеровъ. Но одну ихъ черту я не могу не отмѣтить въ интересахъ моей темы. Повсюду въ Россіи, въ Петроградѣ и въ Москвѣ, въ Самарѣ, въ Казани, въ Уфѣ, въ западной Сибири, на Дальнемъ Востокѣ, а позже и заграницей: — въ Прагѣ, въ Парижѣ — повсюду и въ теченіе всей революціи они неизмѣнно выступали съ одними и тѣми же лозунгами, съ одними и тѣми же политическими пріемами. Это для меня — большевизмъ упрямаго политическаго однодумства, почти маніакальнаго долбленія въ одну точку, что бы ни случилось и къ чему бы это ни привело. Честь имъ и хвала за постоянство и настойчивость. Но давно пора бы имъ замѣтить, что *именно ихъ лозунги и ихъ тактика менѣе всего пригодны для революціи.* Съ ихъ помощью нельзя ни автоматически управлять массами, ни увлекать ихъ, ни подчинять. При ихъ господствѣ не можетъ быть ни революціи, ни контръреволюціи, ни тѣмъ болѣе искомаго ими *средняго.* Сплошное ни то ни се. Какіе-то Буридановы ослы въ роли вершителей историческихъ судебъ. За мигъ блаженства быть у власти всѣмъ имъ неуклонно приходилось потомъ расплачиваться длинными періодами скрежета зубовнаго на тѣхъ, кто такъ низко растопталъ ихъ святыя желанія и такъ глупо не далъ имъ сдѣлать ихъ великаго дѣла. По ихъ глубочайшему убѣжденію, за ними была и есть вся Россія. Только они подлинные выразители воли народной. Но стоило имъ появиться гдѣ-нибудь, какъ тотчасъ же ихъ сметала либо „кучка гнусныхъ насильниковъ“ въ лицѣ большевиковъ, либо „кучка гнусныхъ реакціонеровъ“ въ лицѣ казаковъ, офицеровъ, генераловъ, помѣщиковъ и купцовъ. И все-таки они ни на минуту не сомнѣваются, что правильно дѣйствуютъ только они. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, объяснить эту поразительную настойчивость, эту завидную въ клиническомъ отношеніи самодостаточность, какъ не особымъ душевнымъ интеллигентскимъ складомъ, зафиксированнымъ „Вѣхами“? Тутъ есть все въ рѣдкомъ изобиліи: — и утрированная „принципіальность“, отъ которой не тошно только самимъ ея обладателямъ, — и самовлюбленность, не допускающая даже намека на самокритику, и самоусовершенствованіе, — и максимализмъ по формулѣ: „или мы или никто“, — и отсутствіе малѣйшей политической дисциплины, отразившееся въ рядѣ роковыхъ тактическихъ ошибокъ. Спѣшу и здѣсь оговориться, что, приводя указанныя

черты специфической эсъ-эровской психологіи (какъ психологіи интеллигентской), я отнюдь не дѣлаю этого въ цѣляхъ суда или осужденія ихъ обладателей: создалъ ихъ Богъ русской исторіи такими и ничего ужъ, видно, не подѣлаешь. Но всякому должно быть ясно, что *пока подобный типъ русскаго интеллигента не изжитъ или не побѣжденъ окончательно, не могутъ быть изжиты ни русская революція, ни русская контръ-революція.* Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натурѣ и по историческому воспитанію — такіе „каковы они есть", они призваны лишь поддерживать русскій хаосъ и русское государственное разложеніе. Никакая черная сотня не страшна такъ для русскаго прогресса, какъ они, потому что сила черныхъ сотенъ есть лишь отраженіе и отзвукъ ихъ силы. Половины ужасовъ большевизма не было бы, если бы не ихъ фанатическія „выступленія", сѣющія ужасы. По идеѣ наиболѣе близкіе изъ всѣхъ русскихъ интеллигентовъ къ русскимъ народнымъ массамъ — это они съ особеннымъ упоеніемъ играли роль всезнающихъ и непререкаемыхъ наставниковъ массъ, что оттолкнуло отъ интеллигенціи массы. Короче: если есть сейчасъ различные типы русскаго большевизма, изъ которыхъ одни болѣе опасны, а другіе менѣе опасны, то — безусловно — прѣсный эсъ-эровскій большевизмъ есть самый опасный изъ всѣхъ. Съ нимъ — а быть можетъ, и только съ нимъ однимъ — должна вести сейчасъ борьбу вся Россія, поскольку она хочетъ и должна остаться Россіей.

Менѣе всего большевикъ въ психологическомъ смыслѣ слова такой законченный и уравновѣшенный европеецъ, какъ покойный Г. В. Плехановъ. Какъ извѣстно, не являлся онъ большевикомъ и въ программномъ отношеніи. А между тѣмъ вотъ что онъ высказывалъ на Брюссельскомъ Съѣздѣ Россійской Соціалъ-демократической рабочей партіи въ 1903 году: — „Каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвлеченности, а въ его отношеніи къ тому принципу, который можетъ быть названъ основнымъ принципомъ демократіи: salus populi suprema lex. Въ переводѣ на языкъ революціонера это значитъ, что успѣхъ революціи — высшій законъ. И если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или другого демократическаго принципа, то передъ

такимъ ограниченіемъ преступно было бы остановиться. Какъ личное свое мнѣніе я скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основного принципа демократіи. Гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціалъ-демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права... Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно было бы судить лишь съ точки зрѣнія правила salus revolutiae suprema lex. И на эту же точку зрѣнія мы должны были бы стать и въ вопросѣ о продолжительности парламентовъ. Если бы въ порывѣ революціоннаго энтузіазма народъ выбралъ очень хорошій парламентъ, то намъ слѣдовало бы стремиться сдѣлать его долгимъ парламентомъ; а если бы выборы оказались неудачными, то намъ нужно было бы стараться разогнать его не черезъ два года, а если можно, черезъ двѣ недѣли".

Великая русская революція не забыла этихъ словъ одного изъ виднѣйшихъ своихъ предтечъ. Ленинъ не напрасно считаетъ Плеханова въ числѣ своихъ учителей. Быть истиннымъ революціонеромъ и вмѣстѣ не быть экстремистомъ въ русскихъ условіяхъ нельзя, и потому *даже Плехановъ* былъ одной стороной своего существа послѣдовательнымъ экстремистомъ, т. е. — по нашей условной терминологіи — большевикомъ.

А вотъ что еще гораздо примѣчательнѣе. Тѣ самые семь авторовъ сборника „Вѣхъ", которые съ такимъ сожалѣніемъ или съ такимъ негодованіемъ констатировали большевистскую натуру русской интеллигенціи, въ конечномъ итогѣ сами менѣе всего чужды большевистскаго духа. Они призываютъ къ смиренію, но это — то самое смиреніе, что паче всякой гордости. Они требуютъ возврата русской интеллигенціи къ религіозному міроощущенію, отказываясь признать за религіозную ту интуицію, которая у нее есть. Однако, все, что имъ удалось доказать — это то, что атеистическая религіозность русской интеллигенціи рѣзко отличается отъ христіанской, отъ церковной религіозности, но вовсе не то, что въ ней вовсе нѣтъ никакихъ подлинныхъ элементовъ религіозности. Пожалуй, здѣсь даже вполнѣ допустимъ и умѣстенъ слѣдующаго рода софизмъ: при томъ минимумѣ религіозности, которая отпу-

щена на долю русскаго интеллигента, онъ все-таки типичный политическій сектантъ, экстремистъ, большевикъ. Чѣмъ больше у него было бы религіозности, тѣмъ больше онъ становился бы въ политикѣ сектантомъ и большевикомъ въ нашемъ значеніи слова. Авторы „Вѣхъ“ очень религіозны и хотятъ, чтобы всѣ были, какъ они. Слѣдовательно, психологическихъ элементовъ большевизма въ нихъ не меньше, а больше, чѣмъ въ другихъ русскихъ интеллигентахъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Не даромъ въ нашемъ политическомъ словарѣ на ряду съ терминомъ „краснаго большевизма“ утвердился терминъ „бѣлаго большевизма“. Бѣлый большевизмъ пришелъ въ русскую жизнь изъ „Вѣхъ“, какъ красный изъ „Искры“ и изъ „Впередъ“. Въ чемъ разница между тѣмъ и другимъ большевизмами? Только *въ ихъ направленіи и въ окраскѣ*, а отнюдь не *въ напряженіи, не въ тонусѣ* ихъ максимализма, той ихъ прямолинейности и самоупоенности, той готовности на жертвы и привычки требовать жертвъ, — наконецъ, того безразличія ко всему относительному и промежуточному, что составляетъ самую ихъ душу. Не побоюсь сказать: исключительно этимъ изнанковымъ большевизмомъ можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что Струве, утонченный культурно и этически, — Струве, упоенный Богомъ, величіемъ государственной идеи и гордымъ національнымъ пафосомъ, могъ вдругъ оказаться идеологомъ крымской эпопеи конца 1920 года. Онъ не могъ не видѣть всѣхъ безобразій, которыя творились тамъ вокругъ него, онъ не могъ не ощущать, что все, что тамъ дѣлалось — (смерть самоотверженныхъ не въ счетъ), было сплошнымъ издѣвательствомъ и надъ религіей, и надъ государственностью, и надъ здоровымъ національнымъ чувствомъ. Однако, Струве *прощалъ* все это, *перешагивалъ* черезъ все это, принималъ все это за случайное, за временное, *за детали*. Это-ли не большевизмъ?! И если бы злополучный врангелевскій періодъ не оборвался такъ скоро, кто можетъ сказать, до какихъ столповъ бѣлаго экстремизма пришлось бы дойти Струве съ его потенціями типичнаго русскаго интеллигента, и потому... большевика. „Вѣхи“ и тутъ правы: большевизмъ неразрывно связанъ въ психологическомъ ряду съ нигилизмомъ. Не въ томъ смыслѣ, что для человѣка не существуетъ ничего абсолютнаго, а въ томъ, что для него ничто не существуетъ, ничто не цѣнно, если не входитъ въ кругъ *его*

абсолютнаго. Отсюда-то отмѣченная Бердяевымъ погоня русскихъ интеллигентовъ за модными философскими теоріями, приспособленіе ихъ на потребу очередного политическаго дня и затѣмъ отбрасываніе во имя новыхъ модныхъ теорій. Отсюда ихъ любовь искать все новыя и новыя политическія позиціи, замѣнять одну тактику другой, отказываться отъ одной программы во имя другой. Несущественно, дѣлается-ли это путемъ постепенныхъ или мнимо постепенныхъ переходовъ, или же сразу съ разрывомъ и надрывомъ. У Милюкова, какъ мы видѣли, это дѣлалось въ порядкѣ чудесныхъ видоизмѣненій все одного и того же. У авторовъ „Вѣхъ", почти поголовно и вдругъ перешедшихъ отъ марксизма къ идеализму и отъ атеизма къ христіанству, — это произошло именно съ разрывомъ и надрывомъ. Но суть остается одною и тою же: какъ ни различны между собою Милюковъ и Струве рѣшительно во всемъ, въ одной сторонѣ ихъ существа они являются идентичными, — въ той, благодаря которой они обнаруживаютъ элементы типичнаго интеллигентскаго нигилизма при отрицаніи всего того, что не ихъ Богъ или не ихъ идолъ. А съ какой прямолинейной жестокостью, съ какимъ опьяненіемъ вызова, съ какой готовностью биться, разить, сокрушать бросили авторы „Вѣхъ" свой приговоръ надъ русской интеллигенціей! Какого рѣшительнаго перелома потребовали они отъ нея! Какіе недостижимые пути объявили они единственнно практическими, единственно открытыми, на которые всѣмъ нужно ступить вотъ сейчасъ, сію минуту! Какому широкому „универсальному и національному" идеалу рѣшили они посвятить свое служеніе. Нѣтъ, что хотите, — можетъ быть, мнѣ лично не удалось показать это съ достаточной наглядностью и убѣдительностью, — но это большевизмъ, это типичный русскій интеллигентскій большевизмъ, проявляющійся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и окраскахъ.

Отъ Струве, говорилось иногда, одинъ шагъ до Пуришкевича. Замѣчательно, что если бы мы сдѣлали этотъ шагъ, то и тогда мы натолкнулись бы все на ту же интеллигентскую психологію, которую не назовешь иначе какъ большевистской.

Въ „Современныхъ Запискахъ" Н. Д. Авксентьевъ дѣлится однимъ своимъ воспоминаніемъ о Пуришкевичѣ за время совмѣстнаго ихъ сидѣнія въ Петропавловской крѣпости, въ

декабрѣ 1917 года. Ожидалось заключеніе „позорнаго“ и „пахабнаго“ Брестскаго мира.

— „Но въ это время — разсказываетъ Авксентьевъ — Троцкій сдѣлалъ свой „beau geste“, прервалъ переговоры въ Брестѣ и явился въ Петроградъ проповѣдывать войну противъ Германіи. Большевистская пресса была полна воинственнаго пыла. Заявлялось о непреклонномъ рѣшеніи отстаивать „красный“ Петроградъ и „красную“ Россію. Намъ въ тюрьму газеты доставлялись. И вотъ, въ одно утро, — съ газетами и какими-то бумажками въ рукахъ — ко мнѣ влетѣлъ возбужденный, взбудораженный Пуришкевичъ. Онъ прочелъ объ этомъ „рѣшеніи“ большевиковъ и пришелъ предложить составить и подписать заявленіе. „Заявимъ — говорилъ онъ — что если такъ, мы готовы итти дѣлать, что угодно. Пошлютъ на передовыя позиціи бороться съ завоевателемъ — пойдемъ. Заставятъ быть братьями милосердія, сдѣлаютъ пушечнымъ мясомъ — на все готовы. Пусть руководятъ, но пусть не слагаютъ оружія защиты“.

Не правда-ли, какъ это по русски, по интеллигентски и... „по большевистски“? Какой контрастъ съ самимъ Н. Д. Авсентьевымъ, который въ отвѣтъ на пламенный порывъ воистину безудержнаго патріота только и могъ заявить, что „не вѣритъ всей этой большевистской шумихѣ“ и что „наше положеніе было деликатное и всякое такое движеніе съ нашей стороны могло быть истолковано, какъ желаніе прежде всего выбраться изъ тюрьмы“. По счастію, онъ прибавляетъ все же, что въ тотъ моментъ „руководитель черной сотни психологически былъ ближе“ ему, чѣмъ самые радикальные политики, которые въ борьбѣ съ большевизмомъ уничтожаютъ самый смыслъ этой борьбы, которые интересамъ борьбы съ большевизмомъ жертвуютъ интересами Россіи“.

IV.

Согласимся на этомъ: „Вѣхи“ совершенно правы, характеризуя русскую интеллигенцію какъ по натурѣ максималистскую, нигилистическую, революціонную или — по современному — какъ большевистскую. Во время революціи обнаружилась, слѣдовательно, не борьба психологическихъ антитезъ

и антиподовъ — большевизма и антибольшевизма, а борьба разныхъ типовъ и разныхъ окрасокъ въ лонѣ одного и того же интеллигентскаго большевизма. Среди пестраго состава русскихъ интеллигентовъ-большевиковъ, революція выбрала для своихъ сраженій и побѣдъ тѣхъ, которые ей оказались наиболѣе подходящими. Въ процессѣ революціи произошло, все еще незамѣтное для нашего сознанія, раздѣленіе русскихъ интеллигентовъ на большевиковъ, угадавшихъ веленія революціи и потому „торжествующихъ“ вмѣстѣ съ нею и на неугадавшихъ ихъ и потому страдающихъ, ноющихъ, клевещущихъ, запутавшихся въ лжи и противорѣчіяхъ. Вся, сплошь пріемлющая революцію и воспитанная для нея, русская интеллигенція распалась на два громадныхъ лагеря и вступила въ братоубійственную борьбу изъ-за разнаго пониманія требованій революціи и ея возможностей. Борьба эта прекратится и лагери сольются, когда случится одно изъ двухъ: или когда угадавшіе веленія революціи получатъ съ ея помощью столько силы, что принудятъ подчиниться себѣ даже наиболѣе упорныхъ изъ своихъ враговъ; или же — второй случай — когда побѣжденные въ революціи русскіе интеллигенты поймутъ неправильность своего пути. Отсюда вотъ одинъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ тезисовъ, которые во что бы то ни стало обязана осознать русская интеллигенція въ Россіи и въ изгнаніи: *объединить русскую интеллигенцію, сдѣлать изъ нея единую и мощную соціальную силу способна только восторжествовавтая революція.* Напротивъ, если бы революція не побѣдила, если бы все вернулось въ Россіи къ тѣмъ условіямъ, которыя создавали русскій интеллигентскій разбродъ и многоликій русскій интеллигентскій большевизмъ, если бъ надъ Россіей снова повисла необходимость еще и еще одной революціи, — тогда неизбѣжно интеллигенція осталась бы такою же, какъ была, то есть столько же полезной Россіи, сколько и вредной ей. Нѣтъ; даже больше, пожалуй: разъ она была создана спеціально для революціи, разъ она вела ее и проиграла и только вдребезги разрушила Россію, то значитъ, она только вредна, и въ будущей Россіи ей не должно быть мѣста. Фактически обѣ возможности, повидимому, осуществляютъ себя сейчасъ одновременно и параллельно: угадавшіе и побѣждаютъ неугадавшихъ и примиряютъ ихъ съ собой.

Подъ торжествующей революціей слѣдуетъ подразумѣвать ту, которая продолжается теперь и которая раскрыла всю ширь русскихъ революціонныхъ потенцій и русскихъ революціонныхъ желаній. Иначе получилось бы не признаніе революціи, а отрицаніе ея, не вхожденіе въ нее въ новыхъ для нея цѣляхъ, а сохраненіе изжитой цѣли борьбы съ нею.

Русская революція страшна. Но опытъ показалъ, что нѣтъ ничего страшнаго, что испугало бы или остановило русскаго интеллигента. — Русская революція поставила предъ собой великія заданія. Но это то, что особенно дѣлаетъ ее русскою, а отчасти интеллигентскою-русскою. — Вхожденіе въ нее требуетъ тяжкихъ жертвъ и героическаго самоотреченія. Но русскій интеллигентъ только и живетъ, что жертвами и самоотреченіемъ. — Своей программы русская революція не очертила точно; она можетъ достичь и очень многаго и очень малаго, смотря по обстоятельствамъ. Тѣмъ болѣе: — каждый долженъ, значитъ, добросовѣстно стремиться къ тому, чтобы результаты какъ можно полнѣе оправдали понесенныя во время революціи жертвы, а если выйдетъ не много, а мало, то такова ужъ, очевидно, судьба и *незачѣмъ вообще бороться съ революціей ради скромныхъ идеаловъ, разъ она сама волей-неволей ограничится скромными достиженіями.*

Замѣчательно, что тѣ изъ русскихъ интеллигентовъ, которые упорно отказываются признать въ себѣ большевистскую природу, гордятся своимъ званіемъ русскаго интеллигента. Для нихъ въ этомъ званіи заключается противупоставленіе ихъ ненавистному для нихъ мѣщанству. Съ одной стороны они правы. Какъ превосходно прослѣдилъ г. Ивановъ-Разумникъ, интеллигентъ и мѣщанинъ (подразумѣвается мѣщанинъ духа) во всѣхъ отношеніяхъ противоположны другъ другу. Но они глубоко неправы, думая, что можно отдѣлить сколько-нибудь рѣзкой чертой интеллигента отъ большевика. Такой черты, мы уже отчасти показали это, не найти, сколько не ищи. Однако, если по самому своему существу — по самой своей *идеѣ* — всякій интеллигентъ въ той или иной степени является большевикомъ, то основной вопросъ настоящей статьи объ обязанностяхъ русской интеллигенціи въ отношеніи революціи съ даннаго пункта начинаетъ требовать значительно иной формулировки. Онъ превращается въ вопросъ объ обязанностяхъ русской интеллигенціи въ отношеніи къ

самой себѣ или — что тоже самое — о *самопреодолѣніи интеллигентскаго большевизма черезъ революцію.*

На эту послѣднюю формулировку нашего вопроса да будетъ позволено обратить усиленное вниманіе. Въ ней сами собой находятъ свое выраженіе и отраженіе всѣ главнѣйшія контраверзы не только философіи русской революціи, но и философіи новѣйшей русской исторіи въ ея цѣломъ. Болѣе же конкретно вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ революціи сводится къ слѣдующему: — *пока существуетъ такая русская интеллигенція, какова она сейчасъ, революція въ Россіи не можетъ быть изжита.* Изжить русскую революцію — значитъ изжить прошлую и современную русскую интеллигенцію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ *тщетно пытаться изжить русскую интеллигенцію, не удовлетворивъ предварительно всѣхъ главнѣйшихъ требованій русской революціи, не продѣлавъ полнаго ея пути.*

Такимъ образомъ, русская интеллигенція и русская революція какъ-то совершенно нерасторжимо, едва-ли не мистически, связаны другъ съ другомъ. Именно это мы и имѣли выше въ виду, утверждая въ развитіе мысли Булгакова, что всякая русская революція непремѣнно должна оказаться интеллигентской. Всякая русская революція — скажемъ мы теперь — непремѣнно должна оказаться интеллигентской въ томъ смыслѣ, что въ ней, единственнымъ доступнымъ по историческимъ условіямъ путемъ и при посредствѣ испытаннѣйшихъ своихъ служителей въ лицѣ интеллигентовъ, ищетъ полностью осуществиться въ мірѣ пылкій и своеобразный русскій разумъ, русскій интеллектъ. Нельзя бороться за Россію и ея великое міровое мѣсто, не будучи вмѣстѣ съ русской интеллигенціей и русской революціей. Кто не хочетъ быть съ русской интеллигенціей и русской революціей, тотъ врагъ и Россіи и міровому прогрессу. Кто борется мечемъ или хитростями съ русской революціей, не имѣя ничего одинаковаго или лучшаго противопоставить ей взамѣнъ, тотъ лишь вольно или невольно готовитъ ужасы міровой революціи, которая, при спокойномъ торжествѣ революціонной Россіи, легко вылилась-бы въ мирную и безболѣзненную эволюцію. Жестоко и несправедливо заподазривать противусовѣтскую русскую интеллигенцію въ сознательномъ стремленіи вредить своей родинѣ и во враждѣ къ міровому прогрессу. Очевидно, причина ея оппозиціи совершающемуся въ Россіи *исключительно въ непо-*

ниманіи ею истиннаго своего долга. Жертвенная, она проглядѣла, какая жертва отъ нея требуется. Жаждущая великаго, она испугалась мѣрокъ и путей великаго.

V.

Каждый, не понявшій революцію, не понялъ ее по своему. Одно непониманіе у П. Б. Струве, какъ главы углубленнаго русскаго интеллигентскаго консерватизма. Совсѣмъ иное — у П. Н. Милюкова, оффиціальнаго вождя нашего либерализма. Еще иное — у А. Ф. Керенскаго и Н. Д. Авкссентьева, въ качествѣ крупнѣйшихъ представителей умѣреннаго русскаго революціонизма. Въ этомъ пунктѣ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между интеллигенціей и революціей самъ собой превращается въ вопросъ объ отношеніи между революціей и русскимъ консерватизмомъ, русскимъ либерализмомъ и умѣреннымъ русскимъ революціонизмомъ. И здѣсь, какъ и во всемъ предыдущемъ изложеніи, намъ много должны помочь „Вѣхи" и вызванная ими къ жизни обширная литература.

Итакъ, въ чемъ вина и ошибка П. Б. Струве? Въ чемъ его непониманіе революціи?

На нашъ взглядъ, коренная его ошибка заключается въ томъ, что онъ исходилъ изъ мысли о закончившейся въ 1905 году русской революціи и потому не предвидѣлъ никакой новой революціи. Если бы февраль и октябрь 1917 года никогда не пришли, онъ оставался бы во многомъ правымъ. Дѣйствительно, результаты „освободительнаго движенія", вызывавшаго столько надеждъ и стоившаго столькихъ жертвъ, не могли показаться особенно утѣшительными тому, кто цѣнитъ жертвы и хочетъ за нихъ достиженій великихъ, безусловныхъ. Какъ можно требовать уваженія и даже любви къ революціи, когда она — съ его точки зрѣнія — обречена носить въ себѣ минимумъ три роковыхъ порока. — Во-первыхъ, она не способна создать ничего достаточно цѣннаго и не оправдываетъ затраченныхъ на нее жертвъ. Во-вторыхъ, она оставляетъ послѣ себя развращенную ею и ни на что непригодную интеллигенцію. Въ-третьихъ, своими неудачами она вселяетъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ чувство унынія и разочарованія и дѣлаетъ ихъ неспособными къ работѣ на пользу дру-

гихъ, нереволюціонныхъ, формъ прогресса. Слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ все равно приходится не только двигаться потихоньку и осторожно, какъ если бы революціи и не было, но еще и залѣчивать причиненныя ею раны. Въ цѣляхъ такого залѣчиванія ранъ Струве и предлагаетъ смиреніе, самоуглубленіе и самоперевоспитаніе въ религіозномъ духѣ. Благодаря перевоспитанію создадутся новыя здоровыя поколѣнія, въ правительствѣ и обществѣ сложится здоровая атмосфера и тогда не понадобятся уже и никакія революціи и никакія жертвы.

Поскольку подобной проповѣдью Струве способствовалъ перевоспитанію русскаго общества, онъ былъ правъ и полезенъ. Но какъ только наступила вторая русская революція, такъ силою вещей онъ превратился въ обманщика. Невольнаго, — но все же обманщика.

Въ жизни цѣлаго нашего народа случилось то, что случается такъ часто въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Богатую барышню отдаютъ въ институтъ и обучаютъ пѣнью, танцамъ и изящнымъ манерамъ на радость будущему богатому жениху. Но вдругъ родители барышни умираютъ, институтъ брошенъ вмѣсто богатаго — въ мужьяхъ сельскій учитель, вмѣсто пѣнія и танцевъ — кухня, стирка и работа на огородѣ. Бѣдной женщинѣ и такъ тяжело, а тутъ еще письмо изъ столицы отъ бывшаго наставника: „вы созданы для красоты, бросьте эту пошлую жизнь“... Сейчасъ Струве въ отношеніи къ Россіи представляется мнѣ какъ разъ такимъ наставникомъ. Онъ упорно не хочетъ понять, что самымъ фактомъ новой революціи, какъ смертью, одна полоса русской жизни оборвана и другая, совершенно новая, начата. Прощайте грезы о балахъ, приходится приниматься за трудъ. И вся задача отнынѣ въ томъ, чтобы трудъ послужилъ источникомъ не несчастья, а счастья. Но если бы только въ этомъ одномъ непониманіи заключалась вина Струве предъ революціонной Россіей. Къ несчастію и для него самого, и для всего русскаго консерватизма, и для всей Россіи вина его неизмѣримо крупнѣе. Вмѣстѣ съ остальными авторами „Вѣхъ“ онъ съ полной отчетливостью уяснилъ себѣ невыгодность и опасность неудавшейся, половинчатой революціи. Въ такомъ случаѣ его прямой долгъ былъ по возникновеніи второй революціи помочь ей не остаться половинчатой, обезпечить ей успѣхъ. За каждый ея лозунгъ

долженъ былъ бы хвататься онъ и чѣмъ шире и абстрактнѣе лозунгъ, тѣмъ крѣпче держаться за него. Крупный экономистъ, человѣкъ точныхъ цифръ и вычисленій, какъ онъ не сопоставилъ въ своемъ умѣ: первая революція, не стоившая и тысячной доли тѣхъ жертвъ, что вторая и все-таки довольно много давшая, очень многимъ морально подрѣзала крылья. Изъ нихъ же первый онъ самъ почувствовалъ въ качествѣ автора „Вѣхъ", что *великій народъ не можетъ безнаказанно нести тяжесть жертвъ неискупленныхъ,* что ему невыразимо мучительно отъ ихъ сознанія. Такъ какъ же долженъ страдать этотъ великій народъ послѣ неисчислимыхъ жертвъ теперешняго лихолѣтія, если цѣною ихъ онъ не достигнетъ великихъ все-оправдывающихъ результатовъ! Хватитъ-ли у него въ дальнѣйшемъ моральныхъ силъ снести бремя собственнаго осужденія и осужденія другихъ народовъ? Способенъ-ли онъ будетъ дальше жить въ ясномъ сознаніи, что онъ преступникъ, негодяй, идіотъ, разрушившій все, не будучи ни пьянымъ, ни одержимымъ, и взамѣнъ... ничего! рѣшительно ничего!!! Невольно или нарочно? — но надъ этой стороной вопроса о срывѣ революціи всѣ вообще избѣгаютъ задумываться. У приверженцевъ идеи борьбы съ Ленинымъ до конца и во что бы то ни стало откуда-то берется увѣренность, что русскій народъ, обезчестивъ, умертвивъ и затѣмъ разрѣзавъ на куски мертвое тѣло матери своей Россіи, спокойно утретъ потъ съ лица и примется за очередныя дѣла, какъ будто ничего не случилось. Если это можно назвать исторической концепціей, то я не знаю концепціи болѣе жуткой. Приходится думать, что она просто не понята — какъ и многое теперь — своими собственными приверженцами.

Нѣтъ, пусть знаетъ каждый, что намъ теперь другого выбора нѣтъ: или всѣ мы, русскіе, взятые вмѣстѣ, преступники, или мы дѣлаемъ великое дѣло. Мы — преступники, если просто растлѣваемъ и умерщвляемъ нашу страдалицу-родину, чтобы вернуться къ старому или получить на копеечку новаго. Мы велики, если благодаря нашимъ жертвамъ восторжествуетъ геній революціи. Послѣ ужасовъ революціи неизбѣжно наступитъ періодъ счастія, насъ охватитъ творческій подъемъ — мы ясными глазами сможемъ глядѣть въ будущее. Послѣ ужасовъ преступленія... надо же хоть немного знать народъ русскій: *онъ не способенъ будетъ вынести ужасовъ соб-*

ственнаго преступленія! Онъ никогда не найдетъ въ себѣ силъ для моральнаго самовоскрешенія. Его личная и всемірно-историческая жизнь тогда кончена навсегда. И представить себѣ только: этого не понималъ и не понимаетъ тотъ самый Струве, который такъ живо чувствуетъ „мистику государства“ или мистику національнаго духа и который такъ любитъ говорить о нихъ. Ахъ, поменьше бы мистики всякаго рода и побольше здороваго чувства дѣйствительности! Поменьше бы разговоровъ о религіи и идеалахъ и побольше подлинной интуитивной религіозности, живого ощущенія идеала. Иначе — за виною накапливается вина, за обвиненіемъ обвиненіе. Иначе полный сумбуръ...

Къ Струве, какъ представителю „Вѣхъ“, съ полнымъ правомъ можно было бы обратиться приблизительно со слѣдующею рѣчью:

— Васъ возмущаетъ отсутствіе смиренія въ русскихъ интеллигентахъ и ихъ любовь лѣзть въ спасители Россіи. Такъ зачѣмъ же вы сами мнили себя всероссійскими величествами только потому, что у васъ изъ подъ ногъ еще не былъ вырванъ Севастополь? — Вы противъ героическихъ экстазовъ и противъ максимализма. Но это-ли не максимализмъ мечтать сокрушить цѣлую Россію за то, что она красная, поселить ужасающую анархію съ тѣмъ, чтобы изъ нея потомъ родилась еще болѣе ужасная реакція и все это ради мысли... о постепенномъ и безболѣзненномъ прогрессѣ? — Вы противъ нетерпимости, утрированной „принципіальности“ и революціонности. Повѣрьте, что мало кто теперь больше васъ страдаетъ этими грѣхами, которые еще усиливаются грѣхомъ самопротиворѣчія. — Неправда, что вы за государство: вы *за ваше представленіе о государствѣ,* за государство, къ которому привыкли съ дѣтскихъ лѣтъ и которое изжило себя уже задолго до вашего рожденія. — Неправда, что вы за сліяніе интеллигенціи съ народомъ. Иначе вы не пошли бы въ станъ тѣхъ, кто спитъ и видитъ вновь согнуть народъ въ бараній рогъ. — Вы очень проницательно указали, что идея личной отвѣтственности съ интеллигенціи должна быть распространена и на весь народъ. Спасибо вамъ за это. Но какъ же вы не видите, что весь смыслъ второй октябрьской революціи въ томъ и заключается, чтобы управленіе страной перешло къ самому народу, чтобы онъ самъ взялся управлять ею,

какъ умѣетъ и какъ хочетъ, чтобы онъ самъ дѣлалъ ошибки, но самъ же и расплачивался за нихъ, т. е. чтобы онъ самъ и только онъ былъ въ будущемъ отвѣтственъ за свою судьбу? — Вы принадлежите къ тѣмъ, что составляютъ цвѣтъ русской образованности. И вмѣстѣ съ тѣмъ вы упорно повторяете нелѣпую сказку о томъ, что „все зло отъ кучки людей", случайно захватившихъ власть. Чѣмъ эта ваша теорія революціи отличается отъ той космологіи, въ силу которой міръ стоитъ на трехъ китахъ? И вы еще хотите, чтобы вамъ въ чемъ-либо вѣрили послѣ этого! — Вы чувствуете мистику государства и націи. Въ такомъ случаѣ вы обязаны чувствовать и мистику революціи. Въ особенности, разъ вотъ уже четыре съ половиной года, какъ мы во власти величайшей изъ всѣхъ революцій. — Вамъ хочется, чтобы Россія посвятила себя служенію идеалу высокому и безусловному, „національному и универсальному". Если бы вы не были ослѣплены ненавистью и не обмануты прошлымъ, вы — такой глубокій и смѣлый въ вашей мысли — легко признали бы, что именно этотъ идеалъ и выковывается сейчасъ въ Россіи, именно за него и мретъ она съ голоду, истекаетъ кровью своихъ армій, съ утра до ночи думаетъ и говоритъ въ безчисленныхъ совѣтахъ, комитетахъ, конгрессахъ. Вы возмущены моими словами? Или — еще хуже — вы улыбаетесь? Такъ знайте же, что теперь каждый приступъ вашего возмущенія, каждая такая ваша улыбка новый ударъ по Россіи, ядовитое сѣмя, изъ котораго растутъ и множатся все новыя и новыя ея страданія. Не вашъ гнѣвъ и не ваши насмѣшки нужны сейчасъ Россіи, а ваша работа на пользу ей, *какова бы она, Россія, ни была.* Что же нужно вамъ, чтобы выйти изъ тупика, въ которомъ вы почувствовали себя послѣ девятьсотъ пятаго года, изъ котораго смѣло вырвались въ девятомъ и въ который снова попали въ семнадцатомъ? И очень много и очень немного. *Вамъ нужно понять, что революція совершилась и вамъ нужно пріять революцію.* И если вамъ удастся это, вы увидите, какъ поразительно гармонически сочетается все, что вы писали въ 1909 году съ тѣмъ, что вамъ придется дѣлать въ концѣ 1921-го года. Потому что — еще разъ, — пока не изжита и не восторжествовала революція, та русская культурная и интеллигентская традиція, которую вы ищете и которой хотите служить, есть прежде всего *революціонная традиція.* Вы замѣ-

тили это лучше всѣхъ, но — увы! — не сдѣлали правильнаго вывода. А главное: — рѣшительно отвергайте, какъ нелѣпое и, да будетъ позволено такъ выразиться, — наглое притязаніе присвоить какимъ-нибудь содержаніямъ величество національнаго духа. Стремитесь лишь къ тому, чтобы „въ духѣ и истинѣ“ служить этому величеству. А для этого нужно не указывать властной рукой творческому процессу жизни его путей, а пролагать и расчищать ихъ для свободнаго развитія, памятуя, что только свобода творчества обезпечиваетъ національной культурѣ полноту и богатство содержанія, красоту и изящество формы. Вѣдь, абсолютныхъ матеріальныхъ началъ національнаго бытія нѣтъ и быть не можетъ.

Иное, какъ сказано, непониманіе революціи у русскаго либерализма. Онъ никогда не былъ противникомъ революціи. До нея онъ все время подготовлялъ ее передъ 1905-мъ годомъ. Послѣ нея онъ, насколько могъ, воспользовался ея плодами. Когда „Вѣхи“ напали на нее, онъ взялъ ее подъ свою авторитетную защиту. Когда революціонеры смѣялись надъ нимъ за его „если возможно, то осторожно“ онъ мудро прощалъ имъ. Въ чемъ же дѣло? Почему онъ проявляетъ такую ненависть ко второй революціи? Почему онъ такъ упорно отказывается понять ее? Мнѣ представляется, что главныхъ причинъ здѣсь три. Первая причина та, что русскій либерализмъ неправильно оцѣнилъ свои собственныя соціальныя силы и свое соціальное мѣсто въ Россіи. Вторая причина та, что онъ до сихъ поръ не понялъ объема силъ, заданій и возможностей нынѣ переживаемой революціи. Третья причина: — онъ никакъ не хочетъ оцѣнить тѣхъ возможностей, которыя одновременно она принудительно налагаетъ на него.

Въ самомъ дѣлѣ:

Русскій либерализмъ — особенно во образѣ кадетизма — пріобрѣлъ значеніе опредѣленной и крупной политической и соціальной силы въ итогѣ конституціонныхъ реформъ 1905-1906 гг. и переворота 3-го іюня 1907 года. Пріоткрыта была дверь въ царство эволюціоннаго прогресса, намѣчены были пути ко все новымъ и новымъ реформамъ; къ революціоннымъ методамъ больше уже нельзя было прибѣгать. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть представлялась такою, на которую предстояло медленно и упорно давить въ цѣляхъ удовлетворенія народныхъ желаній, но которую напрасно пытаться взорвать. При

этихъ условіяхъ нельзя было надѣяться сразу на многое, но каждую минуту можно было достигать нѣкоего новаго и полезнаго „кое-что“. Выражаясь образно, нужно было только сверлить; сверлить осторожно, постепенно и на законномъ основаніи. Всякій, кто былъ недоволенъ настоящимъ, обязывался къ подобному сверленію во имя будущаго; а такъ какъ недовольны были почти всѣ, то сверленіемъ и занимались очень и очень многіе. Такимъ образомъ, всецѣло лишь подъ вліяніемъ основныхъ условій внѣшней политической обстановки, сложились послѣ 1905 года сила, тактика и программа русскаго либерализма. Полуконсервативнаго и полуреволюціоннаго.

Но вотъ подъ вліяніемъ міровой войны въ русской жизни произошелъ внезапный и рѣзкій переломъ: вспыхнула новая революція. Сначала казалось, что революція остановится на томъ, ради чего она началась — на отвѣтственномъ министерствѣ. Нѣтъ, не остановилась. — Казалось, что ей главнымъ образомъ нужно увидѣть эсъ-эровъ и эсъ-дековъ у власти. Нѣтъ, почему-то она поспѣшила перейти на сторону „кучки большевиковъ“. — Казалось, что большевистская власть „лопнетъ“ черезъ двѣ недѣли. Вотъ уже скоро четыре года, какъ она все еще не лопается. — Казалось, что ее можно легко сокрушить съ помощью офицерскихъ добровольческихъ армій. Нѣтъ, не смотря на весь ихъ героизмъ, не сокрушили. — Иностранцы сокрушать?! И иностранцы не сокрушили. — Рабочіе всего міра отвернутся отъ нихъ за ихъ ужасы? Рабочіе упорно тянутся къ нимъ и поддерживаютъ ихъ.

Короче говоря, революція преодолѣла всѣ преграды, увѣренно и властно вошла въ русскую жизнь и накрѣпко утвердилась въ ней. Удалось ей это какъ разъ потому, что она не послушалась либераловъ и всѣхъ близкихъ къ нимъ по программѣ и по темпераменту, а повела большую игру и поставила передъ собой большія цѣли. Русскаго крестьянина и рабочаго соблазнило не то, что онъ получитъ въ собственность лишнихъ пять десятинъ земли, и не то, что онъ самъ себѣ выдастъ патентъ на умѣренность и аккуратность въ законноизбранномъ Учредительномъ Собраніи. Его соблазнила мысль пострадать за рабочихъ и крестьянъ, за униженныхъ и оскорбленныхъ всего міра. Чисто по-русски — „пострадать“. Онъ ничего не понималъ, когда ему говорили: воюй съ нѣмцемъ

лично ради себя. Онъ не вѣрилъ, когда его призывали все взять себѣ ради его собственной выгоды. Но онъ повѣрилъ и взялся за оружіе, когда ему сказали, что онъ призванъ убить зло въ мірѣ и насадить въ немъ вѣчную справедливость. Воистину все измѣнилось въ Россіи съ революціей. Всѣ элементы старой жизни исчезли или вошли въ неразложимое соединеніе съ элементами новыми, выдвинутыми заразъ и прошлымъ, и настоящимъ, и будущимъ Россіи. Раздвинулись совершенно новые масштабы. И вотъ послѣ всего этого цвѣтъ русской интеллигенціи, мозгъ страны — русскіе либералы — все еще знай себѣ сверлятъ маленькимъ сверломъ въ надеждѣ высверлить хорошенькую маленькую дырку. И все еще не замѣчаютъ, что передъ ними не скала романовскаго полу-абсолютизма, а громадный кратеръ отъ страшнаго революціоннаго взрыва, что жалкое ихъ сверло болтается въ воздухѣ и что вотъ-вотъ кратеръ поглотитъ и ихъ самихъ! Бѣлокаменная Москва съ ея сороками сороковъ — столица третьяго Интернаціонала. Русскій патріархъ — авторитетъ для западныхъ коммунистовъ. Еврей-эмигрантъ Троцкій глава и кумиръ самой сильной — и не менѣе христолюбивой, чѣмъ прежде — арміи въ мірѣ. А тутъ, въ нашихъ эмигрантскихъ либеральныхъ кругахъ, все еще мучаются надъ вопросомъ, что лучше для Россіи: конституціонная монархія или республика? И какая республика, американскаго или французскаго типа? И хорошо-ли, что Милюковъ сѣлъ рядомъ съ Авксентьевымъ или это очень, очень дурно съ его стороны и Россія никогда ему этого не проститъ?

П. Н. Милюковъ первый замѣтилъ опасность, предъ которой очутилась его партія. Онъ первый почувствовалъ, что еще немного и весь ея моральный кредитъ, все ея воистину прекрасное прошлое окажутся безсильны спасти ее отъ грознаго приговора исторіи, отъ вѣчныхъ насмѣшекъ потомства. И вотъ онъ дерзнулъ заявить, что теперь вмѣсто монархіи онъ за республику, вмѣсто унитарной Россіи за Россію федеративную, вмѣсто того, чтобы держать за шиворотъ окраины онъ протягиваетъ къ нимъ свою руку для дружескаго привѣтствія. Съ помощью кронштадтскаго возстанія (увы, возстанія все-же) онъ дошелъ и до признанія совѣтовъ. Онъ уже теперь „безъ кавычекъ“ говоритъ о „завѣтахъ революціи“, хотя и думаетъ, что революція совершенно выявила себя и исчерпала къ

ноябрю 1917 г. Послѣ, я абсолютно увѣренъ въ этомъ, онъ дойдетъ и до яснаго усвоенія смысла новѣйшихъ революціонныхъ завѣтовъ. Если онъ всегда запаздываетъ и отстаетъ, то у него есть на это уважительная причина: егопартія двигается по пути уясненія происходящаго еще медленнѣе, чѣмъ онъ, и онъ каждую минуту рискуетъ совершенно отколоться отъ нея. Однако, мы уже отмѣчали, что П. Н. Милюковъ способенъ и на рѣшительные жесты. Пусть же онъ обратитъ вниманіе, что то, что „очень много“ въ его теперешнемъ поведеніи для него самого, то безконечно мало по сравненію съ истинными требованіями момента. Пусть онъ оглянется на своихъ соратниковъ: больше половины ихъ отказались слѣдовать за нимъ и онъ самъ ушелъ отъ нихъ. Ну, а гдѣ новые? Кто къ нему примкнулъ за это время и кто можетъ примкнуть къ нему? Пока онъ тратитъ всю свою энергію, чтобы усидѣть сразу на трехъ или четырехъ стульяхъ и согласовать пять или шесть несогласимыхъ резолюцій, молодыя поколѣнія русскихъ либераловъ, которые воспитались на немъ, но для которыхъ не прошло даромъ и воспитаніе революціи — начинаютъ все болѣе и болѣе смотрѣть на него какъ на чужого. Его тактическое искусство имъ уже не импонируетъ: — имъ теперь не до тактическихъ тонкостей. Въ его гибкостн они усматриваютъ проявленіе того „нигилизма“, о которомъ говорилось выше и который пора уже изжить. Въ итогѣ четырехъ съ половиной лѣтъ революціи закрѣпилось уже многое, чему можно и должно служить во имя постепеннаго и мирнаго эволюціоннаго прогресса. Обязанность всякаго либерализма двигать прогрессъ именно такимъ образомъ. До революціи русскій либерализмъ могъ служить маленькимъ цѣлямъ, потому что большія были недостижимы. Теперь обязательны даже не большія цѣли, а великія. Понятія эволюціи, демократіи и прогресса могутъ и должны быть расширены настолько, насколько это поддерживается революціей и не грозитъ ей крахомъ. А главное: либерализмъ никогда не плетется въ хвостѣ прогресса; онъ ведетъ его. Поэтому, если бы въ концѣ концовъ П. Н. Милюковъ дошелъ даже до коммунизма и сталъ проповѣдывать міровую революцію и зачислился въ красную армію для борьбы съ Польшей, но все это съ запозданіемъ, т. е. когда уже другія требованія для творчества прогресса, то все равно молодой русскій либерализмъ не согласился бы видѣть въ немъ

больше своего вождя. Такимъ образомъ, вопросъ пріятія или непріятія всей русской революціи есть „быть или не быть“ для послѣдующаго русскаго либерализма. Только пріявъ ее, онъ сгладитъ всѣ тѣ черты, которые отталкивали отъ него многихъ въ прошломъ: эластичность, граничащую съ оппортунизмомъ, отсутствіе достаточно широкаго кругозора и недостаточную настойчивость въ отстаиваніи своихъ идеаловъ. Можно даже утверждать, что *передѣлывая все, великая русская революція впервые оказывается способной открыть пути для яркаго и могучаго русскаго либерализма, какъ послѣ нея-же впервые становится возможенъ прогрессивный и устойчивый русскій консерватизмъ.*

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ умѣренно революціонныхъ партіяхъ. Ихъ вина предъ революціей особенно тяжка. Созданныя въ предреволюціонной обстановкѣ и разсчитанныя лишь на революціонную борьбу, а не на революціонное творчество, всѣ онѣ оказались безсильны уловить пульсъ революціи. Онѣ торопили ее, когда скорѣе нужно было ее удерживать; онѣ принялись удерживать ее, когда уже было поздно и когда ей стало не до нихъ. Онѣ были увѣрены, что уставчики и программочки, выработанныя на досугѣ до революціи, буква въ букву начнутъ осуществляться во время революціи. Каждая партія была увѣрена, что именно теперь-то и пришло ея время и ревниво стала бороться за господство съ ближайшими по духу партіями. Ихъ вожди почему то рѣшили, что разъ они вожди партій, то — значитъ — они и вожди народа. Замѣтивъ, что революція отвертывается отъ нихъ, они обидѣлись на нее и очень во многомъ въ послѣдующей борьбѣ ихъ съ нею проявилась одна лишь мелкая личная обида. Испуганные тѣмъ, что революція все болѣе и болѣе устремляется влѣво, они машинально бросились вправо и очутились въ радостныхъ объятіяхъ своихъ недавнихъ противниковъ: промышленниковъ, помѣщиковъ, генераловъ. Однимъ, какъ Бурцеву и Алексинскому, новая компанія пришлась вполнѣ по душѣ и теперь они еще и не всякаго генерала подпустятъ къ себѣ. Другіе то и дѣло разыгрываютъ сценки и трюки изъ старинныхъ водевилей: поцѣлуются и тутъ же плюнутъ, — опять поцѣлуются и опять плюнутъ. А вѣдь, все-таки цѣлуются. Къ тому же, всѣ виднѣйшіе революціонеры успѣли побывать министрами и это на нихъ тоже сказалось: они удивительно обуржуазились и обюрократились. Если даже они отказы-

ваются имѣть дѣло съ помѣщиками и генералами, то это потому, что у нихъ есть ходы къ самому Бріану и даже къ самому Мильерану. Куда ни шло еще, если бы только они обуржуазились персонально. Почему, въ самомъ дѣлѣ, другіе могутъ собираться въ отличныхъ помѣщеніяхъ, а они не могутъ? Почему не печатать имъ своихъ резолюцій на роскошной веленевой бумагѣ и на трехъ языкахъ? Но гораздо печальнѣе для нихъ то, что ихъ программы давнымъ давно потеряли всякій революціонный привкусъ и превратились въ одно изъ многихъ революціонныхъ недоразумѣній. Въ области внутреннихъ политическихъ отношеній они какъ революціонную новость выдаютъ завѣты конца 18-го вѣка, въ области международной политики они горой стоятъ за принципъ самоопредѣленія народностей, тоже ужъ не изъ молодыхъ, достаточно затрепанный по всѣмъ министерскимъ канцеляріямъ и наглядно проявившій свою историческую реакціонность (внѣ очень серьезныхъ коррективовъ). Страннѣе же всего то, что умѣренные революціонеры, о которыхъ рѣчь, органически неспособны понять *международный и міровой смыслъ* русской революціи и настойчиво поощряютъ международную реакцію, въ которой, разумѣется, первая захлебнется — если не устоитъ — страдалица Россія. Такимъ образомъ передъ умѣренными революціонерами сейчасъ три выхода: или они примирятся съ революціей и подчинятся ей — тогда они снова станутъ революціонерами; или они превратятся въ главную опору реакціи, какъ Бурцевъ, Алексинскій и Савинковъ; или же они такъ и останутся пожизненными Буридановыми ослами, мотающими головой изъ стороны въ сторону отъ сѣна контръреволюціоннаго къ сѣну слишкомъ революціонному. И въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ случаѣ, имъ нѣтъ мѣста въ будущей Россіи, какъ самостоятельному политическому типу. Ихъ пѣсня спѣта еще 27 октября 1917 года. Эхо этой пѣсни слышалось, правда, и позже, но вольно же было намъ принимать эхо за самую пѣсню. Остается надѣяться, что природная внутренняя честность нашихъ умѣренныхъ революціонеровъ въ отношеніи къ своему революціонному долгу поможетъ имъ, въ концѣ концовъ, выбрать первый изъ отмѣченныхъ путей. Если они не захотятъ сдѣлать этого ради торжества непонятой ими революціи, то пусть сдѣлаютъ ради ея преодолѣнія. Въ послѣднемъ итогѣ то и другое совпадаетъ.

VI.

„Всѣмъ тѣломъ, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ сознаніемъ — слушайте Революцію.“

Такъ указалъ Александръ Блокъ. Онъ въ числѣ тѣхъ, кто понялъ и русскую интеллигенцію, и русскій народъ, и русскую революцію. Говорятъ, позже онъ разочаровался въ революціи. Не знаю, такъ-ли это. Мало-ли что говорятъ; особенно за-границей. Да это и не существенно. Пусть разочаровался, усталъ, палъ духомъ. Кто станетъ винить его за это? Какой можно сдѣлать изъ этого *выводъ?* Только тотъ выводъ, что революція *больше* даже, чѣмъ Александръ Блокъ, и что тѣ, кто ведутъ ее до сихъ поръ почти съ самаго начала, оказались *болѣе сильны* энергіей и вѣрой, чѣмъ онъ провидѣніемъ. Достаточно, что, слушая Революцію въ минуту одного изъ своихъ озареній, онъ спросилъ себя: — „Что же задумано?“ И не съ насмѣшкой, не съ недовѣріемъ, не со злобой, а съ гордостью за Россію отвѣтилъ: — „Передѣлать все.“

Приведу полностью его отвѣтъ:

„*Передѣлать все.* Устроить такъ, чтобы все стало новымъ; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью. — Когда такіе замыслы, искони таящіеся въ человѣческой душѣ, въ душѣ народной, разрываютъ сковывавшіе ихъ путы и бросаются бурнымъ потокомъ, доламывая плотины, обсыпая лишніе куски береговъ, это называется революціей. Меньшее, болѣе умѣренное, болѣе низменное — называется мятежомъ, бунтомъ, переворотомъ. Но *это* называется *революціей.*

„Она сродни природѣ. Горе тѣмъ, кто думаетъ найти въ революціи исполненіе только своихъ мечтаній, какъ бы высоки и благородны они ни были. Революція, какъ грозный вихрь, какъ снѣжный буранъ, всегда несетъ новое и неожиданное, она жестоко обманываетъ многихъ; она легко калѣчитъ въ своемъ водоворотѣ достойнаго; она часто выноситъ на сушу невредимыми недостойныхъ; но это — ея частности, это не мѣняетъ ни общаго направленія потока, ни того

грознаго и оглушительнаго гула, который издаетъ потокъ. Гулъ этотъ, все равно, всегда — *о великомъ.*

„Размахъ русской революціи, желающей охватить весь міръ (меньшаго истинная революція желать не можетъ, исполнится это желаніе или нѣтъ — гадать не намъ), таковъ: она лелѣетъ надежду поднять міровой циклонъ, который донесетъ въ заметенныя снѣгомъ страны — теплый вѣтеръ и нѣжный запахъ апельсинныхъ рощъ; увлажнитъ спаленныя солнцемъ степи юга — прохладнымъ сѣвернымъ дождемъ. — „Миръ и братство народовъ" вотъ знакъ, подъ которымъ проходитъ русская революція. Вотъ о чемъ реветъ ея потокъ. Вотъ музыка, которую имѣющій уши можетъ слышать. —

„Русскіе художники имѣли достаточно „предчувствій и предвѣстій" для того, чтобы ждать отъ Россіи именно такихъ заданій. Они никогда не сомнѣвались, что Россія — большой корабль, которому суждено большое плаваніе. Они, какъ и народная душа, ихъ вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умѣренностью, аккуратностью: „все, все, что гибелью грозитъ", таило для нихъ „неизъяснимы наслажденія" (Пушкинъ). Чувство неблагополучія, незнаніе о завтрашнемъ днѣ, сопровождало ихъ повсюду. Для нихъ, какъ для народа, въ его самыхъ глубокихъ мечтахъ, было *все или ничего.* Они знали, что только о прекрасномъ стоитъ думать, хотя „прекрасное трудно", какъ училъ Платонъ".

Въ приведенныхъ словахъ ярко обрисована душа интеллигента-большевика въ узкомъ смыслѣ слова. Въ нихъ — историческое и логическое объясненіе современнаго русскаго большевизма. Въ нихъ — его историческое *оправданіе.* Все вело въ Россіи къ революціи и къ большевизму. Революція и большевизмъ для Россіи одно: безъ революціи большевики лишь кучка „фанатиковъ" и „бандитовъ"; — безъ большевиковъ революція лишь переворотъ, бунтъ, погромъ, анархія безъ прорыва въ будущее и безъ надеждъ на будущее. Пока не было революціи, правы были тѣ, кто призывалъ бороться съ прирожденнымъ русскимъ революціоннымъ экстремизмомъ: его дѣло страшное и его методы жестоки; лучше бы обойтись безъ нихъ! Пока въ началѣ революціи была еще надежда остановить революціонный разливъ, во имя болѣе экономнаго перехода въ будущее, во имя сохраненія человѣческихъ жизней, во имя любви къ матеріальной культурѣ, — нельзя

было не стремиться укротить революцію (чтобы вмѣсто нея и какъ-то по иному, но сдѣлать ея-же дѣло). Но революція идетъ и идетъ. Растетъ. Ширится. Углубляется.

Тутъ уже началось непонятное:

Во имя немедленнаго сверженія большевиковъ, съ ними ведутъ борьбу годами. — Во имя сбереженія человѣческихъ жизней, людей бросаютъ сотнями тысячъ на бѣлые фронты, въ концентраціонные бѣженскіе лагеря, обрекаютъ на голодъ, на преступленія, на проституцію, превращаютъ въ спекулянтовъ, неврастениковъ, бездѣльниковъ. — Во имя преодолѣнія экстремизма, сами превращаются въ экстремистовъ, но наизнанку, что еще хуже: бѣлый экстремизмъ это озвѣрѣлое желаніе, чтобы отъ революціи остались одни только разрушенія и чтобы цѣною ихъ рѣшительно ничего не было создано. — Во имя сбереженія матеріальныхъ богатствъ Россіи, взрываютъ мосты, разрушаютъ города подъ предлогомъ: „вредимъ большевикамъ". — Въ цѣляхъ сохраненія уваженія къ прежнимъ основамъ русскаго политическаго и соціальнаго бытія дѣлаютъ все, чтобы надъ ними повисли изступленныя проклятія отчаявшихся.

И вотъ допустите, что революціонная власть насильственно свергнута. Поѣхали въ Россію Авксентьевъ, Алексинскій, Бурцевъ, Гучковъ, Керенскій, Милюковъ, Савинковъ, Струве. Какимъ-то чудомъ они сумѣли не перессориться снова и снова, а мирно выработать долгожданную „общую линію". Эта общая линія мнѣ представляется въ видѣ Учредительнаго Собранія на основѣ прямого, равнаго и прочая, возглавляемаго какимъ-нибудь генераломъ, — Врангелемъ или другимъ. Наступаетъ періодъ строительства новой Россіи. Выстроили и сошли съ жизненной сцены удовлетворенные: въ Россіи монархія по типу англійской или республика по типу Соединенныхъ Штатовъ. Чего-же лучше? Однако, бѣда вся въ томъ, что когда мы будемъ копировать Англію и Америку, какъ образцы политическаго благоустройства, и Англія и Америка будутъ упорно бороться за то, чтобы стать совсѣмъ другими. Когда мы будемъ думать, что наступила эра успокоенія, зачнется въ ужасахъ эра новаго всемірнаго смятенія. Идеалы великой русской революціи окажутся насильственно приглушенными, но они, конечно, не умрутъ. Ихъ будутъ провозглашать, ими будутъ жить по прежнему и русскія ре-

волюціонныя массы и иностранныя. „Жалкіе остатки“ русской интеллигенціи вдругъ почувствуютъ, что только въ нихъ свое, русское, большое и выстраданное. И тогда-то впервые они полюбятъ эти идеалы, какъ не любили еще никогда и тѣмъ сильнѣе полюбятъ, чѣмъ болѣе жестоко они ихъ обманули передъ тѣмъ.

А послѣ „непонятное“ будетъ все нагнетаться и нагнетаться въ грядущей русской жизни: придушенные нашими призрачными либералами и революціонерами, истинно революціонные идеалы сдѣлаются главнымъ двигателемъ всей послѣдующей исторіи русскаго духа и русскаго политическаго бытія. Новыя поколѣнія начнутъ спрашивать себя и своихъ отцовъ, что же получилось? Чѣмъ великъ Авксентьевъ, которому воздвигли памятникъ Алексинскій и Бурцевъ? Чѣмъ великъ Гучковъ, позаботившійся о памятникахъ для Керенскаго и Милюкова? Чѣмъ велики Савинковъ и Струве, остатки силъ положившіе на сооруженіе пышнаго мавзолея для Алексинскаго, Бурцева и Гучкова? И безъ особеннаго труда они подведутъ грустный итогъ: Не будь ихъ, въ Россіи не было бы столькихъ разрушеній въ 1917—1921 гг.; стало-быть, главные виновники русской разрухи они. Не будь ихъ, Россія не плелась бы снова въ хвостѣ остальныхъ странъ; стало быть, это они же испортили международное положеніе Россіи. Не будь ихъ, прорывъ въ будущее былъ бы великимъ. Соціальныя неравенства были бы болѣе сглажены, политическое устройство вышло бы болѣе совершеннымъ, внѣшнія отношенія покоились бы на болѣе справедливыхъ основаніяхъ. Съ Россіи брали бы примѣръ всѣ остальные народы, у нее учились бы, ей завидовали бы. Теперь ее попросту считаютъ дурой, бездарностью, мотовкой. Словомъ, они — и они одни — виновны въ самомъ тяжкомъ изъ всѣхъ политическихъ преступленій: въ лишеніи своего народа права быть гордымъ или, что тоже, — въ убійствѣ народной души.

Но Богъ дастъ, мрачнаго чуда не случится. Бурцевъ съ Авксентьевымъ, а Милюковъ съ Гучковымъ не столкуются никогда. Значитъ, не будетъ въ Россіи ни монархіи англійскаго типа, ни республики типа Соединенныхъ Штатовъ. Будетъ что-то свое, выстраданное и выкованное революціей. Памятниковъ или вовсе никому не поставятъ, или поставятъ ихъ Ленину. И тогда-то станетъ впервые ясно, что вся русская

интеллигенція жила и работала въ качествѣ революціонной силы для того только, чтобы создать, испытать и закалить Ленина, чтобы сначала чрезъ него дать настоящую русскую революцію, а потомъ чрезъ него же навсегда или надолго преодолѣть ее.

Въ Ленинѣ старая русская интеллигенція безъ остатка исчерпываетъ и изживаетъ себя. Послѣ него она или вовсе перестанетъ существовать, или станетъ совершенно новою. Послѣднее — вѣрнѣе. Ленинъ, это та цѣна, которою куплена новая Россія, а съ нею и новая русская интеллигенція. Вотъ если бы его не было, то еще вопросъ не выродилась-ли бы она, эта русская интеллигенція, въ ближайшемъ же поколѣніи въ мелкодушныхъ мѣщанъ, въ антиподовъ интеллигенціи. Напротивъ, разъ Ленинъ *былъ*, велъ революцію, какъ ея признанный вождь и далъ ей побѣды — превращеніе интеллигенціи въ мѣщанство становится исторически невозможнымъ.

Но еще болѣе невозможно и то, чтобы за однимъ Ленинымъ послѣдовали другіе. Нѣтъ, отнынѣ надолго или навсегда покончено со всякимъ революціоннымъ экстремизмомъ, со всякимъ большевизмомъ и въ „широкомъ“ и въ „узкомъ“ смыслѣ. За отсутствіемъ почвы для него. За ненадобностью. Завершился длиннѣйшій революціонный періодъ русской исторіи. Въ дальнѣйшемъ открывается періодъ быстраго и мощнаго эволюціоннаго прогресса. Ненавидящіе революцію могутъ радоваться; но, радуясь, они должны все же отдать должное революціи: только она сама сумѣла сдѣлать себя ненужной.

Будущая русская интеллигенція, вышедшая изъ горнила великой революціи, навѣрное, будетъ такою, какою ее отчасти видѣли, отчасти хотѣли бы видѣть авторы „Вѣхъ“. Только все отрицательное въ ней, что раньше проистекало изъ ея революціоннаго назначенія, впредь не будетъ давать себя знать, исчезнетъ, сгладится. Философскій кругозоръ ея будетъ широкъ, т. к. революція научитъ ее исключительной смѣлости мысли и откроетъ предъ нею пути касанія самыхъ сокровенныхъ глубинъ бытія и небытія. Въ процессѣ философскаго самоуглубленія въ русской интеллигенціи впервые выработается единая и прочная „научная традиція“, покоющаяся на новомъ сознаніи и на смиреніи. Интеллигенція уже

не захочетъ больше искусственно замѣнять народъ, или принудительно навязывать ему свои воззрѣнія, и потому станетъ скромной. Она войдетъ въ народъ неотъемлемой частью и уже ни о какомъ ея отщепенствѣ не можетъ быть потомъ и рѣчи. Въ ней просто сосредоточится богоискательство русскаго народа, — то самое, которое въ ней проявлялось и раньше, но которое порою шло дурными, уродливыми путями. И, навѣрное, это богоискательство будетъ чисто русскимъ, т. е. такимъ, въ которомъ намѣтятся пути примиренія абсолютныхъ требованій духа съ относительностью условій жизни на землѣ. Быть можетъ, тогда впервые будетъ понята русскими людьми абсолютная цѣнность относительнаго, и во всякомъ случаѣ, — яснѣе почувствована очень и очень относительная цѣнность абсолютныхъ критеріевъ. Конкретно это выразится въ томъ, что русская интеллигенція уловитъ начала *мистическаго* въ государствѣ, проникнется „мистикой государства“, Тогда изъ внѣгосударственной и антигосударственной она сдѣлается государственной и чрезъ ея посредство государство — Русское Государство — наконецъ-то станетъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть: — „путемъ Божіимъ на землѣ“. Совершенно несомнѣнно, что и въ будущемъ русская интеллигенція не сдѣлается однодумной; въ ней никогда не сольются воедино разныя теченія мысли, въ ней никогда не прекратится борьба идей. Напротивъ, она болѣе чѣмъ когда-либо станетъ мѣстомъ скрещенія идей. Въ области идей чисто политическихъ, консерватизмъ, либерализмъ и революціонизмъ, неизбѣжные во всякой соціальной жизни какъ три основныхъ типа политическаго творчества, обязательно разобьютъ русскую интеллигенцію на три лагеря. Но это уже не будутъ лагери озвѣрѣлыхъ враговъ. Это будутъ лагери трехъ армій, разными путями идущихъ на общаго врага: на грѣхи и бѣдствія соціальной жизни. Такимъ образомъ, интеллигенція окажется нужной будущей Россіи, какъ *сила мощнаго соціальнаго прогресса въ прочномъ соціальномъ мирѣ*. Нужная Россіи, она явится нужной и всѣмъ остальнымъ народамъ въ ихъ борьбѣ противъ губящаго ихъ мѣщанства духа и въ ихъ стремленіи къ соціальной справедливости.

Прибавлять-ли, что такая русская интеллигенція имѣетъ всѣ права на существованіе и что только ставъ такою, она въ состояніи оправдать свои прошлые грѣхи? Повторять-ли,

что единственный путь для этого — естественное завершеніе революціи, безъ срывовъ, безъ тинистой контръ-революціи? Русская интеллигенція постепенно начинаетъ понимать это. Скоро, навѣрное, пойметъ вполнѣ. И теперь вопросъ только въ томъ: совершится-ли пріятіе нами революціи раньше, чѣмъ въ борьбѣ съ нею золны анархіи временно захлестнутъ Россію, или же *для пріятія революціи* намъ суждено пройти черезъ періодъ новыхъ ужасовъ?

Неужели суждено?...

Ю. Ключниковъ.

PATRIOTICA.

I.

Въ 1905 году, въ разгаръ русско-японской войны группа русскихъ студентовъ отправила въ Токіо телеграмму микадо съ искреннимъ привѣтомъ и пожеланіемъ скорѣйшей побѣды надъ кровавымъ русскимъ царемъ и его ненавистнымъ самодержавіемъ.

Въ томъ же 1905 году та же группа русскихъ студентовъ обратилась къ польскимъ патріотамъ съ братскимъ привѣтомъ съ пожеланіемъ успѣха въ борьбѣ съ царскимъ правительствомъ за возстановленіе польскаго государства и сверженіе русскаго абсолютизма.

Прошло 15 лѣтъ. Капризною игрою исторической судьбы эта группа русскихъ студентовъ, возмужавшая и разросшаяся, превратилась, худо ли, хорошо-ли, въ русское правительство и принялась диктаторски править страной.

Тогда нашлась въ странѣ другая группа русскихъ интеллигентныхъ людей, которая стала отправлять въ тоже Токіо телеграммы и даже депутаціи къ микадо и его министрамъ съ искреннимъ привѣтомъ и пожеланіемъ побѣды надъ кровавыми русскими правителями и ненавистнымъ имъ коммиссародержавіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ та же группа русскихъ людей обратилась къ польскимъ патріотамъ (въ свою очередь созрѣвшимъ и оформившимся за эти 15 лѣтъ) съ братскимъ привѣтомъ и пожеланіемъ успѣха въ ихъ борьбѣ съ краснымъ правительствомъ за расширеніе польскаго государства и сверженіе русскаго деспотизма.

Группа русскихъ пораженцевъ 1905 года на упрекъ въ антипатріотизмѣ и предательствѣ родины отвѣчала обычно, что нужно различать петербургское правительство отъ русскаго народа, что русское царское правительство ненавидимо русскимъ народомъ и что оно не столько русское, сколько нѣмецкое. Къ этому прибавлялось для вящей убѣдительности, что интересы міровой „солидарности трудящихся“ должны стоять на первомъ планѣ, а русская власть есть ихъ величайшій врагъ. Группа русскихъ пораженцевъ 1920 года на упреки въ антипатріотизмѣ и забвеніи родины отвѣчаетъ обычно, что нужно отличать московское правительство отъ русскаго народа, что русское совѣтское правительство ненавидимо русскимъ народомъ и что оно не столько русское, сколько еврейское. Къ этому присовокупляется для пущей убѣдительности, что интересы міровой „культуры“ должны стоять на первомъ планѣ, а нынѣшняя русская власть есть ихъ непримиримый врагъ...

Въ 1915 году нынѣшніе пораженцы были активными защитниками отечества. Геній народа былъ съ ними, несмотря на неудачи японской кампаніи. Пораженцы же 1905 и 1914 годовъ стали теперь силою вещей активными защитниками отечества. И геній народа („оборонецъ“ по инстинкту) перелетѣлъ къ нимъ. Надолго ли? — До тѣхъ поръ пока они активно защищаютъ страну...

Какое глубочайшее недоразумѣніе — считать русскую революцію не національной! Это могутъ утверждать лишь тѣ, кто закрываетъ глаза на всю русскую исторію, и, въ частности, на исторію нашей общественной и политической мысли.

Развѣ не началась она, революція наша, и не развивалась черезъ типичнѣйшій русскій бунтъ, „безсмысленный и безпощадный“ съ перваго взгляда, но всегда таящій въ себѣ какія то нравственныя глубины, какую то своеобразную „правду“? Затѣмъ, развѣ въ ней нѣтъ причудливо преломленнаго и осложненнаго духа славянофильства? Развѣ въ ней мало отъ Бѣлинскаго? Отъ чаадаевскаго пессимизма? Отъ печоринской (чисто русской) „патріофобіи“? Отъ герценовскаго революціоннаго романтизма („мы опередили Европу потому что отстали отъ нея“). А писаревскій утилитаризмъ? А Чернышевскій? А якобинизмъ ткачевскаго „Набата“ (апологія „иниціативнаго меньшинства“)? Наконецъ, развѣ на каждомъ шагу въ ней

не чувствуется Достоевскій, достоевщина — отъ Петруши Верховенскаго до Алеши Карамазова? Или, быть можетъ, оба они — не русскіе? А марксизмъ 90-хъ годовъ, руководимый тѣми, кого мы считаемъ теперь носителями подлинной русской идеи — Булгаковымъ, Бердяевымъ, Струве? А Горькій? А „соловьевцы“ — Андрей Бѣлый и Александръ Блокъ?...

Нѣтъ, ни намъ, ни „народу“ неумѣстно снимать съ себя прямую отвѣтственность за нынѣшній кризисъ — ни за темный, ни за свѣтлый его лики. Онъ — нашъ, онъ подлинно русскій, онъ весь въ нашей психологіи, въ нашемъ прошломъ, — и ничего подобнаго не можетъ быть и не будетъ на Западѣ, хотя бы и при соціальной революціи, внѣшне съ него скопированной. И если даже окажется математически доказаннымъ, какъ это нынѣ не совсѣмъ удачно доказывается подчасъ, что девяносто процентовъ русскихъ революціонеровъ—инородцы, главнымъ образомъ евреи, то это отнюдь не опровергаетъ чисто русскаго характера движенія. Если къ нему и прикладываются „чужія“ руки, — душа у него, „нутро“ его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское, — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа.

Не инородцы революціонеры правятъ русской революціей, а русская революція правитъ инородцами революціонерами, внѣшне или внутренно пріобщившимися „русскому духу“ въ его нынѣшнемъ состояніи...

Не есть ли крутящаяся надъ Россіей буря — сплошное разрушеніе, „чистое отрицаніе“, безнадежно опустошительное, какъ порывъ осенняго вѣтра или деревенскій пожаръ въ знойный лѣтній день? Не есть ли она — гибель русской культуры или, въ лучшемъ случаѣ, тягчайшій ударъ по ней?

Естественный вопросъ современниковъ. Ибо они видятъ какъ горятъ усадьбы, какъ умираетъ устоявшійся бытъ, такой очаровательный и благородный, какъ въ дни уличныхъ возстаній расхищаются любимые музеи, какъ тяжелый снарядъ разрывается на куполѣ Благовѣщенскаго Кремлевскаго собора, какъ драгоцѣнности Зимняго Дворца продаются на заграничныхъ толкучкахъ, какъ исчезаетъ, спаленный пожаромъ, старый Ярославль... Ибо, кромѣ того, они воочію наблюдаютъ потрясающее опустошеніе въ рядахъ тѣхъ, кто по справедливости считался ими цвѣтомъ современной русской культуры, — они видятъ какъ рука убійцъ поражаетъ Шин-

гарева, Кокошкина, какъ въ кошмарныхъ условіяхъ изгнанія гибнетъ отъ нелѣпыхъ тифовъ длинная вереница виднѣйшихъ дѣятелей общественности и науки, во главѣ съ Трубецкимъ, какъ одинъ за другимъ вырываются изъ строя русскими пулями популярнѣйшіе русскіе генералы, какъ покидаютъ родину лучшіе ея люди, какъ, наконецъ, умираютъ отъ голода Лаппо-Данилевскій, Розановъ и многіе, многіе другіе.

И они готовы, эти несчастные, измученные современники, всѣми словами, какія находятъ, проклинать налетѣвшій шквалъ считать его безсмысленно разрушительнымъ, позорной болѣзнью, паденіемъ „когда то великаго“ народа...

Всякое великое историческое событіе сопряжено съ разрушеніемъ. И вообще-то говоря, культура человѣчества тѣмъ только и жива, что постоянно разрушается и творится вновь, сгорая и возрождаясь, какъ фениксъ изъ пепла, поглощая порожденія свои, какъ сатурнъ.

Разрушеніе страшно и мрачно, когда на него смотришь вблизи. Но если его возьмешь въ большой перспективѣ, оно — лишь неизбѣжный признакъ жизни, хотя, быть можетъ, и нѣсколько грустный признакъ: было бы лучше, если бы творчество не предполагало разрушенія и, скажемъ, цѣнности языческой культуры мирно уживались бы рядомъ съ явленіями христіанства, а бытъ Людовика XIV — съ атмосферою пореволюціонной свободы личности.

Но вѣдь этого нѣтъ и по условіямъ жизни земной, во времени протекающей, быть не можетъ. Взять хотя бы эти два случайно выплывшіе примѣра. Христіанская культура, введенная въ міръ великою и мрачно прекрасною эпохою средневѣковья, начала съ того, что безжалостно сокрушила безконечное количество несравненныхъ памятниковъ древности. „Нашествіе варваровъ внесло гораздо меньше опустошеній въ сокровищницу древней культуры, нежели благочестивая ревность служителей Христіанской Церкви“, говоритъ историкъ среднихъ вѣковъ Генрихъ Эйкелнъ...

Но вѣдь и средніе вѣка обогатили человѣчество потокомъ напряженнѣйшей и своеобразнѣйшей своей собственной культуры, и само нашествіе варваровъ положило начало новой исторіи, пріобщивъ свѣжіе народы къ разрушенной ими цивилизаціи, и французская революція внесла въ европейскую

культуру самозаконный міръ своихъ цѣнностей, ставшихъ воздухомъ новаго человѣчества и прославивъ Францію навѣки.

Старый бытъ умираетъ, но не бойтесь — новая эпоха обрастетъ новымъ бытомъ, новой культурой.....

Испытанія послѣднихъ лѣтъ съ жестокою ясностью показали, что изъ всѣхъ политическихъ группъ, выдвинутыхъ революціей, лишь большевизмъ, при всѣхъ порокахъ своего тяжкаго и мрачнаго быта, смогъ стать дѣйствительнымъ русскимъ правительствомъ, лишь онъ одинъ, по слову К. Леонтьева, „подморозилъ“ загнивавшія воды революціоннаго разлива и подлинно

Надъ самой бездной,
На высотѣ уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы...

Надъ Зимнимъ Дворцемъ, вновь обрѣтшимъ гордый обликъ подлинно великодержавнаго величія, дерзко развѣвается красное знамя, а надъ Спаскими Воротами, попрежнему являющими собою глубочайшую исторически-національную святость, древніе куранты играютъ „Интернаціоналъ“. Пусть это странно и больно для глаза, для уха, пусть это коробитъ, но въ концѣ концовъ, въ глубинѣ души невольно рождается вопросъ:

— Красное ли знамя безобразитъ собой Зимній Дворецъ, — или, напротивъ, Зимній Дворецъ краситъ собой красное знамя? „Интернаціоналъ“ ли нечестивыми звуками оскверняетъ Спасскія Ворота, или Спасскія Ворота Кремлевскимъ вѣяніемъ влагаютъ новый смыслъ въ „Интернаціоналъ“?..

Подобно тому, какъ современный французъ на вопросъ: „чѣмъ велика Франція“ вамъ непремѣнно отвѣтитъ: „Декартомъ и Руссо, Вольтеромъ и Гюго, Бодлэромъ и Бергсономъ, Людовикомъ XIV, Наполеономъ и великой революціей, — такъ и наши внуки на вопросъ „чѣмъ велика Россія?“ съ гордостью скажутъ: — „Пушкинымъ и Толстымъ, Достоевскимъ и Гоголемъ, русской музыкой, русской религіозной мыслью, Петромъ Великимъ и *великой русской революціей*...“

Если мы перенесемъ проблему изъ чисто политической плоскости въ культурно-историческую, то неизбѣжно придемъ къ заключенію, что революція наша не „гаситъ“ русскаго на-

ціональнаго генія, а лишь, съ преувеличенной, болѣзненной яркостью, какъ всякая революція, выдвигаетъ на первый планъ его отдѣльныя черты, возводя ихъ въ „перлъ созданія". Національный геній отъ этого не только не гасится но, напротивъ, оплодотворяется, пріобрѣтая новый духовный опытъ на пути своего самосознанія.

И если содержаніе нынѣ преобладающаго мотива національной культуры представляется намъ далеко не лучшимъ произведеніемъ русскаго духа, то наша задача — не въ безнадежномъ брюзжаніи о мнимой „ненаціональности" звучащей струны, а въ оживленіи другихъ струнъ русской лиры. Русская культура должна обновиться извнутри. Мнѣ кажется, что революція болѣе всего способствуетъ этому перерожденію, и я глубоко вѣрю, что, геніально ожививъ традиціи Бѣлинскаго, она заставитъ Россію съ потрясающей силой пережить и правду Тютчева, Достоевскаго, Соловьева.

Но для этого — и здѣсь мы снова возвращаемся къ „политикѣ" — Россія должна остаться великой державой, великимъ государствомъ. Иначе и нынѣшній духовный ея кризисъ былъ бы ей непосиленъ. И такъ какъ власть революціи — и теперь только она одна — способна возстановить русское великодержавіе, международный престижъ Россіи, — нашъ долгъ во имя русской культуры признать ея политическій авторитетъ...

Глубоко ошибается тотъ, кто считаетъ территорію „мертвымъ" элементомъ государства, индифферентнымъ его душѣ. Я готовъ, утверждать, скорѣе, обратное: именно территорія есть наиболѣе существенная и цѣнная часть государственной души, несмотря на свой кажущійся „грубо физическій" характеръ. Помню, еще въ 1916 г., отстаивая въ московской прессѣ идеологію русскаго имперіализма отъ наплыва упадочныхъ вильсоновскихъ настроеній, я старался доказать „мистическую" въ корнѣ, но въ то же время вполнѣ осязательную связь между государственной территоріей, какъ главнѣйшимъ факторомъ внѣшней мощи государства и государственной культурой, какъ его внутреннею мощью. Эту связь я еще отчетливѣе усматриваю и теперь.

Лишь „физически" мощное государство можетъ обладать великой культурой. Души „малыхъ державъ" не лишены возможности быть изящными, благородными, даже „героиче-

скими“ — но онѣ органически неспособны быть великими. Для этого нуженъ большой стиль, большой размахъ, большой масштабъ мысли и дѣйствія, — „рисунокъ Микель Анжело“. Возможенъ германскій, русскій, англійскій „мессіанизмъ“. Но, скажемъ, мессіанизмъ сербскій, румынскій, или португальскій — это уже рѣжетъ ухо, какъ фальшиво взятая нота. Это уже изъ той области, что французами зовется „le ridicule“...

Въ области этой проблемы, какъ и ряда другихъ, причудливо совпадаютъ въ данный моментъ устремленія Совѣтской власти и жизненные интересы русскаго государства. Совѣтское правительство естественно добивается скорѣйшаго присоединенія къ „пролетарской революціи“ тѣхъ мелкихъ государствъ, что подобно сыпи высыпали нынѣ на тѣлѣ „бывшей Россійской Имперіи“. Это — линія наименьшаго сопротивленія. Окраинные народцы слишкомъ заражены русской культурой, чтобы вмѣстѣ съ ней не усвоить и послѣдній ея продуктъ — большевизмъ. Горючаго матеріала у нихъ достаточно. Агитація среди нихъ сравнительно легка. Разлагающій революціонный процессъ ихъ коснулся въ достаточной мѣрѣ. Ихъ „правительства“ держатся болѣе иностраннымъ „сочувствіемъ“, нежели опорой въ собственныхъ народахъ. При такихъ условіяхъ, сосѣдство съ красной Россіей, котораго явно побаиваются даже и величайшія міровыя державы, врядъ ли можетъ повести къ благополучію и безопасному процвѣтанію наши окраины, самоопредѣлившіяся „вплоть до отдѣленія“. „Очевидно, что подлиннаго, „искренняго“ мира между этими окраинами и большевиками быть не можетъ, пока система совѣтовъ не распространится на всей территоріи, занимаемой нынѣ „бѣлоэстонскимъ“, „бѣлофинляндскимъ“ и прочими правительствами. Правда, совѣтская дипломатія формально продолжаетъ признавать принципъ „самоопредѣленія народовъ“, но вѣдь само собою разумѣется, что этотъ типичный „мелко-буржуазный“ принципъ въ ея устахъ есть лишь тактически необходимая maniére de parler. Ибо и существенные интересы „всемірной пролетарской революціи“, и лозунгъ „диктатуры пролетаріата“ находятся въ разительномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ нимъ. Недаромъ же, послѣ заключенія мира съ бѣлой Эстоніей, Ленинъ откровенно заявилъ, что „пройдетъ немного времени — и намъ придется заключить съ Эстоніей второй миръ, уже настоящій, ибо

скоро нынѣшнее правительство тамъ падетъ, свергнутое совѣтами".

Совѣтская власть будетъ стремиться всѣми средствами къ возсоединенію окраинъ съ центромъ — во имя идеи міровой революціи. Русскіе патріоты будутъ бороться за то же — во имя великой и единой Россіи. При всемъ безконечномъ различіи идеологій, практическій путь — единъ...

Противобольшевистское движеніе силою вещей слишкомъ связало себя съ иностранными элементами и поэтому невольно окружило большевизмъ извѣстнымъ національнымъ ореоломъ, по существу чуждымъ его природѣ. Причудливая діалектика исторіи неожиданно выдвинула Совѣтскую власть, съ ея идеологіей интернаціонала, на роль національнаго фактора современной русской жизни, — въ то время какъ нашъ націонализмъ, оставаясь непоколебленнымъ въ принципѣ, на практикѣ потускнѣлъ и поблекъ, вслѣдствіе своихъ хроническихъ альянсовъ и компромиссовъ съ такъ называемыми „союзниками"...

Красная армія довлѣетъ себѣ и не зависитъ отъ знатныхъ иностранцевъ. Надъ Совѣтской Россіей не тяготѣетъ рокъ „вѣрности вѣрнымъ союзникамъ" и ея международная политика обладаетъ счастливымъ свойствомъ дерзновенія и одновременно гибкости, совершенно непостижимыхъ для группъ, закономъ высшей мудрости для которыхъ является бурцевская „Cause Commune"...

Достигшимъ невиданной внѣшней мощи, вооруженнымъ до зубовъ странамъ Согласія теперь гораздо болѣе опасны бациллы внутренняго колебанія и волненія, нежели чужеземная военная сила. Какъ марсіане въ фантазіи Уэльса, побѣдивъ земной шаръ своими диковинными орудіями истребленія, гибнутъ отъ чуждыхъ имъ микробовъ земли, — такъ нынѣшніе міровые гегемоны, покоривъ человѣчество, вдругъ начинаютъ съ тревогой ощущать въ своемъ собственномъ организмѣ признаки разслабляющаго яда своеобразной психической заразы. При такихъ условіяхъ большевизмъ, съ его интернаціональнымъ вліяніемъ и всюду проникающими связями, становится нынѣ прекраснымъ орудіемъ международной политики Россіи и слѣпы тѣ русскіе патріоты, которые хотѣли бы въ настоящій моментъ видѣть страну лишенной этого орудія какою бы то ни было цѣной...

Народное творчество многообразно, оно выражается вѣдь не только непосредственно, въ стихійныхъ, анархическихъ порывахъ массъ, но и въ той власти, противъ которой они направлены. Власть представляетъ собою всегда болѣе вѣскій продуктъ народнаго генія, нежели направленныя противъ нея бунтарскія стрѣлы. Ибо она есть, такъ сказать, „окристаллизовавшійся“ уже, осознавшій себя народный духъ, въ то время какъ недовольство ею, да еще выраженное въ такихъ формахъ („равняй города съ землею“), должно быть признано обманомъ или темнымъ соблазномъ страдающей народной души. Поэтому и въ оцѣнкѣ спора власти съ бунтомъ противъ нея слѣдуетъ быть свободнымъ отъ киванія на „народную волю“. Эта икона всегда безлика или многолика...

Судороги массоваго недовольства и ропота, дѣйствительно, пробѣгаютъ по несчастной, изстрадавшейся родинѣ. Мы недостаточно информированы, чтобы знать ихъ истинные размѣры, но согласимся предположить, что, усилившись, онѣ могутъ превратиться въ новый эпилептическій припадокъ, новую революцію.

Что если это случится? Могу сказать одно: — слѣдовало бы рѣшительно воздержаться отъ проявленій какой либо радости на этотъ счетъ—„сломили таки большевиковъ“. Такой конецъ большевизма таилъ бы въ себѣ огромную опасность, и весьма легкомысленны тѣ, которые готовятся уже глотать каштаны, поджаренные мужицкою рукой: — счастье этихъ оптимистовъ, если они не попадутъ изъ огня да въ полымя...

При нынѣшнихъ условіяхъ, это будетъ означать, что на мѣсто суровой и мрачной, какъ духъ Петербурга, красной власти придетъ безгранная анархія, новый пароксизмъ „русскаго бунта“, новая разиновщина только никогда еще не бывалыхъ масштабовъ. Въ песокъ распадется гранитъ невскихъ береговъ, „оттаетъ“ на этомъ разъ уже до конца, до послѣднихъ глубинъ своихъ, государство Россійское —

И слягутъ бронзовые кони
И Александра, и Петра...

Лишь для очень поверхностнаго, либо для очень недобросовѣстнаго взора современная обстановка можетъ представляться подобною прошлогодней. Не мы, а жизнь повер-

нулась „на 180 градусовъ“. И для того чтобы остаться вѣрными себѣ, мы должны учесть этотъ поворотъ. Проповѣдь старой программы дѣйствій въ существенно новыхъ условіяхъ часто бываетъ наихудшей формой измѣны своимъ принципамъ...

Взятая въ историческомъ планѣ, великая революція, несомнѣнно, вноситъ въ міръ новую „идею“, одновременно разрушительную и творческую. Эта идея въ концѣ концовъ побѣждаетъ міръ. Очередная ступень всеобщей исторіи принадлежитъ ей. Долгими десятилѣтіями будетъ ее впитывать въ себя человѣчество, облекая ее въ плоть и кровь новой культуры, новаго быта. Обтесывая, обрабатывая ее.

Но для современности революція всегда рисуется прежде всего смерчемъ, вихремъ:

— Налетитъ, разожжетъ и умчится, какъ тифъ...

И организмъ возстанавливается, сохраняя въ себѣ благой закалъ промчавшейся болѣзни. „Онъ уже не тотъ“, но благотворные плоды яда проявятъ себя лишь постепенно, способствуя творческому развитію души и тѣла.

Революція бросаетъ въ будущее „программу“, но она никогда не въ силахъ ее осуществить сполна въ настоящемъ. Она и характерна именно своимъ „запросомъ“ къ времени. И дѣдушка Хроносъ ее за этотъ запросъ въ конечномъ счетѣ неизбѣжно поглощаетъ.

Революція гибнетъ, бросая завѣтъ поколѣніямъ. А принципы ея съ самаго момента ея смерти начинаютъ *эволюціонно* воплощаться въ исторіи. Она умираетъ, лишившись жала, но зато и организмъ человѣчества заражается цѣлебной силой ея оживляющаго яда.

Склоняясь къ смерти и блѣднѣя,
Ты въ полноту временъ вошла.
Какъ безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвѣла...

„Запросъ“ русской революціи къ исторіи („клячу-исторію загонимъ!“) — идея соціализма и коммунизма. Ея вызовъ Сатурну — опытъ коммунистическаго интернаціонала черезъ пролетарское государство.

Отсюда — ея „вихревой“ обликъ, ея „экстремизмъ“, типичный для всякой *великой* революціи. Но отсюда же и неизбѣжность ея „неудачи“ въ сферѣ нынѣшняго дня. Какъ

ни мощенъ революціонный порывъ, — уничтожить въ корнѣ ткани всего общественнаго строя, всего человѣчества современности онъ не въ состояніи. Напротивъ, по необходимости „переплавляются“ ткани самой революціи. Выступаетъ на сцену благодѣтельный компромиссъ.

Въ этомъ отношеніи безконечно поучительны послѣднія выступленія вождя русской революціи, великаго утописта и одновременно великаго оппортуниста Ленина.

Онъ не строитъ иллюзій. *Немедленный коммунизмъ не удался* — это ему ясно, и онъ не скрываетъ этого. „Запоздала“ всемірная революція, а въ одной лишь странѣ, внѣ остальныхъ, коммунизмъ немыслимъ. „Соціальный опытъ“ только смогъ углубить уже подорванное войною государственное хозяйство Россіи. Дальнѣйшее продолженіе этого опыта въ русскомъ масштабѣ не принесло бы съ собой ничего, кромѣ подтвержденія его безнадежности при настоящихъ условіяхъ, а также неминуемой гибели самихъ экспериментаторовъ.

Наладить хозяйство „въ государственномъ планѣ“, превратить страну въ единую фабрику съ централизованнымъ аппаратомъ производства и распредѣленія — оказалось невозможнымъ. Экономическое положеніе убійственно и все ухудшается; истощены остатки старыхъ запасовъ. Раньше можно было не безъ основанія ссылаться на генеральскіе фронты, — теперь ихъ, слава Богу, уже нѣтъ. Что же касается кивковъ на внутреннихъ „шептуновъ“, то самъ Ленинъ принужденъ былъ признать сомнительность подобныхъ отговорокъ. Дѣло не въ шептунахъ: ихъ „обнаглѣніе“ — не причина разрухи, а ея слѣдствіе. *Дѣло въ самой системѣ,* доктринерской и утопичной при данныхъ условіяхъ. Не нужно быть непремѣнно врагомъ Совѣтской власти, чтобы это понять и констатировать. *Только въ изживаніи, преодолѣніи коммунизма — залогъ хозяйственнаго возрожденія государства.*

И вотъ, повинуясь голосу жизни, Совѣтская власть, повидимому, рѣшается на радикальный тактическій поворотъ въ направленіи отказа отъ правовѣрныхъ коммунистическихъ позицій. Во имя самосохраненія, во имя возсозданія „плацдарма міровой революціи“, она принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ раскрѣпощенію задавленныхъ великой химерой производительныхъ силъ страны.

Если коммунизмъ есть „запросъ“ къ будущему, то „скоропадчина“ или „врангелевщина“ *во всѣхъ ея формахъ и видахъ* есть не болѣе, какъ отрыжка прошлаго. По тому же неумолимому року Сатурна, не мѣсто ей въ новой Россіи.

Революція выдвинула новые политическіе элементы и новые „хозяйствующіе“ пласты. Ихъ не прейдешь. Великій октябрьскій сдвигъ до дна всколыхнулъ океанъ національной жизни, учинилъ пересмотръ всѣхъ ея силъ, произвелъ ихъ учетъ и отборъ. Никакая реакція уже не сможетъ этотъ отборъ аннулировать. Здоровая, плодотворная реакція вершитъ революцію духа, но не реставрацію прогнившихъ и низвергнутыхъ государственныхъ стропилъ. Дурная же реакція есть всегда не болѣе, какъ попытка съ негодными средствами. Прежній помѣстный классъ отошелъ въ вѣчность, „рабочіе и крестьяне“ выдвинулись на государственную авансцену...

„Миръ съ міровой буржуазіей“, „концессіи иностраннымъ капиталистамъ“, „отказъ отъ позицій „немедленнаго“ коммунизма внутри страны“ — вотъ нынѣшніе лозунги Ленина. Невольно напрашивается лапидарное обозначеніе этихъ лозунговъ: — мы имѣемъ въ нихъ *экономическій Брестъ большевизма.*

Ленинъ, конечно, остается самимъ собою, идя на всѣ эти уступки. Но, оставаясь самимъ собой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, „эволюціонируетъ“, т. е. по тактическимъ соображеніямъ совершаетъ шаги, которые неизбѣжно совершила бы власть, враждебная большевизму. *Чтобы спасти совѣты, Москва жертвуетъ коммунизмомъ.* Жертвуетъ съ своей точки зрѣнія, лишь на время, лишь „тактически“, — но фактъ остается фактомъ.

Не трудно найти общую принципіальную основу новой тактики Ленина. Лучше всего эта основа имъ формулирована въ рѣчи, напечатанной „Петроградской Правдой“ отъ 25 ноября прошлаго года.

Вождь большевизма принужденъ признать, что міровая революція обманула возлагавшіяся на нее надежды. „Быстраго и простого рѣшенія вопроса о міровой революціи не получилось“. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что дѣло окончательно проиграно. „Если предсказанія о міровой революціи не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились

постольку, поскольку дали главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существованія пролетарской власти и Совѣтской республики, даже въ случаѣ затяженія соціалистической революціи во всемъ мірѣ". Нужно устоять, пока міровая революція не приспѣетъ дѣйствительно. „Изъ имперіалистической войны — продолжаетъ Ленинъ — буржуазныя государства вышли буржуазными, они успѣли кризисъ, который висѣлъ надъ ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но въ основѣ они подорвали себѣ положеніе такъ, что при всѣхъ своихъ гигантскихъ военныхъ силахъ должны были признаться черезъ три года въ томъ, что они не въ состояніи раздавить почти не имѣющую никакихъ военныхъ силъ Совѣтскую республику. Мы оказались въ такомъ положеніи, что, не пріобрѣтя международной побѣды, мы отвоевали себѣ условія, при которыхъ можемъ существовать рядомъ съ имперіалистическими державами, вынужденными теперь вступить въ торговыя сношенія съ нами. Мы сейчасъ также не позволяемъ себѣ увлекаться и отрицать возможность военнаго вмѣшательства капиталистическихъ странъ въ будущемъ. Поддерживать нашу боевую готовность намъ необходимо. Но мы имѣемъ новую полосу, когда наше основное международное существованіе въ сѣти капиталистическихъ государствъ отвоевано".

Въ этихъ словахъ слѣдуетъ видѣть ключъ рѣшительнаго поворота московскаго диктатора на новыя тактическія позиціи. Раньше исходнымъ пунктомъ его политики являлась увѣренность въ непосредственной близости міровой соціальной революціи. Теперь ему уже приходится исходить изъ иной политической обстановки. Естественно, что мѣняются и методы политики.

Раньше онъ непрестанно твердилъ, что „міровой имперіализмъ и шествіе соціальной революціи рядомъ удержаться не могутъ": — онъ надѣялся, что соціальная революція опрокинетъ „міровой имперіализмъ". Теперь онъ уже считаетъ какъ бы очередной своей задачей добиться упроченія совмѣстнаго существованія этихъ двухъ силъ: нужно спасать очагъ грядущей (можетъ быть, еще не скоро!) революціи отъ напора имперіализма.

Отсюда и новая тактика. Россія должна приспосабливаться къ міровому капитализму, ибо она не смогла его по-

бѣдить. На нее уже нельзя смотрѣть, какъ только на „опытное поле“, какъ только на факелъ, долженствующій поджечь міръ. Факелъ почти догорѣлъ, а міръ не загорѣлся. Нужно озаботиться добычею новыхъ горючихъ веществъ. Нужно сдѣлать Россію сильной, иначе погаснетъ единственный очагъ міровой революціи.

Но методами коммунистическаго хозяйства въ атмосферѣ капиталистическаго міра сильной Россію не сдѣлаешь. И вотъ „пролетарская власть“, сознавъ, наконецъ, безсиліе насильственнаго коммунизма, остерегаясь органическаго взрыва всей своей экономической системы извнутри, идетъ на уступки, вступаетъ въ компромиссъ съ жизнью. Сохраняя старыя цѣли, внѣшне не отступаясь отъ „лозунговъ соціалистической революціи“, *твердо удерживая за собою политическую диктатуру*, она начинаетъ принимать мѣры, необходимыя для хозяйственнаго возрожденія страны, не считаясь съ тѣмъ, что эти мѣры — „буржуазной“ природы...

По условіямъ времени и разстоянія составители настоящаго сборника были лишены возможности получить съ Дальняго Востока отъ профессора Н. В. Устрялова спеціальную статью. Но съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ съ давняго времени состоитъ въ перепискѣ и присылаетъ имъ все важнѣйшее изъ напечатаннаго имъ. Въ 1920 году въ Харбинѣ появилась его книга „Въ борьбѣ за Россію“, составленная изъ статей, печатавшихся преимущественно въ харбинскихъ „Новостяхъ Жизни“. Это былъ первый рѣшительный шагъ по тому пути, на которомъ нынѣ сошлись авторы „Смѣны Вѣхъ“ и который только одинъ и способенъ вывести Россію изъ охватившаго ее хаоса. По выходѣ въ свѣтъ „Въ борьбѣ за Россію“, проф. Устряловъ помѣстилъ въ „Новостяхъ Жизни“ цѣлый рядъ новыхъ статей такихъ же значительныхъ по содержанію, что и предыдущія.

Подъ общимъ названіемъ Patriotica выше подобраны въ систематическомъ порядкѣ — съ согласія автора — дословныя выдержки изъ упомянутой книги проф. Устрялова и изъ его статей, появившихся весной и лѣтомъ 1921 года. Ниже полностью печатается его статья „Путь термидора“, — позднѣйшая по времени появленія изъ дошедшихъ въ Европу къ моменту напечатанія настоящихъ страницъ.

II.

Въ дни кронштадтскаго возстанія нѣкоторые русскіе публицисты въ Парижѣ заговорили о „русскомъ термидорѣ“. „Послѣднія Новости“ П. Н. Милюкова посвятили даже нѣ-

сколько статей установленію аналогіи между процессомъ, нынѣ вершащимся въ Россіи и термидорскимъ періодомъ великой французской революціи.

Въ какой мѣрѣ справедливы эти аналогіи и что такое „путь термидора?“ Термидоръ былъ поворотнымъ пунктомъ французской революціи. Онъ обозначилъ собою начало пониженія революціонной кривой. *Путь термидора есть путь эволюціи умовъ и сердецъ,* сопровождавшійся, такъ сказать, легкимъ „дворцовымъ переворотомъ“, да и то прошедшимъ формально въ рамкахъ революціоннаго права. При этомъ необходимо подчеркнуть, что основнымъ, опредѣляющимъ моментомъ термидора явилось именно измѣненіе общаго стиля революціонной Франціи и обусловленная имъ *эволюція якобинизма въ его „толпѣ“.* Кровавый же эпизодъ 9 числа (паденіе Робеспьера) есть не болѣе, какъ деталь или случайность, которой могло бы и не быть и которая нисколько не нарушила необходимой и предопредѣленной связи историческихъ событій.

„Если бы Робеспьеръ удержалъ за собой власть — говорилъ Бонапартъ Мармону, — *онъ измѣнилъ бы свой образъ дѣйствій;* онъ возстановилъ бы царство закона; къ этому результату пришли бы безъ потрясеній, потому что добились бы его путемъ власти“.

Геній Бонапарта въ этихъ словахъ интуитивно постигъ истину, которая впослѣдствіи была вскрыта и подробно доказана историками. 9 термидора не есть новая революція, не есть революціонная ликвидація революціи. Это лишь одинъ изъ второстепенныхъ и „бытовыхъ“ моментовъ развитія революціоннаго процесса.

„Побѣжденный людьми, изъ которыхъ одни были лучше, а другіе хуже его, — пишетъ о Робеспьерѣ Ламартинъ въ своихъ знаменитыхъ „Жирондистахъ“, — онъ имѣлъ несчастіе умереть въ день окончанія террора, такъ что на него пала та кровь жертвъ казней, которыя онъ хотѣлъ прекратить и проклятія казненныхъ, которыхъ онъ хотѣлъ спасти. День его смерти можетъ быть отмѣченъ, какъ дата, но не какъ причина прекращенія террора. *Казни прекратились бы съ его побѣдой такъ же, какъ онѣ прекратились съ его казнью“.* (Ламартинъ, т. IV, гл. 61).

Якобинцы не пали, — они переродились въ своей массѣ. Якобинцы, какъ извѣстно, надолго пережили термидорскія

событія, — сначала какъ власть, потомъ какъ вліятельная партія: — самъ Наполеонъ вышелъ изъ ихъ среды. Робеспьеръ былъ устраненъ тѣми изъ своихъ друзей, которые всегда превосходили его въ жестокости и кровожадности. Если бы не они его устранили, а онъ ихъ, если бы даже они продолжали бы жить съ нимъ дружно, — результатъ оказался бы тотъ же: — гребень революціонной волны, достигнувъ максимальной высоты, сталъ опускаться...

„Мы не принадлежимъ къ умѣреннымъ, — кричалъ кровавый бордосскій эмиссаръ Талльенъ съ трибуны Конвента въ роковой день паденія Робеспьера, замахиваясь на него кинжаломъ, — но мы не хотимъ, чтобы невинность терпѣла угнетеніе". Гора шумно привѣтствовала это заявленіе и сопровождавшій его жестъ...

А вотъ эпизодъ изъ жизни Колло д'Эрбуа, одного изъ главныхъ дѣятелей термидорскаго переворота.

Однажды вечеромъ Фукье-Тенвилль (знаменитый прокуроръ Террора, „топоръ республики") былъ вызванъ въ комитетъ общественнаго спасенія. „Чувства народа стали притупляться — сказалъ ему Колло. — Надо расшевелить ихъ болѣе внушительными зрѣлищами. Распорядись такъ, чтобы теперь падало по пятисотъ головъ въ день". — „Возвращаясь оттуда — признавался потомъ Фукье-Тенвилль, — я былъ до такой степени пораженъ ужасомъ, что мнѣ, какъ Дантону, показалось, что рѣка течетъ кровью..."

Можно было бы привести множество аналогичныхъ разсказовъ и о другихъ герояхъ Термидора: Барерѣ, Бильо-Вареннѣ и проч. Всѣ они были поэтами и мастерами крови. И они-то стали невольными агентами милосердія, защитниками угнетенной невинности!... Революція, какъ Сатурнъ, поглощала своихъ дѣтей. Но она же, какъ Пигмаліонъ, влагала въ нихъ нужныя ей идеи и чувства...

* * *

Да, это такъ. Революція божественно играла своими героями, осуществляя свою идею, совершая свой крестный путь. И люди, ее „углубившіе" до пропасти, поражали ея гидру, ликвидируя дѣло своихъ рукъ во имя все того же Бога революціи... Змѣя жалила свой собственный хвостъ, превращаясь въ кругъ — символъ совершенства.

„Человѣчность и снисходительность вернулись въ среду революціи" — резюмируетъ Сорель сущность термидора. Это, однако, ни въ какой мѣрѣ не знаменовало еще торжества контръ-революціонеровъ. „Революція, казалось, окрѣпла послѣ паденія Робеспьера. Желая избавиться отъ террористовъ, французы и не думаютъ отдавать себя въ руки эмигрантовъ. Самое названіе этой партіи и имена стоящихъ во главѣ ея аристократовъ продолжаютъ означать для большинства французовъ возвратъ къ старому порядку и порабощеніе иностранцами. Эмиграція возбуждаетъ противъ себя лучшее чувство французскаго народа — патріотизмъ, и наиболѣе прочное побужденіе — личный интересъ". („Европа и французская революція", т. IV, гл. 4).

Революція перерождается, оставаясь сама собой. Ея уродливости уходятъ въ прошлое, ея „запросы" и крайности — въ будущее, ея конкретныя „завоеванія" для настоящаго обрѣтаютъ прочную опору. „Побѣдить чужеземцевъ, пользоваться независимостью, довершить организацію республики" — вотъ твердая цѣль общенаціональныхъ стремленій. Революція ищетъ и находитъ свои достижимыя задачи.

Но старыя формы ея всесторонняго „углубленія" еще продолжаютъ нѣкоторое время соблюдаться, хотя духъ, ихъ воодушевлявшій, уже исчезъ. *Революція эволюціонируетъ*. „Въ окровавленномъ храмѣ передъ опустѣвшимъ алтаремъ — описываетъ Тэнъ эту эпоху — все еще произносятъ условленный символь вѣры и громко поютъ обычныя славословія, но вѣра пропала..." Однако, постепенно ортодоксальный якобинизмъ покидается самими якобинцами. „Съ каждымъ мѣсяцемъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, они отходятъ все дальше отъ культа, которому служили... До термидора оффиціальная фразеологія покрывала своей догматической высокопарностью крикъ живой истины и каждый причетникъ и пономарь Конвента, замкнувшись въ своей часовнѣ, ясно представлялъ себѣ только человѣческія жертвоприношенія, въ которыхъ онъ лично принималъ участіе. Послѣ термидора поднимаютъ голосъ близкіе и друзья убитыхъ, безчисленные угнетаемые, и онъ поневолѣ видитъ общую картину и детали ужасныхъ дѣяній, въ которыхъ онъ прямо или косвенно принималъ участіе своимъ согласіемъ и своимъ вотумомъ" (Происхожденіе совр. Франціи, т. IV, гл. 5).

Начался отливъ революціи. Она становится менѣе величественной, но за то уже не столь тягостной для страны. На сцену выступаютъ люди „равнины“ и „болота“, смѣшиваясь съ оставшимися монтаньярами. „Съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ — констатируетъ Ламартинъ — кончается великій періодъ республики. Появляется новое поколѣніе революціонеровъ. Республика переходитъ отъ трагедіи къ интригѣ, отъ мистицизма къ честолюбію, отъ фанатизма къ жадности“. Однако, она столь устала отъ трагедіи, мистики и фанатизма, что готова на время имъ предпочесть даже интригу, честолюбіе и жадность...

Диктатура комитетовъ вызываетъ протесты и уступаетъ мѣсто выборному началу. „Народные комитеты — заявляетъ Бурдонъ — не есть самъ народъ. Я вижу народъ только въ мѣстныхъ избирательныхъ собраніяхъ“. Не протестуя, такимъ образомъ, противъ самаго принципа революціи, „термидоріанцы“ возстаютъ лишь противъ его своеобразнаго примѣненія Робеспьеромъ и его друзьями. Невольно приходитъ на память недавній лозунгъ кронштадтцевъ насчетъ „свободно избранныхъ совѣтовъ...“

* * *

Таковъ „путь термидора“. Его торжество обусловливалось его органичностью. Въ отличіе отъ путей Вандеи и Кобленца, онъ опирался на существо самой революціи, принимая ея основу и подчиняясь ея законамъ. *Термидорскій сдвигъ былъ подготовленъ настроеніями революціонной Франціи и совершенъ Конвентомъ, т. е. высшимъ законнымъ органомъ революціи.* „Что обезпечивало Конвенту побѣду, — по глубокому замѣчанію Сореля, — такъ это то, что сила, которой онъ пользовался, не была контръ-революціонной: — то была сама вооруженная революція, реагирующая противъ себя для того, чтобы спастись отъ собственныхъ излишествъ“. Это нужно разъ навсегда запомнить и имѣть въ виду.

И когда въ наши дни тамъ и сямъ поднимаются толки о „русскомъ термидорѣ“, необходимо прежде всего усвоить истинныя черты и усвоить урокъ французскаго. Иначе, кромѣ „злоупотребленія терминомъ“ ничего не получится.

Детали, конкретныя очертанія революціи у насъ радикально и несоизмѣримо иныя. Въ частности, судя по всему,

въ теперешней Москвѣ нѣтъ почвы для казуса въ стилѣ 9 термидора. Но, какъ мы установили, онъ и не существенъ *самъ по себѣ* для развитія революціи. Онъ могъ быть, но его могло и не быть, — „путь термидора“ не въ немъ.

Что же касается этого пути, то онъ уже начинаетъ явственно намѣчаться въ запутанной и сложной обстановкѣ нашихъ необыкновенныхъ дней.

Конечно, онъ не въ бѣлыхъ фронтахъ и окраинныхъ движеніяхъ, вдохновляемыхъ чужеземцами и эмиграціей. Нѣтъ, всѣ эти затѣи ему не только чужды, но и враждебны, — лишь безнадежные слѣппы или контръ-революціонеры въ худшемъ смыслѣ этого слова могутъ ими обольщаться. Страна — не съ ними. Они — внѣ революціи.

Но онъ — и не въ стихійныхъ возстаніяхъ или голодныхъ бунтахъ противъ революціонной власти. Эти возстанія и бунты, быть можеть, въ извѣстной мѣрѣ способствуютъ его зарожденію и укрѣпленію. Но по своему содержанію онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго. Революціонная Франція, какъ нынѣ Россія, хорошо знала подобные мятежи городковъ и деревень: — прочтите хронику эпохи (Эвре, Дьеппъ, Ліонъ, Вервенъ, Лилль и т. д.). Однако, они никогда не были побѣдоносны уже по одному тому, что не имѣли творческой идеи и неизмѣнно оказывались не болѣе, какъ безцѣльными, хотя и естественными, конвульсіями страданія. Побѣди они, — революціонный процессъ былъ бы не плодотворно завершенъ, а лишь безсмысленно прерванъ, чтобы снова возобновиться...

Путь термидора — въ перерожденіи тканей революціи, въ преображеніи душъ и сердецъ ея агентовъ. Результатомъ этого общаго перерожденія можетъ быть незначительный „дворцовый переворотъ“, устраняющій наиболѣе одіозныя фигуры руками ихъ собственныхъ сподвижниковъ и во имя ихъ собственныхъ принциповъ (конецъ Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода, — того самаго, о которомъ говорилъ Бонапартъ Мармону: — приспособленіе лидеровъ движенія къ новой его фазѣ. Тогда процессъ завершается наиболѣе удачно и съ меньшими потрясеніями, — „путемъ власти“.

* * *

Въ современной Россіи какъ будто уже чувствуется вѣяніе этой новой фазы. *Революція уже не та*, хотя во главѣ ея — все тѣ же знакомыя лица, которыхъ ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафотъ. Но они сами вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный имъ кронштадтской Горой; — не удастся ли имъ поэтому избѣжать драмы 9 числа?

Большевистскій орденъ несравненно сплоченнѣе, дисциплированнѣе, іерархичнѣе якобинцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ленинъ болѣе гибокъ и чуткъ, нежели Робеспьеръ. Если у насъ не было Верньо и Дантона, то наши крайніе якобинцы крупнѣе и жизненнѣе французскихъ, хотя въ аспектѣ „быта“ не менѣе ихъ ужасны. Быть можетъ, они и кончатъ иначе. Но основная линія развитія самой революціи, повидимому, остается въ общемъ тою же.

Нынѣ есть признаки кризиса революціонной исторіи. Начинается „спускъ на тормазахъ“ отъ великой утопіи къ трезвому учету обновленной дѣйствительности и служенію ей, — революціонные вожди сами признаются въ этомъ. Тяжелая операція, — но дай ей Богъ успѣха!

Когда она будетъ завершена, — новая обстановка создастъ и новыя формы. Тормаза станутъ уже не нужны.

„Революція спасается отъ собственныхъ излишествъ“. И горе тѣмъ, кто помѣшаетъ ей въ этомъ, — съ трибунъ-ли красныхъ клубовъ, или изъ жалкихъ эмигрантскихъ конуръ...

Н. Устряловъ.

РЕВОЛЮЦІЯ И ВЛАСТЬ.

Въ русскомъ интеллигентскомъ сознаніи къ концу дореволюціоннаго періода русской исторіи сложилось своеобразно-наивное представленіе о власти, въ значительной степени поддержанное своеобразіемъ — на этотъ разъ уже не наивнымъ — самодержавной или лже-конституціонной власти послѣднихъ Романовыхъ. Русскіе либеральные круги склонны были, съ одной стороны, переоцѣнивать значеніе традиціи и „штыковъ", а съ другой, недооцѣнивать значеніе *соціальной базы* въ вопросѣ объ условіяхъ *прочности* государственной власти. Этимъ въ значительной степени объясняется не только неумѣніе построить власть въ первый періодъ русской революціи, но и — что болѣе трагично — неумѣніе до сихъ поръ правильно понять и оцѣнить историческое значеніе нынѣшней совѣтской власти. Чѣмъ, какъ не наивностью, можно объяснить всѣ тѣ горячіе споры, которые въ 1917 г. возникали вокругъ вопроса о диктатурѣ Керенскаго? Неужели для спорившихъ было неясно, что какимъ бы словомъ ни прикрывалось безвластіе Временнаго Правительства, все равно дальше словъ о власти, эта власть итти не въ состояніи? И чѣмъ, какъ не наивностью, можно извинить незаглохшія и по сіе время разсужденія на тему о „кучкѣ негодяевъ", захватившихъ и удерживающихъ власть при помощи такъ или иначе купленныхъ китайскихъ и латышскихъ штыковъ? Даже и переходъ отъ ссылокъ на китайскіе и латышскіе штыки къ ссылкамъ на терроръ, для исчерпывающаго объясненія „прочности большевиковъ", ничуть не подвигаетъ впередъ разрѣшеніе проблемы. Во всей своей исторической значительности встаетъ

тогда другой вопросъ: — *какъ же оказалось возможнымъ организовать самый терроръ?* Вѣдь и для его организаціи однихъ словъ и купленныхъ штыковъ недостаточно. Всплываютъ соображенія о „демагогическомъ обманѣ“, о „соціальной иллюзіи“... Не правильнѣе ли, однако, будетъ говорить объ исторической необходимости, о нѣкоей соціальной правдѣ, хотя бы реально и неосуществимой?

Переживаемую Великую Революцію принято сравнивать со Смутнымъ временемъ XVI—XVII вѣковъ. Сравненіе законное и во многихъ отношеніяхъ плодотворное. Необходимо только при этомъ сравненіи помнить, что — хотя и не о словахъ споръ — не нынѣшняя Революція является смутой, а напротивъ, Смута XVII в. была революціей, и при томъ революціей творческой. А затѣмъ, при томъ же сравненіи было бы ошибочно забывать о золотомъ правилѣ „mutatis mutandis“ сопоставлять не случайныя историческія формы смуты съ отдѣльными сторонами переживаемой Революціи, и постараться извлечь изъ исторіи правильный соціологическій подходъ къ современности. Въ XVI вѣкѣ происходитъ быстрая дифференціація населенія Россіи, къ которой неуклонно вели политическія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, и экономическія условія русской жизни. Совершенно исключительная роль въ этомъ разслоеніи принадлежитъ мобилизаціи всѣхъ рессурсовъ страны на оборону ея національной независимости. Въ результатѣ разслоенія къ концу XVI в. получилось три взаимно борющихся основныхъ элемента, различно затронутыхъ процессомъ и неравноцѣнныхъ въ отношеніи стоявшихъ передъ государствомъ въ его цѣломъ задачъ: значительно пострадавшее и порѣдѣвшее боярство со включеніемъ „княжатъ“ и монастырей, — многочисленное, но далеко еще не съорганизованное, „служилое сословіе“ съ близкимъ къ нему тяглымъ посадскимъ населеніемъ, — и наиболѣе многочисленное, но и наименѣе объединенное, хотя и весьма активное, особенно въ лицѣ казачества, полу-крѣпостное, полу-кабальное крестьянство.

Страдающими элементами изъ перечисленныхъ трехъ были первый (боярство) и третій (крестьянство). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что второй элементъ благоденствовалъ. Исключительное вниманіе къ служилымъ людямъ и отчасти тяглымъ (напр. при Иванѣ IV) Московскаго Правительства не

спасало ихъ отъ тяжелаго давленія экономической отсталости, въ которой жила Россія. Требованія политическія къ концу XVI вѣка безпредѣльно переросли не только силы изнемогавшаго подъ ихъ бременемъ служилаго люда, но и общія условія экономическаго бытія Россіи. Послѣднее обстоятельство, является, пожалуй, той красной нитью, которая проходитъ черезъ всю исторію Россіи вплоть до нашихъ дней и окрашиваетъ эту исторію въ поистинѣ трагическій свѣтъ. Такимъ образомъ, классовая борьба XVI вѣка, осложняемая внѣшними политическими и внутренними экономическими условіями, въ значительной мѣрѣ была вызвана превращеніемъ на сложной экономической почвѣ Московскаго княжества въ Московское царство, съ его колоссальными государственными задачами, реальнымъ носителемъ которыхъ, какъ въ ихъ конкретныхъ заданіяхъ, такъ и въ ихъ идеологической формѣ, являлось Московское Правительство во главѣ съ Московскимъ и Всея Руси Княземъ, а потомъ Царемъ.

Выросшее изъ вотчиннаго управленія Московское Правительство нѣкоторое время продолжало опираться въ управленіи на тотъ элементъ — боярство — который, сначала сидя на мѣстахъ, а затѣмъ съѣхавшись въ Москву, имѣлъ въ силу традиціи и экономической своей мощи авторитетъ въ глазахъ населенія.

Попытки — слабыя Василія III, энергичныя, чтобы не сказать революціонныя, Ивана IV, — построить новую соціальную базу для Московской власти, болѣе соотвѣтствующую новымъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ условіямъ русской жизни, были обречены на неудачу. Слишкомъ противорѣчивы были требованія этой жизни, слишкомъ привычны и сильны были бояре, княжата и монастыри, слишкомъ велики жертвы, которыхъ требовало время отъ крестьянства, и наконецъ, слишкомъ молоды служилое и тяглое сословія и царское самодержавіе, чтобы послѣднее могло найти въ себѣ достаточно подлиннаго самоотреченія, во имя истиннаго самоукрѣпленія на основѣ сотрудничества власти и представительно организованныхъ служилыхъ людей, направить всѣ силы страны на осуществленіе національно-государственныхъ задачъ.

Но и неудавшіяся попытки Василія III, Ивана IV и Бориса Годунова были исторически правильны. Это подтвердили съ

особой наглядностью первые же годы открыто разразившейся Смуты.

Лжедимитрій I, поддержанный по слову Авраамія Палицына „ворами", т. е. казачествомъ съ Дона и Сѣвернаго Донца, новоприборными служилыми людьми — стрѣльцами и казаками, набиравшимися правительствомъ изъ приходцевъ съ сѣвера и изъ центра, и наконецъ, крестьянами, успѣвшими и на югѣ, при быстротѣ раздачи земли въ помѣстья служилымъ людямъ, попасть въ крѣпостную неволю, не съумѣлъ создать сколько-нибудь прочной власти. Поддержка третьяго элемента не могла освободить Лжедимитрія отъ зависимости отъ перваго элемента — боярства, а то и другое поставило власть въ противорѣчіе со вторымъ — служилыми и тяглыми людьми.

Легкій успѣхъ царя Василія Шуйскаго только лишній разъ доказалъ возможность въ революціонныя эпохи временнаго торжества крайней реакціи; — ибо во-истину носителемъ таковой было въ началѣ XVII вѣка боярство съ его идеалами XV и начала XVI вѣка. Однако насколько легка была побѣда Шуйскаго, — объясняемая прежде всего невозможностью для Лжедимитрія найти прочную соціальную базу для своей власти, — настолько же легко эта власть была бы сметена народнымъ, въ смыслѣ третьяго элемента, движеніемъ Болотникова, если бы не присоединеніе къ Болотникову Прокопія Ляпунова и рязанцевъ съ ихъ служилыми интересами, стоявшими въ прямомъ противорѣчіи съ интересами „воровъ". Повинная Сунбулова и Ляпунова спасла жизнь и царство Шуйскому: служилые люди предпочитали временно мириться съ боярской реакціей, протянуть ей руку, дабы сначала съ ея помощью подавить третій элементъ въ лицѣ Болотникова, а затѣмъ уже расправиться и съ нею самой.

Появленіе на смѣну казненному Болотникову въ томъ же 1607 г. Тушинскаго вора временно укрѣпляетъ положеніе Шуйскаго. Однако, личная неспособность царя Шуйскаго и смерть талантливаго Скопина-Шуйскаго, наравнѣ съ польской интервенціей, этимъ отзвукомъ польскихъ мечтаній времени перваго Лжедимитрія, дѣлаютъ кандидатуру Владислава вполнѣ реальной, тѣмъ болѣе, что съ нею опредѣленно связывается надежда на иноземную помощь въ дѣлѣ подавленія Тушинцевъ. Политика Сигизмунда, предзнаменовывавшая отстраненіе отъ власти національныхъ боярства и верховъ слу-

жилаго класса, открыла глаза этому послѣднему на опасность, таившуюся для него въ иностранной польской интервенціи еще прежде, чѣмъ его представители успѣли себя связать въ Смоленскѣ опредѣленными обѣщаніями. Иностранное вмѣшательство въ значительной мѣрѣ способствовало прояснению національнаго сознанія служилаго класса. Однако, чисто-военныя соображенія, побудившія Первое Земское Ополченіе принять помощь третьяго элемента, погубили дѣло Прокопія Ляпунова. Только Второе ополченіе 1611 г., однородное по своему составу — служилые и посадскіе тяглые люди — съумѣло осуществить дѣло построенія власти. Интересно отмѣтить, что, несмотря на личную незначительность Минина и въ особенности кн. Пожарскаго, ихъ дѣлу сужденъ былъ успѣхъ, тогда какъ даже такая выдающаяся фигура какъ Скопинъ-Шуйскій, даже поддержка Новгорода и, вообще, купеческаго сословія, связаннаго съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ, не могли спасти этого послѣдняго. Отказъ отъ боярской реакціи и неосуществимыхъ, въ силу экономическихъ условій русской жизни, требованій третьяго элемента, съ одной стороны, и осознаніе служилыми людьми и тяглыми себя въ качествѣ выдвигавшихся исторіей носителей національнаго единства и бытія, съ другой, позволили Второму Земскому Ополченію не только восторжествовать надъ своими врагами, но и установить прочную власть, надолго связавшую себя со своей соціальной базой и уступившую мѣсто другой власти только тогда, когда новая мобилизація всѣхъ рессурсовъ страны уже въ XX в. вскрыла съ полною очевидностью начавшее уже давно обнаруживаться несоотвѣтствіе между политическими и экономическими задачами, стоявшими передъ Россіей и изжившими себя силами помѣстнаго дворянства и строившейся на немъ самодержавной власти.

Крушеніе уже давно покоившейся на традиціи и штыкахъ самодержавной власти и та легкость, съ которой это крушеніе произошло въ моментъ максимальнаго напряженія силъ государства, показали съ несокрушимою убѣдительностью, что самодержавіе и вовлеченные имъ въ дѣло государственнаго строительства элементы недостаточны для проведенія въ жизнь задачъ, выпавшихъ на долю Россіи, что необходимо создать власть на болѣе широкой общественной базѣ, которая бы соотвѣтствовала политическимъ, внѣшнимъ и вну-

треннимъ, соціальнымъ и экономическимъ условіямъ русской жизни. Въ поискахъ этой „болѣе широкой базы", въ поискахъ наивныхъ и нелѣпо веденныхъ, металась русская жизнь съ февраля по октябрь 1917 года. За это время во всей своей трагичности обнаружился тотъ гипнозъ, подъ воздѣйствіемъ котораго развивалась русская общественность въ дореволюціонный періодъ, вся та нереальность русскаго политическаго мышленія, которая до сегодняшняго дня такъ поражаетъ всякаго сколько-нибудь внимательнаго наблюдателя, волею судьбы перенесеннаго изъ Россіи въ Парижъ, центръ русской эмиграціи, съ его „новой тактикой" кучки парижскихъ кадетъ, и атактичностью, граничащей съ полной пространіей, „Національнаго Съѣзда". Первыя претензіи на власть въ февралѣ 1917 г. были естественно заявлены со стороны тѣхъ элементовъ, которые уже въ дореволюціонное время готовы были настаивать на необходимости ограниченія въ свою пользу самодержавной власти, и съ которыми эта власть готова была играть въ политику и даже конституціонализмъ. Русское самодержавіе, хотя и по другимъ основаніямъ, подобно Великому Московскому княжеству и царству цѣпко держалось за полноту своей власти, отлично понимая, что конституціонная поддержка его со стороны изжитой соціальной базы не только не укрѣпитъ, но лишь ускоритъ его паденіе. Для повторенія же смѣлой попытки Ивана Грознаго — перестроить свою власть на новыхъ началахъ — не находилось на престолѣ пригоднаго человѣка.

Безсиліе самодержавной власти найти выходъ изъ тупика соціально-экономическихъ условій русской жизни въ XIX — отчасти уже въ XVIII — и въ началѣ XX вѣка, возникло, главнымъ образомъ, въ результатѣ того, что *поддержка* власти ея соціальной базой смѣнилась полною *зависимостью* властиотъ *классовыхъ* интересовъ базы, оказавшихся къ тому же въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами государства. Этой зависимостью власти объясняются неудачи отдѣльныхъ ея представителей сначала создать условія возможнаго расширенія своей базы, а затѣмъ и помочь сложиться самой базѣ. Я имѣю въ виду проникнутую двойственностью, неискренностью крестьянскую политику самодержавія, съ ея потугами на „радикализмъ", неизмѣнно разбивавшійся объ помѣщичью оппозицію, съ ея ставками на выдуманнаго мужичка и столыпинскаго хуторянина.

Такимъ образомъ, выдвинутое февральскимъ *переворотомъ* Временное Правительство повисло въ воздухѣ. Связанное въ смыслѣ своей соціальной базы съ отжившими и недостаточными по сравненію съ возлагавшимися на Россію задачами элементами русскаго населенія, оно неизбѣжно должно было быть реакціоннымъ, тогда какъ отдѣльные его члены, понимавшіе необходимость „болѣе широкой базы", реально были безсильны что-бы то ни было сдѣлать, ибо традиція и старые штыки — единственная основа власти, если не считать „уговариванія" — съ одной стороны, и отсутствіе яснаго сознанія и организаціи въ крестьянствѣ — этомъ неоспоримомъ фундаментѣ всякой отнынѣ власти въ Россіи — съ другой, не могли позволить имъ порвать начисто съ реакціей. Трудность положенія и его пониманія заключалась именно въ томъ, что *не было вполнѣ готовой, реально ощутимой и сколько-нибудь организованной соціальной базы.* Кому же въ то время могло прійти въ голову, что изъ отрицателей „войны до побѣднаго конца", изъ проповѣдниковъ крайняго интернаціонализма, изъ людей, призывавшихъ сначала къ стопроцентному обложенію, а затѣмъ и къ полному уничтоженію буржуазіи, что изъ этихъ элементовъ, казалось бы насквозь антигосударственныхъ и анаціональныхъ, можетъ сложиться подлинная основа будущей русской глубоко государственной и вполнѣ „національной" власти. Чтобы угадать въ само-демобилизующейся арміи и въ истрепанномъ войной городскомъ пролетаріатѣ будущаго державнаго властелина русской земли, нужно было: или обладать пророческой прозорливостью, или вѣрить въ немедленную осуществимость неосуществимыхъ лозунговъ; вѣдь трудно было предвидѣть, что въ процессѣ революціи ходъ исторіи обяжетъ и русскую власть и поддерживающія ее національныя силы, хотя бы во имя міровой революціи и жажды немедленнаго установленія абсолютной правды и справедливости на землѣ, строить въ первую очередь русское государство, русскую націю, и возрождать въ Россіи экономическую жизнь.

Но ни пророческой прозорливости, ни жертвеннаго служенія исторически неизбѣжному у Временнаго Правительства не было. Всей его психической настроенности была гораздо ближе игра въ политику, въ которой такъ называемые „центральные комитеты", „лидеры" и прочая политическая мистика

должны были замѣнять реальныя соціальныя, политическія и экономическія силы. Членамъ Временнаго Правительства всѣхъ окрасокъ и всѣхъ составовъ казалось, что уходъ изъ правительства Милюкова, включеніе въ правительство представителей эсъ-эровъ, правыхъ и лѣвыхъ или меньшевиковъ имѣютъ какое-то реальное значеніе. Всѣ призывали къ объединенію „живыхъ силъ страны", не замѣчая, ни того, что зовущіе — мертвецы, ни того, что подлинныя „живыя силы страны" мобилизуются тѣмъ временемъ для устраненія со своего пути мертвецовъ. Въ смѣнявшихся правительственныхъ комбинаціяхъ, въ созывавшихся предпарламентахъ и московскихъ совѣщаніяхъ призраки говорили призрачныя слова и организовывали либо дезорганизовывали призрачныя коаліціи, искренно вѣря, что только „объединеніе соціалистическихъ элементовъ съ несоціалистическими" или, напротивъ, ихъ полное обособленіе спасутъ положеніе. А сколько пламенныхъ словъ было потрачено на то, чтобы защитить, или отбросить „диктатуру" Керенскаго, диктатуру, которая, въ лучшемъ случаѣ, могла бы лишь рѣзче подчеркнуть всю призрачность его власти.

Временное Правительство 1917 года mutatis mutandis можетъ быть сопоставлено съ эпохой Лжедимитрія I и царя Василія Шуйскаго. Безсильные реакціонные — въ историческомъ смыслѣ этого слова, а не въ смыслѣ большаго или меньшаго либерализма, который въ нѣкоторые моменты исторіи оказывается по-истинѣ реакціоннымъ — элементы подготовили почву, какъ для Лжедимитрія, такъ и для Временнаго Правительства, тогда какъ занятіе однимъ — Московскаго престола, другимъ — сначала Таврическаго, а потомъ и Зимняго Дворца оказалось возможнымъ только благодаря поддержкѣ „воровъ". Однако, задачи, стоявшія передъ властью въ началѣ XVII вѣка и въ наши дни, были неоднородны по существу, хотя формально онѣ и совпадали. Тогда какъ въ XVII вѣкѣ подлинной основой власти могло стать лишь служилое и тяглое сословія, въ XX вѣкѣ эту базу необходимо было искать въ крестьянствѣ и пролетаріатѣ. Затѣмъ, въ XVII вѣкѣ между служилымъ и тяглымъ сословіями не существовало, въ виду возможности примирить ихъ экономическіе интересы, принципіальнаго расхожденія, тогда какъ въ XX вѣкѣ интересы крестьянства и пролетаріата законно

могли казаться противоположными, и реально и принципіально. Далѣе, въ XVII вѣкѣ служилые и тяглые люди, благодаря своему культурному уровню и экономическимъ возможностямъ, были въ состояніи выдвинуть вождей изъ своей среды и сравнительно легко осознать свое мѣсто въ государствѣ; между тѣмъ крестьянство и пролетаріатъ въ XX вѣкѣ нуждалась въ вождяхъ со стороны, чтобы осуществить свои чаянія и въ процессѣ революціи провѣрить степень пріемлемости тѣхъ или иныхъ лозунговъ, которые выдвигались партіями, претендовавшими на роль руководителей русской жизни. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ будущій руководящій классъ былъ достаточно подготовленъ еще въ прежнее время къ дѣлу государственнаго строительства, тогда какъ въ XX вѣкѣ между будущимъ хозяиномъ русской земли и тѣми элементами, которые ему суждено было устранить со своего пути, лежала пропасть. Словомъ, все какъ будто говорило за то, чтобы „народныя массы" XX вѣка были устранены отъ государственнаго строительства, чтобы культурная и либеральная власть приняла на себя заботы о постепенномъ, путемъ закономѣрныхъ реформъ, поднятіи культурнаго уровня крестьянства и, только совершенно перевоспитавъ его, передала ему власть. Но именно въ неустранимости крестьянства и пролетаріата лежитъ глубочайшее различіе между современной Революціей и прошлой Смутой. „Воръ XX вѣка", а на дѣлѣ подлинный строитель русскаго будущаго, не пожелалъ устраниться и тѣмъ разбилъ въ черепки идиллическія постройки политическихъ Маниловыхъ, мечтавшихъ о внѣклассовой, т. е. висящей въ воздухѣ власти, или о лже-классовой власти. т. е. желающей опираться на классъ, но говорящей на чуждомъ этому классу правовомъ и экономическомъ языкѣ; а заодно онъ же, такъ называемый воръ и хамъ, убилъ всякую возможность реакціонной власти, въ объятія которой неудержимо стремились бы, какъ висящіе въ воздухѣ Маниловы, такъ и говорившіе по ученому эсъ-еры и умѣренные соціалисты, — убилъ, ибо, самъ того не замѣчая, изъ „вора" превратился въ мощнаго хозяина своей земли, научившагося на опытѣ отстаивать ее отъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и понявшаго свое мѣсто въ государствѣ, котораго отнынѣ никому, будь-то самъ Русскій Совѣтъ въ Константинополѣ, или Учредительное Собраніе въ Парижѣ, или коми-

тетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ Прагѣ, или еще что-нибудь въ Берлинѣ, не отдастъ.

Обвинять Временное Правительство въ томъ, что оно не съумѣло понять, создавшагося вслѣдствіе отсутствія ясной и одинаково для всѣхъ пріемлемой соціальной базы, положенія не приходится. Отъ людей нельзя требовать пророческаго прозрѣнія, вступить же на другой, указанный выше, путь — повѣрить въ возможность немедленнаго установленія рабоче-крестьянской власти — ни одинъ изъ членовъ Правительства органически не могъ. Къ тому же, установленіе этой власти неизбѣжно предполагало такое временное погруженіе въ мракъ безправія, крови и разрушенія матеріальныхъ и культурныхъ цѣнностей, что пойти по этому пути могли лишь желѣзные люди, твердо вѣрящіе не только въ установленіе временной рабоче-крестьянской власти, но и въ осуществленіе подлиннаго счастья всего человѣчества, по самой своей „профессіи“ революціонеры, не боящіеся вызвать къ жизни всепожирающій бунтарскій духъ, люди для которыхъ ихъ цѣль, — пересозданіе всего человѣчества, — дѣйствительно, а не на словахъ только, оправдываетъ всѣ средства.

Но, быть можетъ, все таки были правы тѣ члены Временнаго Правительства и поддерживавшія ихъ группы, которые надѣялись, что временно власть въ состояніи удержаться „на довѣріи“, что „массы“ подождутъ съ выполненіемъ своихъ требованій, и что, наконецъ съѣхавшееся Учредительное Собраніе съумѣетъ основать Власть Всероссійскую, покоящуюся на авторитетѣ всеобщаго равнаго, тайнаго и прямого голосованія. Позорный провалъ Учредительнаго Собранія, реальный и моральный, долженъ былъ, казалось, открыть глаза даже самымъ неисправимымъ мечтателямъ-оптимистамъ на подлинный ликъ революціи и ея власти. И если тогда, въ моментъ крушенія иллюзій, неумѣніе оцѣнить событія во всей ихъ мощной значительности было понятно, то совершенно непростительно нежеланіе — иначе этого назвать нельзя — объективно осознать политическій, соціальный и экономическій смыслъ историческаго процесса, приведшаго къ этому крушенію, теперь, черезъ три съ половиною года послѣ октябрьской революціи.

Повторяю, въ 1917 году реально-ощутимой соціальной базы для утвержденія на ней власти, которая съумѣла бы

провести въ жизнь чаянія русскаго народа и отстоять ихъ отъ неизбѣжныхъ нападеній извнѣ и изнутри, *не было*. Матеріаломъ для нея должны были послужить крестьянство и пролетаріатъ, ибо міровая война показала, что только привлеченіе къ государственной работѣ этого безспорнаго большинства русскаго народа можетъ обезпечить національное существованіе Россіи. Будь крестьянство въ моментъ революціи сознательнымъ, организованнымъ и активнымъ соціальнымъ элементомъ — построеніе чисто-крестьянской власти оказалось бы дѣломъ возможнымъ, даже сравнительно легкимъ. Однако, самодержавіе позаботилось, чтобы это было не такъ.

Соціально-экономическое и культурное состояніе русскаго крестьянства въ 1917 году допускало теоретически два пути построенія на немъ, какъ на своей базѣ, власти: первый, не выдержавшій исторической провѣрки, путь можетъ быть кратко формулированъ слѣдующимъ образомъ: сначала успокоеніе, потомъ реформы, и въ результатѣ — крестьянская Россія и ея власть. Этотъ путь предполагалъ бы „благожелательную“ буржуазную, правовую и „культурную“ власть, искренно стремящуюся осуществить „законныя требованія народа“; затѣмъ, не менѣе „искренній“ отказъ помѣщиковъ отъ своего привиллегированнаго соціальнаго и экономическаго положенія и, наконецъ, сентиментальное довѣріе русскаго мужичка къ трогательнымъ обѣщаніямъ его вѣкового классоваго врага. Всѣмъ этимъ я отнюдь не хочу сказать, что не вѣрю въ искренность отдѣльныхъ представителей русской интеллигенціи, охотно соглашавшихся надѣлить крестьянъ землей и привлечь ихъ къ дѣлу государственнаго строительства. Думаю, однако, что исторія бѣлыхъ движеній съ достаточною наглядностью показала все безсиліе русской интеллигенціи въ проведеніи ею своихъ точекъ зрѣнія при ея работѣ въ союзѣ, а слѣдовательно, въ военной и экономической зависимости отъ земельной и промышленной буржуазіи. Первый путь неизбѣжно, такимъ образомъ, приводилъ къ соціальной, а за нею и политической реставраціи; другими словами, это былъ путь контръ-революціонный и, поскольку революція 1917 года была исторически неизбѣжна, неосуществимый.

Оставался второй путь, который въ противоположность первому можно было бы охарактеризовать словами: сначала

реформы, потомъ успокоеніе. Но что понимать подъ „реформами“? Вотъ тотъ роковой вопросъ, при отвѣтѣ на который, практическомъ и теоретическомъ, провалились всѣ безъ исключенія правительственныя партіи, начиная съ партіи Народной Свободы и кончая полу-лѣвыми соціалъ-революціонерами и меньшевиками. Всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, разсуждали примѣрно слѣдующимъ образомъ: реформы необходимы, но онѣ не должны ослаблять экономической, финансовой и военной мощи страны, и разрушать, хоть и чуждыя большинству народа, культурныя и правовыя цѣнности. Вотъ въ этой осторожности политическихъ дѣятелей первой половины 1917 года и была ихъ величайшая, непростительная ошибка, ихъ преступленіе передъ Революціей, а слѣдовательно передъ Россіей. Эти люди не понимали, что соціальное, экономическое и политическое пересозданіе Россіи предполагаетъ выходъ на поверхность государственной жизни тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые въ отношеніи своихъ культурно-правовыхъ и государственныхъ представленій живутъ въ далекомъ, отнюдь не прекрасномъ, прошломъ, что эти элементы могутъ выполнить выпавшую на ихъ долю роль соціальной базы лишь при условіи, что имъ будутъ понятны и близки, какъ далекіе цѣли и идеалы власти, такъ и ближайшія, конкретныя ея задачи. Скажу прямо: въ условіяхъ русской жизни 1917 года, при отсутствіи вполнѣ четко сложившейся и организованно построенной соціальной базы государственной власти, замѣнить такую базу могли только „массы“, сознательно сплоченныя *демагогическими* лозунгами: не опредѣленный классъ, а именно „массы“. Захватъ этими „массами“ въ октябрѣ 1917 года власти и знаменуетъ собою подлинную Революцію. Съ этого момента уже стали возможны реформы, то есть эволюція власти и поддерживающихъ ее новыхъ соціальныхъ слоевъ. Однако, колесо исторіи не возвращаетъ новыхъ людей на абсолютно прежнюю точку развитія, ибо съ каждымъ новымъ соціальнымъ элементомъ въ міръ приходятъ и новыя экономическія и идеологическія формы.

Выше я сказалъ: не опредѣленный классъ, а „массы“. Каковъ же неизбѣжно былъ соціальный характеръ тѣхъ „массъ“, которыя могли и должны были быть использованы въ 1917 году для построенія власти? Отвѣтъ на этотъ во-

просъ отчасти уже данъ: это прежде всего крестьянство и его организованный выразитель — старая армія. Былъ ли, однако, этотъ элементъ — я говорю пока объ арміи — достаточенъ? Увѣренъ, что нѣтъ. Опираясь на деморализованную, жадно стремящуюся разойтись по домамъ, безконечно усталую, сознательно не довѣряющую начальникамъ, проникнутую ненавистью къ государству, какъ причинѣ мучительной войны, солдатскую массу, въ лучшемъ случаѣ можно было захватить власть, подчинившись ея анархическимъ лозунгамъ и, прежде всего, предоставивъ ей демобилизоваться, т. е. самоупразниться въ качествѣ опоры власти. Характерно, что всѣ попытки Временнаго Правительства реформировать царскую армію не приводили ни къ чему: армія ждала не реформъ, а демобилизаціи. Эта армія могла быть только распущена, послѣ чего на совершенно уже иныхъ началахъ и во имя иныхъ цѣлей могла быть организована новая армія, подлинная охранительница Революціи и Россіи, новаго „соціалистическаго" отечества. Что касается разсыпанной по деревнямъ крестьянской массы, то и она могла сыграть роль, прежде всего, въ самый моментъ Революціи и въ теченіи ближайшаго времени, конечно, при условіи, что революціонная власть выброситъ лозунги, хотя бы и болѣе широкіе, чѣмъ какіе были нужны крестьянству, но въ которые съ легкостью могли бы уложиться конкретныя его чаянія. Однако, въ дальнѣйшемъ опорой власти крестьянство могло бы служить лишь при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, при условіи образованія новой, питаемой крестьянскими элементами, арміи — но созданіе такой арміи требуетъ времени — и, во-вторыхъ, при условіи скорѣе пассивной поддержки со стороны сидящаго по домамъ крестьянства, организованнаго въ мѣстную власть — но на одномъ пассивномъ сочувствіи и новая власть въ борьбѣ съ отжившими элементами держаться не можетъ; къ тому же организація мѣстной власти требуетъ столько же, если не больше, времени, какъ и созданіе арміи.

Все сказанное о крестьянствѣ показываетъ, почему участіе въ созданіи революціонной власти однородной крестьянской массы было недостаточно и почему необходимо было привлечь къ этому дѣлу еще и другой элементъ — городской, психологическая близость котораго къ крестьянству, съ одной стороны, и далеко не такая сильная, какъ на Западѣ, экономическая

его выдѣленность и противоположность крестьянству, съ другой, дѣлали союзъ этого послѣдняго съ городскимъ пролетаріатомъ естественнымъ, а историческія условія — необходимымъ.

Пострадавшій во время войны пролетаріатъ къ 1917 году представлялъ собою не столько классъ съ яснымъ классовымъ сознаніемъ, сколько революціонныя, до красна накаленныя, массы, использованіе которыхъ въ дѣлѣ построенія революціонной власти было возможно лишь при такой правительственной программѣ, которая своими широкими обѣщаніями давала бы немедленное удовлетвореніе матеріальнымъ запросамъ рабочихъ, а своими лозунгами мірового братства, правды и справедливости въ наглядно понятныхъ для рабочаго формахъ возвышала бы его до творца будущаго счастья человѣчества и тѣмъ самымъ оправдывала бы передъ нимъ самимъ кипѣвшую въ немъ ненависть къ буржуазіи.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на причинахъ, дѣлавшихъ городскія пролетарскія массы не только пригодными для установленія революціонной власти въ октябрѣ 1917 года, но и достаточно сильными для того, чтобы обезпечить разъ съорганизовавшейся власти прочное положеніе. Самый фактъ длительного существованія Совѣтской власти показываетъ съ достаточною наглядностью, а для непотерявшихъ окончательно историческое чутье и убѣдительностью, что выборъ соціальной базы для революціонной власти въ октябрѣ 1917 года былъ значительно болѣе удаченъ, чѣмъ всѣ попытки ея нахожденія, дѣлавшіяся съ февраля по октябрь того же года. Правда, внутреннія противорѣчія между деревней и городомъ на протяженіи послѣднихъ лѣтъ нерѣдко ставили Совѣтскую власть въ очень трудныя положенія; но это же заставило власть быть значительно болѣе гибкой и способной къ тактической эволюціи и принудило ее озаботиться охраной города съ его интеллектуальной и художественной культурой.

Анализъ русской жизни, какъ она сложилась къ революціи 1917 года, показываетъ, что созданіе революціонной власти было въ то время возможно при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1. Носителемъ власти могло быть лишь правительство, образованное изъ экстремистскихъ — прежде всего въ психологическомъ и тактическомъ отношеніяхъ — элементовъ.

2. Двигателями революціи были, а слѣдовательно соціальной базой для вышедшей изъ революціи власти могли быть, лишь сельскія (крестьянскія) и городскія (пролетарскія) *массы*, а не одинъ какой-нибудь классъ.

Нетрудно, видѣть, что оба поставленныя условія были осуществлены большевиками при созданіи ими въ октябрѣ 1917 года рабоче-крестьянской власти. Однако, одними обстоятельствами русской жизни нельзя еще объяснить исторической необходимости прихода къ власти именно крайней соціалистической, вскорѣ переименовавшей себя въ коммунистическую, партіи. Объясненіе тому, что въ Россіи у власти оказались именно коммунисты, а не новый Тушинскій воръ, Стенька Разинъ или Пугачевъ, надо искать въ общихъ условіяхъ міровой жизни, въ экономической, соціальной и культурной обстановкѣ, сложившейся во всемъ мірѣ къ началу XX столѣтія.

Въ оцѣнку этой обстановки я входить здѣсь не буду. Скажу лишь, что современный экстремизмъ съ подлинно-революціонными паѳосомъ и волей неизбѣжно выливается въ формы соціалистической, resp. коммунистической идеологіи. Не случайность, такимъ образомъ, что и русскій экстремизмъ, носящій, конечно, и специфически русскія національныя черты, выдвинулъ коммунистическіе идеалы.

Основнымъ условіемъ для того, чтобы любая революція дала въ итогѣ благопріятныя для національнаго прогресса результаты, является построеніе въ ходѣ революціоннаго процесса прочной соціальной базы будущей государственности и олицетворяющей ее власти Только при условіи органической связности господствующихъ — въ смыслѣ ихъ соотвѣтствія политическимъ и экономическимъ задачамъ даннаго историческаго періода въ жизни народа — элементовъ населенія съ властью можно спокойно взирать на неизбѣжныя временныя неудачи и колебанія революціонной власти. Наличность подобной связи, съ одной стороны, и исторически реальная прочность самой базы, съ другой, могутъ гарантировать революцію отъ всякихъ попытокъ реставраціи, съ какою бы настойчивостью онѣ не проводились.

Удалась-ли эта задача Совѣтской власти?

„Массы“ выдвинувшія въ лицѣ Народныхъ Комиссаровъ своихъ, по выраженію Луначарскаго, прикащиковъ, не могли

безъ дальнихъ словъ служить базой новой Россіи. Увлекавшіе эти массы лозунги немедленнаго воплощенія соціальной правды на землѣ установили прочное сотрудничество „массъ“ съ новой властью. Срокъ этого сотрудничества оказался достаточнымъ для того, чтобы Совѣтская власть успѣла не только овладѣть положеніемъ и реорганизовать аппаратъ управленія, но и создать себѣ прекрасную опору въ лицѣ сильной Красной арміи. Чрезвычайныя трудности, съ которыми приходилось бороться Совѣтской власти, какъ въ области экономической разрухи, такъ и въ чисто-политической сферѣ, усугублялись тѣмъ, что нерѣдко въ самой своей базѣ власть встрѣчала глубокое непониманія своихъ мѣропріятій: вмѣсто сознательной поддержки своего правительства крестьяне и рабочіе ставили его иногда въ исключительно затруднительныя положенія. Только потрясавшіе народную душу неожиданности, связанныя съ появленіемъ „бѣлыхъ“ властей, превращали, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, инстинктивное сочувствіе къ Совѣтской власти со стороны массъ въ сознательную и активную поддержку ея. При этихъ условіяхъ оказывалась необходимой суровая диктатура, о которой мечтали и при Временномъ Правительствѣ, но которую установить оказались въ силахъ лишь большевики.

Такъ называемая, диктатура пролетаріата и насиліе, принявшее въ опредѣленный моментъ историческаго процесса неизбѣжный, но отъ того не менѣе ужасный характеръ террора, необходимые въ періодъ сложенія и организаціи новой базы государственной жизни и власти, неизбѣжно видоизмѣняются по мѣрѣ ея, т. е. базы, укрѣпленія; многочисленныя данныя указываютъ на то, что за послѣднее время въ этомъ отношеніи въ Россіи происходитъ значительная эволюція.

Параллельно съ этимъ намѣтился и другой характерный въ томъ же смыслѣ процессъ: постепенный отказъ массъ отъ немедленнаго осуществленія прекрасныхъ, но, увы, непосильныхъ идеаловъ. То и другое, доказывая образованіе, на худой конецъ, лишь психологическихъ предпосылокъ, обезпечивающихъ въ близкомъ будущемъ сложеніе реальной базы русской государственности, неизбѣжно отражается не на идеологіи, конечно, а на тактикѣ Совѣтской власти, вынужденной считаться, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, съ реальнымъ заявленіемъ складывающихся въ Россіи новыхъ соціальныхъ и эко-

номическихъ отношеній. Указанія Ленина на „фантазерство“ тѣхъ, кто до сихъ поръ говоритъ о немедленномъ коммунизмѣ, измѣненія въ области экономической, (въ частности земельной) политики Совѣтской власти, отклоненія отъ первоначальной линіи поведенія въ вопросахъ рабочей политики и судебной практики и многое другое, — словомъ, такъ называемая, „эволюція большевиковъ“, столь раздражающая ихъ противниковъ изъ квази-ортодоксальнаго соціалистическаго лагеря, объясняется просто тѣмъ, что аналогичная эволюція происходитъ въ массахъ по мѣрѣ превращенія ихъ въ подлинную соціальную базу революціонно-эволюціонной власти. Наконецъ, успѣхи Красной арміи въ борьбѣ съ бѣлымъ движеніемъ равнымъ образомъ были бы необъяснимы, если бы мы попытались доказывать, что крестьянство въ массѣ не предпочитаетъ *свою* власть Совѣтовъ власти „контръ-революціонной“, возглавляемой генералами, руководимой такъ называемыми либеральными, а иногда и „соціалистическими“ интеллигентскими кругами, и опирающейся — и въ этомъ корень зла — на отжившіе элементы старой соціальной базы.

Всѣ приведенныя соображенія позволяютъ утверждать, что, по крайней мѣрѣ, въ области народной психологіи достигнуты положительные, съ точки зрѣнія закрѣпленія революціонныхъ завоеваній, результаты, и что, въ то же время, между властью и поддерживающими ее элементами населенія установлено живое взаимодѣйствіе, естественно, временами нарушаемое, иногда по винѣ власти, въ случаѣ ея тактическихъ или идеологическихъ ошибокъ, иногда по винѣ населенія, въ случаѣ недостаточнаго пониманія имъ стоящихъ передъ нимъ и властью обще-государственныхъ задачъ.

Не убоявшись „вора XX столѣтія“, неуклонно стремясь вызвать его къ самодѣятельности, Совѣтская власть постепенно, путемъ вовлеченія крестьянства въ дѣло государственнаго управленія и строительства, преображаетъ „вора“ въ распорядителя судьбами Россіи. Не ея вина, что при этомъ процессѣ нерѣдко психологія его лишь съ трудомъ поддается этатизаціи, но уже и достигнутые въ этомъ отношеніи за три съ половиною года результаты прямо ошеломляютъ. Начавъ съ рѣшительнаго отрицанія государства, пролетаріатъ и крестьянство уже теперь отлично сознаютъ, что въ современныхъ условіяхъ, какъ государство, такъ и государственная

власть необходимы, и къ тому же непосредственно связаны въ своей жизни съ жизнью каждаго въ отдѣльности гражданина. Во-истину, мы сами того не замѣчая присутствуемъ при рожденіи подлиннаго русскаго гражданства и неразрывно связаннаго съ нимъ Русскаго Государства. Начавъ съ ни къ чему не обязывающихъ, хотя, какъ потомъ выяснилось, давшихъ положительные всходы въ дѣлѣ отстаиванія русскихъ національныхъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ, интернаціоналистическихъ, плохо къ тому же понимаемыхъ лозунговъ, рабочіе и крестьяне не только убѣдились на опытѣ въ экономической необходимости единства Россіи, не только нашли экономическую базу для расширеннаго до обще-русскихъ предѣловъ патріотизма въ отстаиваніи прежде всего своихъ революціонныхъ завоеваній, своей власти и своего „соціалистическаго отечества“, но и прониклись національнымъ сознаніемъ высокаго русскаго подвига, несущаго, хотѣлось бы вѣрить, освобожденіе угнетеннымъ всего міра. Начавъ съ признанія въ области экономическихъ отношеній одного только момента распредѣленія, рабочіе путемъ длительнаго опыта убѣдились въ рѣшающемъ значеніи для поднятія общаго благополучія момента созиданія цѣнностей. Начавъ, наконецъ, съ исторически оправдываемаго непониманія и потому отрицанія интеллигенціи и, прежде всего, буржуазіи въ дѣлѣ экономическаго, государственнаго и культурнаго строительства, пролетаріатъ понялъ, что, какъ интеллигенція, такъ и буржуазія не только не страшны для народа-побѣдителя, но и должны быть и могутъ быть использованы въ интересахъ самого народа.

Колоссальный ростъ государственнаго, національнаго, экономическаго и соціальнаго сознанія народныхъ массъ въ Россіи за время революціи — вотъ то неоспоримое и безконечно цѣнное, что уже дала намъ Великая Русская Революція, построяя въ мучительномъ процессѣ своего творчества мощную соціальную базу Новой Россіи.

„Все это, можетъ быть, и такъ — возразятъ мнѣ — но не слишкомъ ли дорогою цѣною куплено будущее, къ тому же еще проблематическое, благо Россіи?“ Охотнѣе всего въ отвѣтъ на подобное утвержденіе я бы указалъ, что исторія, къ несчастью, не знаетъ ни слишкомъ дорогихъ, ни слишкомъ дешевыхъ цѣнъ; точно такъ-же, какъ въ отношеніи къ ней без-

содержателенъ вопросъ: могло ли быть иначе? Что же касается, Русской Революціи, то она неизбѣжно должна была принять экстремистскій характеръ, который, въ свою очередь, съ такою же необходимостью долженъ былъ найти свое возглавленіе въ лицѣ русскаго большевизма. Русская Революція не могла не сопровождаться огромными жертвами, какъ въ людяхъ, такъ и въ культурныхъ цѣнностяхъ. Не будь соціалистовъ-большевиковъ, русская революціонная стихія вызвала бы къ жизни нѣчто гораздо болѣе страшное, страшное не убійствомъ и грабежомъ, а страшное прежде всего тѣмъ, что грозило бы вырожденіемъ революціи въ анархію и бунтъ, съ ихъ неизбѣжнымъ заключеніемъ — реставраціей-смертью.

Вотъ почему, какъ бы проблематичны ни казались кому-нибудь положительные результаты Русской Революціи, какъ бы ни были велики жертвы русскаго народа, именно во имя этихъ великихъ жертвъ и того, чтобы онѣ не оказались напрасными, а положительные ихъ результаты — потопленными въ анархіи, во имя пролитой русской крови — необходимо безъ предвзятости, съ возможнымъ хладнокровіемъ вдуматься въ великія русскія событія и честно протянуть руку помощи Родинѣ, вынужденной историческими условіями искать своего спасенія и возрожденія такими путями, которые могутъ и не быть по душѣ цѣлымъ категоріямъ ея гражданъ.

С. Лукъяновъ.

НОВАЯ ВѢРА.

I.

Третьей революціи не будетъ.

Вотъ та „низкая истина“, которою слѣдуетъ проникнуться вмѣсто тьмы „возвышающихъ обмановъ“, на которыхъ отводитъ свою наболѣвшую душу русская эмиграція. — „Не надо разбивать вѣру хоть въ чудо. Пусть люди отдыхаютъ хоть на иллюзіяхъ“. Таково мнѣніе, которое слишкомъ часто приходится нынче слышать отъ тѣхъ, у кого довольно хорошіе глаза, чтобы оцѣнить положеніе, но слишкомъ мягкое сердце, чтобы продающему газеты полковнику, служащему въ швейцарахъ князю и безчисленнымъ просто голоднымъ, безработнымъ сказать: „Гражданская война проиграна окончательно. Россія давно идетъ своимъ, не нашимъ путемъ. Кризисъ кончился. Положеніе опредѣлилось. Или признайте эту, ненавистную вамъ Россію, или оставайтесь безъ Россіи, потому что „третьей Россіи“ по вашимъ рецептамъ нѣтъ и не будетъ.“

Вмѣсто этого — покачтоки, по выраженію Тэффи: всѣ живутъ „пока что“, перемогаясь, стараясь дотянуть до возвращенія въ эту третью Россію. Совѣтская власть въ агоніи, доживаетъ послѣдніе дни. Какъ извѣстно, послѣ октябрьской революціи, наши дипломаты увѣряли Антанту, что большевики слетятъ черезъ недѣлю. То-же упорно повторяется четыре года въ „Общемъ Дѣлѣ“, съ рѣзкою бранью: „евнухи“, „предатели“, „малодушные“ по адресу всѣхъ, дерзавшихъ быть болѣе проницательными; всѣ эти эпитеты были расточаемы видѣвшимъ, что Крымъ не сможетъ держаться противъ всей

Россіи, какъ только кончится русско-польская война. Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ — и Совѣтская власть все въ „агоніи“ и даже классическая „недѣля“ все на лицо: Алексинскій въ рѣчи, Бурцевъ въ статьѣ, въ Іюнѣ вновь повторяли: паденіе совѣтской власти произойдетъ черезъ нѣсколько недѣль. Гдѣ же осуществленіе этихъ пророчествъ? Не пора-ли сказать себѣ, что долгъ реальнаго политика принимать фактъ, какъ-бы онъ ни былъ непріятенъ, что надо, попросту, умѣть смотрѣть правдѣ въ глаза? Страусова политика, или реальная политика?

Если страусова, продолжайте отдыхать на иллюзіяхъ. Замѣните „недѣли“ „Общаго Дѣла“ меланхолическимъ „Мы не ставимъ сроковъ“ „Послѣднихъ Новостей“ и повторяйте за дамами, продающими послѣднюю брошку: — „Не можетъ-же быть, что-бы это продолжалось еще долго“. Тогда естественны эти странныя учрежденія, переполняющія всѣ столицы: Русское посольство, русская миссія, даже управленіе военнаго агента! Совѣтъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Торговый агентъ Южнорусскаго правительства. Союзы: инженеровъ, присяжныхъ повѣренныхъ и безчисленные другіе. Есть учрежденія Временнаго Правительства, есть Украинскія, есть Врангелевскія, есть Грузинскія и Азербейджанскія, есть агенты разныхъ министерствъ, есть управленія всевозможныхъ частныхъ учрежденій, — когда на свѣтѣ нѣтъ давно ни этихъ учрежденій, ни этихъ министерствъ, ни этихъ правительствъ. Какъ геологъ въ окаменѣломъ слоѣ отыскиваетъ слѣды формацій различныхъ эпохъ, такъ по спискамъ этихъ учрежденій можно возстановить разные періоды многострадальной Россіи. Періоды отошли въ исторію, а учрежденія и должностныя лица живутъ, часто благоденствуютъ. Загробная жизнь, въ которой нѣтъ ничего спиритическаго. Небывалый въ исторіи хроническій анахронизмъ. Всѣмъ извѣстно, что это фикція, что генералы, присяжные повѣренные, послы могутъ носить свои званія лишь какъ реликвіи такъ, какъ въ пику большевикамъ подписался одинъ въ бумагѣ на ихъ имя: „Урожденный генералъ-маіоръ такой-то“. Все это было. Всего этого больше нѣтъ. „Въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь“. Пусть каждое напоминаніе о дѣйствительности вызываетъ крики гнѣва и боли, оно необходимо изъ простой человѣчности: вѣдь сколько тяжелыхъ драмъ кроется подъ этимъ питаніемъ иллюзіями; не имѣя иллюзій, многіе устроили-бы иначе свою

частную жизнь, а нѣкоторые пересмотрѣли-бы и свою идеологію. Но всѣ, какъ грѣшникъ Додэ, попавшій въ адъ, считаютъ происходящее за страшный сонъ, который скоро пройдетъ. — „Онъ еще въ періодѣ сна", говорятъ жалѣющіе его другіе страдальцы. „Всѣ мы прошли чрезъ этотъ періодъ. Но когда онъ увидитъ, что его сонъ длится вѣка и тысячелѣтія, онъ, наконецъ, пойметъ, что это дѣйствительность".

Если-же на смѣну страусовой политикѣ должна придти реальная, то надо понять, что жизнь жестоко, насильственно откроетъ еще жмурящіеся передъ нею робкіе глаза. Пока эмиграція гадаетъ, скоро-ли погибнетъ Совѣтская власть, Совѣтская власть можетъ разсчитать довольно точно, скоро-ли погибнетъ эмиграція. Вырванные съ корнемъ изъ родной земли растенія не могутъ не засохнуть. Нѣкоторымъ отдѣльнымъ исключеніямъ пересадка удастся цѣною утраты всякой связи съ Россіею, но большинство — безъ пересадки, корнями вверхъ. Вся такая эмиграція погибнетъ въ нѣсколько лѣтъ, если не возсоединится съ родиною. Это — неумолимый законъ жизни. Вотъ почему надо-же себѣ отдать отчетъ, на чемъ основаны мечты о крушеніи Совѣтской власти, о возстановленіи такой Россіи, въ которую эмигрантъ соизволитъ вернуться. Прежде тутъ были реальныя возможности: интервенція, бѣлая армія. Онѣ отпали. Не можетъ быть надежды на интервенцію послѣ опредѣлившейся позиціи рабочихъ и солдатъ любой страны — послѣ Одесскаго возмущенія французскихъ солдатъ, отказа рабочихъ грузить снаряды для Врангеля и для поляковъ, позиціи англійской рабочей партіи и т. д. Вообще всякій разговоръ объ интервенціи теперь настолько-же нереаленъ, относится къ области очевидной фантазіи, какъ и разговоръ о русской арміи. Національный Съѣздъ здѣсь занимался самогипнозомъ, какъ будто отъ громкихъ апплодисментовъ и фразъ несуществующее можетъ опять стать существующимъ.

Нельзя безъ глубокой скорби и негодованія вспомнить о сотняхъ тысячъ безполезныхъ кровавыхъ жертвъ, которыхъ стоила Крымская гальванизація бѣлаго фронта, убитаго при Деникинѣ. Но теперь восклицать о возстановленіи какъ военной силы этихъ несчастныхъ, оборванныхъ, обезоруженныхъ, голодныхъ и холодныхъ людей значитъ издѣваться надъ ними своими овaціями изъ Парижскаго приволья, когда они дѣлаютъ себѣ въ землянкахъ печи изъ квадратныхъ, а трубы

изъ круглыхъ консервныхъ коробокъ. Съ глубокимъ уваженіемъ къ крестному пути русской арміи, раздѣлившейся роковымъ образомъ на армію Врангеля и армію Брусилова, на два лагеря, въ междуусобицѣ истреблявшихъ другъ друга русскихъ людей — пройдемъ мимо, съ жаждою дожить до свѣтлаго часа ихъ примиренія. Здѣсь уже не драма — здѣсь одна изъ величайшихъ трагедій исторіи. Братъ на брата — неизбывная взаимная ненависть и проклятія. И тамъ и здѣсь неисчислимые подвиги русскаго солдата и офицера, и тамъ и здѣсь неисчислимыя геройскія смерти — и, увы! неисчислимыя преступленія. Оба лагеря видятъ только свой подвигъ и только преступленіе врага. Оба пришли бы въ крайній гнѣвъ, какъ отъ высшаго оскорбленія, отъ самой мысли о проведенномъ между ними знакѣ равенства, о томъ, что они такіе-же русскіе люди въ своей враждѣ, съ великою доблестью, съ великою бездною. Такова черная злоба гражданской войны, всегда болѣе безпощадной, злобной, мучительской, извращенной, чѣмъ война между разными племенами.

Но теперь — она кончена.

Она кончена, потому что невозможна интервенція и потому что бѣлой арміи больше не существуетъ. Пока есть лотерейный билетъ, можно надѣяться выиграть. Нѣтъ билета — нѣтъ и надежды на выигрышъ. Мы тщетно-бы искали во всякихъ статьяхъ и рѣчахъ отвѣта на вопросъ: какою механическою силою можетъ быть свергнута Совѣтская власть, по мнѣнію ея противниковъ. Въ возраженіи проф. Устрялову, Пасманикъ совершенно обошелъ указанія Устрялова на отсутствіе какой-бы то ни было реальной концепціи ея свержения. Дѣйствительно, на это отвѣтить невозможно. Поможетъ Николай Чудотворецъ. Совѣтская власть падетъ „авось, небось и какъ-нибудь“, падетъ, какъ Іерихонскія стѣны отъ публицистическихъ трубъ и воплей. Какъ-нибудь? — „Мы рады вѣрить, мы жаждемъ вѣрить, хотя-бы даже и на честь.“ „Когда намъ скажутъ, что хотимъ, куда какъ вѣрится охотно.“ Такъ отвѣтитъ эмиграція. Хорошо. Но все-таки приходится „наступать тяжелыми подошвами на крылышки мечты“. Безъ интервенціи и безъ арміи — какъ-же? Внутренній взрывъ? Деревня.

Деревня противъ города. Вѣдь еще графъ Витте въ законѣ о выборахъ въ первую Думу дѣлалъ ставку на консер-

вативность русскаго мужичка. Очень характерно въ этомъ отношеніи было выступленіе на Національномъ съѣздѣ „представителя Всероссійскаго Крестьянскаго Союза". Крестьяне послали черезъ оратора привѣтствіе Врангелю. Крестьяне не грабители. Они всегда выражали желаніе за землю платить. Крестьяне желаютъ, чтобы земля была имъ дана законнымъ порядкомъ. Словомъ, мужичекъ стилизованный, какъ на былыхъ пріемахъ въ Царскомъ Селѣ, кроткій, на все согласный. Въ полной гармоніи съ такимъ мужичкомъ резолюціи Торгово-Промышленнаго и Національнаго Съѣздовъ. „Владѣльцы, утратившіе свои земли, должны быть вознаграждены государствомъ." Государственныя деньги получаются налогами. Значитъ, опять — заплатитъ крестьянинъ, опять повѣсть о томъ, какъ щедринскій мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ. Развѣ надо даже доказывать, что здѣсь мужичекъ — изъ потемкинских деревень? Настоящая деревня была открыта не „Антономъ Горемыкою", а страшнымъ Родіоновскимъ „Наше преступленіе". Она открылась на мгновеніе при Пугачевѣ, какъ откровеніемъ въ грозѣ и бурѣ на мигъ открываются бездонныя хляби океана — и потомъ опять можно было писать даже „Бѣдную Лизу". Проклинайте эту подлинную деревню, какъ исчадіе тьмы, или смотрите на нее какъ на будущую творческую силу, но оплота для переворота въ пользу парламентаризма и демократіи въ ней нельзя никакъ усмотрѣть. Во первыхъ, деревня выиграла отъ совѣтскаго строя — уже потому, что ей нечего было проигрывать. Ея благосостояніе увеличилось. Увеличилось — и притомъ въ неожиданной, очень большой степени — ея развитіе. Шла своимъ ходомъ русская исторія, а крестьянинъ въ ней никакого участія не принималъ: это была, какъ въ древности, исторія боговъ, царей и героевъ, а онъ оставался въ своей избѣ, неизмѣнной со временъ Гостомысла, не сдѣлавъ съ тѣхъ поръ шагу въ своемъ развитіи. То, что онъ вовлеченъ теперь въ государственную борьбу, долженъ отдавать себѣ отчетъ въ происходящемъ вокругъ и, главное, то, что въ немъ такъ нуждаются, разумѣется сильно двинуло впередъ его развитіе. Онъ сошелъ, наконецъ, съ мертвой точки и теперь пойдетъ по открывшемуся передъ нимъ пути.

Во вторыхъ, данъ именно въ этой области незабываемый предметный урокъ — отъ Скоропадскаго до Деникина. Ин-

стинктовъ не сдержишь... хоть-бы подождали до Москвы. Но помѣщики кинулись на свои пепелища. Все, что писалось въ совѣтской печати, о классовыхъ интересахъ помѣщиковъ, сановниковъ, дворянъ, генераловъ, реакціонеровъ получило, съ этими необузданными аппетитами, яркое предметное доказательство. Фактовъ напоминать не стоитъ — они у всѣхъ въ памяти: „конецъ бѣлой мечты". И, ничего не забывъ, ничему не научившись, Національный съѣздъ шумно апплодировалъ заявленіямъ своихъ ораторовъ, что будущая власть вовсе не собирается дѣлать народу пріятное и обѣщаніямъ карательныхъ экспедицій деревнѣ, которая несомнѣнно „ощетинится". Поэтому въ третьихъ: сами правящіе классы закалили русскій народъ. Они ему ничего не дали — онъ даже изъ крѣпостного состоянія былъ освобожденъ безъ земли. Съумѣли всѣ завоеванія культуры провести такъ, чтобы русская деревня ими не воспользовалась. Деревня не знала ни наукъ, ни искусствъ — даже грамоты. Государственный Совѣтъ отклонилъ кредиты на народное просвѣщеніе даже третьей Думы. Деревню искусственно держали въ темнотѣ, считая, что такъ вѣрнѣе для ея преданности царю и отечеству. Много-ли ей давали даже желѣзныя дороги и тому подобныя техническія изобрѣтенія? Много-ли ей давалъ городъ съ его торговлею и промышленностью? Такъ этой-ли изнуренной деревнѣ въ диковинку лишенія? Она-ли подымется оттого, что желѣзнодорожный транспортъ производится медленнѣе и въ немъ нѣтъ классныхъ вагоновъ? Или послѣ карательныхъ экспедицій при Романовыхъ, при Скоропадскомъ, при Деникинѣ ее подвинутъ на возмущеніе совѣтскія реквизиціи? Какъ Митридатъ былъ закаленъ противъ всякихъ ядовъ, такъ деревня приняла отъ бывшихъ правящихъ классовъ слишкомъ большія дозы всякаго насилія, голода, темноты. Никакою разрухою, никакимъ отсутствіемъ культуры ее не испугаешь. Непривиллегированные классы Россіи, въ деревнѣ и въ городѣ, вѣками пріучены быть неприхотливыми. Поэтому, съ ними теперь бита всякая ставка и на экономическую разруху, и на отсутствіе гражданскихъ свободъ. Итакъ — ни интервенція, ни русская несуществующая армія, ни взрывъ извнутри, или экономическая разруха.

И все-же у, повидимому одѣтой такимъ образомъ въ несокрушимую броню, Совѣтской власти есть Ахиллесова пята.

Кто хочетъ,— можетъ за это ухватиться и, торжествуя, цитировать. Эта Ахиллесова пята — анархія. Это Кронштадтъ, это — царь Махно. Жаль одного: они не правѣе, а лѣвѣе большевиковъ. Это — сила не центростремительная, а центробѣжная, не на воздухъ, къ солнцу, а — глубже въ землю. Отъ этого распада, напрягая всѣ усилія, спасаетъ Россію Совѣтская власть и правъ Уэллсъ, говоря, что уничтожить ее значитъ перебить Россіи позвоночный хребетъ. Это не нравится? Большевизмъ обвиняется въ томъ, что онъ внесъ анархію? Не будемъ ни спорить, ни соглашаться: право, важно будущее, а не прошедшее. Но часто вѣдь вынуть изъ раны нанесшій ее дротикъ значило открыть рану, заставить истечь кровью раненаго воина. Причинившій рану дротикъ затыкалъ ее. Тѣ, кому ненавистенъ большевизмъ, должны-бы еще болѣе ненавидѣть анархію. Но исконный грѣхъ политиковъ: если беретъ верхъ противная имъ партія, они обрадуются, увидѣвъ свою родину, пораженною моровою язвою. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Правые круги эмиграціи въ своемъ безотвѣтственномъ заграничномъ положеніи переняли всѣ худшіе лозунги эсъ-эровъ, совсѣмъ не заботясь о томъ, можетъ-ли русскій народъ смотрѣть какъ на своихъ друзей на тѣхъ, кто всячески старался препятствовать доступу къ нему лѣкарства, платья, обуви, земледѣльческихъ машинъ, всего для него нужнаго. Припоминаю одинъ процессъ въ Ростовѣ. Военный судъ судилъ совѣтскаго служащаго. Рядъ свидѣтелей показывалъ, что это былъ прекрасный, принесшій много пользы на своемъ посту человѣкъ. — „Тѣмъ хуже!“ воскликнулъ военный прокуроръ: „Въ этомъ-то и состоитъ его вина! Этимъ онъ укрѣплялъ Совѣтскую власть, поддерживалъ къ ней уваженіе. Своею дѣятельностью онъ поддерживалъ порядокъ, поддерживалъ въ населеніи покой вмѣсто недовольства совѣтскимъ строемъ, разрухи и хаоса. За это онъ долженъ быть строго наказанъ!“

При анархіи получился-бы этотъ любезный сердцу многихъ хаосъ. Что-жъ такое, затменіе — потомъ проглянетъ солнце. Правда, затменіе безкровно, а желающимъ такого затменія пришлось-бы повторить слова Наполеона: — „Что значитъ для такого человѣка, какъ я, милліонъ жизней“, да еще выплыть изъ этого океана крови, хоть Наполеоновъ что-то нѣтъ, а мирмидонцы, стремящіеся поднять мечъ Ахилла, только одерживаютъ побѣды другъ надъ другомъ. Поѣхалъ Гучковъ

въ Женеву — Милюковъ, торжествуя трубитъ, что его „парализовалъ". Русская грызня: кто-бы ни попробовалъ что-нибудь сдѣлать на пепелищѣ послѣ большевиковъ, другіе непремѣнно его парализуютъ. Никого нѣтъ, кто-бы былъ въ состояніи взять въ свои руки послѣ большевиковъ тяжкій мечъ власти. Во всякомъ случаѣ надо твердо помнить одно: за эти три года одни монархисты съумѣли организовать противъ Совѣтской власти вооруженное сопротивленіе. Что-же скрывать шило въ мѣшкѣ, бѣлыя арміи, состоявшія почти сплошь изъ офицеровъ, были, конечно, монархистическими. Тогда вставала дилемма: красный Кремль, или Кремль съ колокольнымъ звономъ царей московскихъ. Народъ предпочелъ первое. Но, во время Деникинской катастрофы, какой-то мелкій репортеръ, не имѣя темы, пустилъ въ свою статейку миѳъ, что Махно монархистъ — онъ за крестьянскаго царя. Какой получился изумительный успѣхъ! Махно оказался кумиромъ изящныхъ дамъ, коммерсантовъ, генераловъ и либераловъ: теперь-то большевики ужъ навѣрное скоро слетятъ — видите, крестьяне за монархію. Всѣ повѣрили, что Врангель и Махно въ союзѣ спасутъ Россію. А чѣмъ былъ Махно со своею заставою Соловья разбойника, со своими безобразными дикими всадниками, съ сокровищами, зарытыми у Гуляй Поля, съ отвѣтомъ Екатеринославскимъ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ: „Почты намъ не треба" и съ, вѣроятно, апокрифическимъ, но такъ радостно передаваемымъ нѣжными дамскими устами отвѣтомъ на просьбу о хлѣбномъ поѣздѣ для голодающаго Петрограда: „За поѣздъ хлѣба — вагонъ жидовъ"? Махно былъ анархическою отрыжкою вѣкового крестьянскаго гнета, былъ стихійнымъ многоголовымъ царемъ-звѣремъ, который одинъ, безъимянный и безликій, могъ-бы придти на смѣну Совѣтской власти, если-бы она не вздернула, какъ мѣдный всадникъ, Россію передъ бездною на дыбы. Вся Россія была бы отброшена къ доисторическому періоду, къ безвластію, къ грабежу кочующихъ шаекъ. Или нельзя даже учесть, до чего-бы дошла реакція. Венгрія тому слабый примѣръ. Нельзя представить себѣ, при самой горячечной фантазіи, этихъ картинъ злобы и мести. Кроткими сестрами милосердія, сравнительно, съ такою дѣйствительностью, казались бы дамы, нѣкогда раскрывавшія свои кружевные зонтики въ ранахъ поверженныхъ коммунаровъ.

Махно былъ роднымъ братомъ Кронштадтскимъ матросамъ. Вотъ еще одна, къ великому счастью для Россіи подавленная анархическая попытка увлечь ее въ бездну. И съ краской стыда приходится вспоминать, какъ привѣтствовали изъ Парижа тѣхъ, кого вчера съ ужасомъ проклинали, какъ убійцъ тысячъ морскихъ офицеровъ и Кокошкина и Шингарева. Со стороны большевиковъ понятно, что, дѣлая свой прорывъ къ власти, они оперлись на эту, грозно разнуздавшуюся въ революціонномъ порывѣ, дошедшую до крайней жестокости и преступности силу, но и они терпѣли эту разнузданность лишь поневолѣ, лишь пока на первыхъ порахъ были слабою властью. Убійство Кокошкина и Шингарева привело Ленина въ ужасъ, вызвало его гласный протестъ, а сдѣлать тогда ничего нельзя было: не было силъ, слишкомъ бушевалъ хаосъ только что совершившейся революціи. Однако, какъ только волны улеглись, большевики не стали потакать ничьей разнузданности — на всѣхъ нашлась крѣпкая узда, и на анархическія стремленія и на чисто уголовныя убійства и налеты: извѣстно, что охрана безопасности гражданъ отъ уголовныхъ преступленій поставлена въ Совѣтской Россіи на должную высоту. При Временномъ Правительствѣ и въ первые мѣсяцы существованія Совѣтской власти налеты и грабежи были повсемѣстнымъ бичемъ, теперь преступникамъ трудно, репрессіи противъ нихъ безпощадны. Естественно, что обузданіе анархіи не нравится разнузданнымъ элементамъ. Не можетъ матросамъ нравиться, что изъ красы и гордости революціи, они стали ея солдатами, подчиненными суровому порядку. Отсюда ихъ возстаніе противъ большевиковъ въ тотъ періодъ, когда тѣ вводятъ порядокъ, такъ-же понятное, какъ ихъ союзъ съ большевиками въ тотъ періодъ, когда тѣ, создавая революцію, создавали безпорядокъ. Но если понятно такимъ образомъ отношеніе большевиковъ къ матросамъ, то совершенно непонятно, какъ на столбцахъ парижскихъ газетъ эта „темная сила“, эта „матросня“ превратилась въ доблестную армію, въ борцовъ за свободу, когда возстала противъ Совѣтской власти, дала воду на остановившіяся парижскія мельницы. Что за неразборчивость въ средствахъ: иностранцы, расхищающіе Россію, такъ иностранцы, Махно такъ Махно, матросы такъ матросы — такъ и протянулись руки для пожатія рукъ, обагренныхъ въ крови тысячъ жертвъ

изъ того-же бѣлаго лагеря! Что красные не смущались кровью бѣлыхъ — естественно, но сравнительно съ Парижскою позиціей бѣлыхъ, забывшихъ про кровь своихъ соратниковъ, куда была естественнѣе Сербская позиція монархистовъ, говорившихъ: „Съ такими возстаніями намъ не по пути". Они понимали, что, при малѣйшемъ шансѣ на успѣхъ бѣлыхъ или розовыхъ, тѣ-же матросы грудью-бы встали за Совѣтскую власть, лишь бы не пустить общаго врага въ Россію. И какая поразительная самоувѣренность у привѣтствующихъ анархію, которая-бы свергла большевиковъ. Мы-то ужъ справимся съ анархіей, даже такою, которая сильнѣе Совѣтской власти... Мы все поправимъ — даже при взаимной грызнѣ, при уже доказанномъ безсиліи и бездарности.

Въ дѣйствительности-же Совѣтская власть, при всѣхъ ея дефектахъ — максимумъ власти, могущей быть въ Россіи, переживающей кризисъ революціи. Другой власти быть не можетъ — никто ни съ чѣмъ не справится, всѣ перегрызутся. Относительно того, что никто ни съ чѣмъ не справится, дало предметный урокъ Временное Правительство, составленное изъ самыхъ популярныхъ лидеровъ всѣхъ либеральныхъ партій, изъ „лучшихъ людей" интеллигенціи. Относительно того, что всѣ перегрызутся, дала предметный урокъ эмиграціонная политическая свара. Одна Совѣтская власть, противъ которой были всемірная коалиція, бѣлыя арміи, занявшія три четверти русской территоріи, внутренняя разруха, голодъ, холодъ и увлекавшая Россію въ анархію сила центробѣжной инерціи, съумѣла побѣдить всѣ эти исторически безпримѣрныя затрудненія.

Отчего?

II.

Непостижимо для насъ, какъ могли римляне ѣсть муреновъ, откармливаемыхъ тѣлами бросаемыхъ въ прудъ рабовъ. Непостижимо, какъ могъ цвѣтъ средне-вѣковой культуры присутствовать, какъ на праздникѣ, при ауто-да-фе. Такъ-же будетъ непостижимо нашимъ потомкамъ, какъ могли современные культурные люди пользоваться булавками и спичками, зная, что для ихъ выдѣлки люди отравляются металлическою и

фосфорною пылью. Опрокинутые русскою революціей и борющіеся противъ неумолимо надвигающейся всемірной революціи, обыватели, честно прожившіе свой вѣкъ и лишающіеся на вторую половину жизни плодовъ первой половины, недоумѣваютъ, въ чемъ ихъ вина. Виноватъ каждый, приколовшій булавку, чиркнувшій спичку.

Это — дурной тонъ, демагогія — вспоминать о богатыхъ и бѣдныхъ. Есть они и всегда будутъ — что-же изъ этого слѣдуетъ? Даже Христосъ сказалъ: „Нищихъ вы всегда будете имѣть съ собой", чѣмъ, впрочемъ, возмутился Іуда и немедленно его предалъ. Но сами нищіе рѣшительно несогласны съ богоустановленностью и извѣчностью такого закона — и ужъ тутъ сводится къ Лассалевскому реальному соотношенію силъ. Годъ тому назадъ въ Англіи было около двухсотъ тысячъ безработныхъ (не бастующихъ); теперь стремительная прогрессія довела ихъ число до нѣсколькихъ милліоновъ. Оно еще недостаточно, но если такъ будетъ расти и впредь, то усиленная до n + 1 армія безработныхъ окажется въ силахъ опрокинуть британскій государственный строй. Что такой моментъ вообще наступитъ, мы всѣ понимали и всѣ, минуя неприличіе о богатыхъ и бѣдныхъ, жмурили глаза, какъ маркизы при Людовикѣ XV: „Послѣ насъ потопъ!" Не „хоть потопъ", какъ неправильно переводятъ „Après nous le déluge", а именно „послѣ насъ потопъ" — видѣли, что будетъ потопъ, но успѣютъ умереть. И оказались счастливѣе, или умнѣе насъ; въ самомъ дѣлѣ умерли до потопа. А на насъ пришла при жизни она, великая соціальная революція, которую мы считали несомнѣнною лѣтъ черезъ двѣсти. Мы — современники величайшаго историческаго катаклизма, но совсѣмъ этого не поняли, разсуждаемъ: Революція? Бунтъ? Когда все это кончится? Надо надѣяться, скоро, не стоитъ раскладывать чемодановъ. Въ дѣйствительности-же это кончиться не можетъ. Кончится старый міръ, ни болѣе, и не менѣе. Русская революція — соціальная революція.

На мартовской революціи она остановиться не могла. Мартовская революція — жалкій полустанокъ, на которомъ стремительный курьерскій поѣздъ можетъ стать лишь на двѣ минуты — и затѣмъ несется дальше, до конечной станціи. Совершенно естественно высшіе классы остановились на мартовской революціи: они отъ нея получили все, что было имъ

нужно — политическую реформу. И совершенно естественно классы, одинаково обездоленные при монархіи и республикѣ, пошли дальше — до октябрьской, до экономической, до настоящей революціи.

Идеологія мартовской революціи запоздала на сто слишкомъ лѣтъ. Идеологія эта была выработана въ XVIII вѣкѣ философами-энциклопедистами для борьбы противъ феодальной монархіи. Она заключается въ такъ называемыхъ правахъ человѣка: свободѣ личности и слова, всеобщемъ избирательномъ правѣ, парламентарномъ представительномъ строѣ. Все это было провозглашено французскою революціей. Но на смѣну XVIII вѣку пришелъ XIX — и его колоссальное развитіе промышленности и торговли, его выросшіе изъ земли громадные заводы и фабрики, его техническія изобрѣтенія, его паръ и электричество застигли человѣчество врасплохъ — оно не успѣло опомниться, какъ было ввержено въ рабство экономическое. Капитализмъ, со всѣми его чудовищными злоупотребленіями, привелъ, послѣ экономическаго рабства, къ непосильнымъ вооруженіямъ, потомъ къ нанесшей смертельную рану современному соціальному строю небывалой войнѣ и, наконецъ, къ безвыходному тупику внутреннихъ и международныхъ отношеній въ любомъ государствѣ, къ окончательному банкротству прежней идеологіи. Парламентарный строй сталъ притчею во языцѣхъ; уваженіе любого обывателя къ нему подорвано безчисленными скандальными разоблаченіями. Гдѣ то время, когда В. Гюго пѣлъ вдохновенный гимнъ парламентской трибунѣ? Кто теперь вѣритъ, что всеобщая подача голосовъ выявляетъ волю народа? Преслѣдуемые за спекуляцію мелкіе козлы отпущенія иронически совѣтуютъ искать настоящихъ виновниковъ народнаго горя среди спекулирующихъ на милліарды, политическихъ вождей, министровъ, генераловъ, главарей банковъ и промышленности, которыхъ никто не рѣшится тронуть. Все это происходитъ подъ знаменемъ демократіи — народоправства. Демократы предлагаютъ народу всѣ политическія свободы — „не изволишь-ли сѣнца, вотъ цѣлый стогъ“, — зная, что экономическіе рабы не могутъ пользоваться никакимъ политическимъ оружіемъ. Но перемѣщеніе центра тяжести отъ политическихъ завоеваній къ соціальнымъ опрокидываетъ всѣ позиціи, одно можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ переполняющихъ

чашу терпѣнія всякаго современныхъ соціальныхъ несправедливостей. Вотъ письмо группы бывшихъ военныхъ въ „Petit Niçois“; такихъ писемъ появляется много во всѣхъ газетахъ всѣхъ странъ.

„Во время войны и послѣ нея торжествовало воровство. Пока мы въ траншеяхъ рисковали своей жизнью многочисленныя и скандальныя богатства воздвигались на народной нуждѣ. Депутаты, министры, промышленники, купцы — всѣ соперничали въ нечестности. Судьи все покрыли своею преступною слабостью. Настоятельно необходимо вычистить Авгіевы конюшни и заставить всѣхъ, обогатившихся на войнѣ и нуждѣ Франціи, вернуть награбленное. Иначе гнѣвъ будетъ накапливаться и это доведетъ насъ до революціи. Да спасетъ Богъ отъ такого несчастья нашу прекрасную страну!“

Изобрѣтается масса средствъ, какъ избирателямъ держать на ниточкѣ своего избранника, но ни одно не достигаетъ цѣли: депутатъ, получивъ это званіе, отрывается отъ своихъ избирателей, погружается съ головою въ совершенно чуждые имъ интересы, въ жизнь столицы, въ политическую кухню – интриги, честолюбіе, корысть захватываютъ его. Онъ становится богатъ, становится министромъ; но депутатъ, сохранившій гражданскія добродѣтели, нынѣ является воистину бѣлымъ ворономъ. Однако, если-бы дѣло было въ несостоятельности людей, то могла-бы быть розовая надежда на ихъ исправленіе. Дѣло въ несостоятельности самого принципа. Народныя массы являются игрушкою въ рукахъ ловкихъ политиковъ, достигающихъ всеобщимъ голосованіемъ совершенно неожиданныхъ для народа результатовъ; для примѣра достаточно сослаться на наше Учредительное Собраніе, оказавшееся явно неспособнымъ выполнить свою миссію, явно несоотвѣтствующимъ волѣ народа, выбраннымъ съ явными злоупотребленіями — и не поддержанное народомъ. Какъ онъ дѣлается орудіемъ политиковъ, показываетъ геніальная шекспировская сцена надъ трупомъ Юлія Цезаря. Чего стоитъ всеобщее голосованіе, показываютъ картины выборовъ, со своими неприглядными, часто комическими бытовыми подробностями въ любомъ литературномъ произведеніи, начиная отъ Диккенсовскаго „Пикквикскаго клуба“ и „Ричарда Дарлингтона“ Дюма и кончая „L'engrenage“ Бріе. Жизнь жестоко, обидно насмѣялась надъ навязанною ей фикціей. Наконецъ самое

серьезное значеніе имѣетъ общеизвѣстный доводъ, что когда низшіе классы не имѣютъ средствъ, чтобы привлечь къ защитѣ своихъ интересовъ интеллигенцію достаточною оплатою ея труда, такъ что интеллигенція находится въ матеріальной связи съ богатыми и правящими классами, отъ которыхъ зависитъ писатель, адвокатъ, ученый; когда сами низшіе классы не обладаютъ достаточнымъ образованіемъ, что-бы разобраться въ сложной политической обстановкѣ, намѣренно передъ ними извращаемой и маскируемой; когда они не обладаютъ средствами, что-бы нанять залъ, заплатить типографіи за наборъ газеты, брошюры или афиши, такъ что на одно ихъ собраніе или газету ихъ противники отвѣчаютъ сотнями изъ собственныхъ помѣщеній, собственныхъ типографій — то получается крайнее неравенство въ политической борьбѣ и равноправіе гражданъ оказывается глубокимъ лицемѣріемъ. Но самое важное — правящіе классы никогда не стѣсняются созданными ими-же политическими правами и такъ называемыми свободами, чтобы просто не подтолкнуть руку судьбы, когда она выбрасываетъ неугодныя имъ карты на зеленый столъ политики.

Свобода — какая прекрасная мечта! Какая синяя птица! Но она еще не поймана человѣчествомъ. Стремившійся къ ней конвентъ началъ, какъ Шигалевъ, съ принципа крайней свободы и пришелъ къ крайнему рабству. Съ тѣхъ поръ прошелъ вѣкъ съ четвертью, въ теченіе котораго европейскіе политическіе дѣятели пытались основать на завѣтахъ первой революціи, на свободахъ политическій строй западной Европы. Пытались искренне? Такъ-же, какъ люди исповѣдуютъ христіанскую вѣру. „Что вы говорите мнѣ, Господи, Господи, а не дѣлаете того, что я говорю?“ Это — не неискренность. Уважая свѣтлые завѣты Христа, люди только находятъ, что завѣты сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ, что завѣты непримѣнимы къ жизни — и она катится по совершенно чуждому христіанства руслу. Такъ министръ, который вздумалъ-бы принимать свободы въ серьезъ, искренне проводить ихъ въ жизнь, былъ-бы принятъ за съумасшедшаго. Свободы — секретъ авгуровъ.

Съ 18 брюмера до разгона Учредительнаго Собранія армія всегда имѣла передъ парламентомъ самый очевидный перевѣсъ и разгоняла, когда ей было угодно, всякіе парламенты.

Нельзя было ей дать голосовать, пріобщить ее къ политической борьбѣ, такъ какъ вооруженные организованные граждане всегда навяжутъ свою волю невооруженной массѣ, а изъятая изъ политической борьбы армія, армія „великая молчальница", армія „святая сѣрая скотинка", оказывалась народомъ, кующимъ себѣ-же цѣпи. „Пассивное повиновеніе", высшая добродѣтель солдата, давало военнымъ вождямъ возможность всегда фактически дѣлать политику. Всеобщая подача голосовъ парадоксомъ исторіи превращалась вообще слишкомъ часто въ орудіе народнаго угнетенія — плебисцитомъ прошелъ на престолъ не только Наполеонъ I — Наполеонъ III, послѣ кроваваго разгрома второй республики, послѣ разгона парламента, послѣ разстрѣла на улицахъ и въ домахъ по всей Франціи беззащитныхъ гражданъ. Увѣряютъ, что свободы дѣйствуютъ во время покоя страны, но этого покоя, по мнѣнію правительствъ нѣтъ никогда, и какъ только онъ нарушается, выступаетъ принципъ: „Во время пожара нельзя думать о разбитыхъ стеклахъ." А все, угрожающее покою правящихъ классовъ, по ихъ мнѣнію нарушаетъ покой страны.

На недавнемъ процессѣ Лоріо и Суварина прошли длинною вереницею старики свидѣтели, общественные дѣятели, писатели для того, что-бы засвидѣтельствовать, что съ самаго основанія третьей республики въ ней всегда люди преслѣдовались за идею. Это было и раньше въ самыя либеральныя времена всего XIX вѣка. Вообще всегда шло по той-же схемѣ: правительство ссылалось на государственную необходимость въ оправданіе своего равнодушія къ свободамъ, а оппозиція была ярымъ другомъ свободъ, чтобы, пользуясь ими, свергнуть правительство. Какъ только оппозиціонная партія получала власть, уже она становилась въ антагонизмъ со свободами во имя порядка, а сверженные ею противники нападали на ея порядокъ во имя свободъ. Сыновья В. Гюго были осуждены либеральнѣйшимъ судомъ присяжныхъ за статьи противъ смертной казни и отецъ написалъ имъ, идущимъ въ тюрьму: „Это правосудіе исходитъ изъ этихъ судей, какъ змѣя исходитъ изъ гробовъ." Натискъ коммунистовъ нынѣ заставляетъ всѣ правительства безъ церемоніи отбросить свободы, потому что коммунисты слишкомъ сильная партія для легальной съ ними борьбы правящихъ классовъ. Вокругъ краснаго знамени сплотились всѣ недовольные, обез-

доленные, вовсе не исповѣдующіе коммунистическихъ принциповъ. Въ то время какъ правительство арестуетъ Лоріо и Суварина, присяжные ихъ оправдываютъ и требуютъ внесенія въ Палату Депутатовъ закона, лучше гарантирующаго свободу убѣжденій и слова. Однако, вмѣсто этого въ палату вносится такой законопроектъ, что даже французская печать указываетъ, что по нему пойдетъ въ тюрьму всякій, кто напечатаетъ прежнія рѣчи Мильерана и Бріана.

Растерянность власти во всѣхъ странахъ передъ коммунистическимъ натискомъ заключается въ томъ, что, желая сохранить либеральное лицо и видимость гражданскихъ свободъ, она разрѣшаетъ коммунистическія газеты и собранія, но недолгій опытъ показываетъ, что она, со всею массою своихъ писателей и ораторовъ, противъ нихъ держаться не можетъ; это происходитъ всегда, когда ростетъ со своею грозной стремительностью въ обществѣ какая-либо идея — это происходитъ теперь отъ близящагося повѣтрія соціальной революціи. Дѣйствительныхъ мѣръ противъ нея не могутъ принять — для этого надо было-бы поступиться своими интересами, привиллегіями, самоотверженно провести настоящую соціальную реформу. Но запаздывающая сверху реформа всегда проводится снизу. Наслѣдственность, воспитаніе, классовые интересы, все мѣшаетъ обывателю идти со свѣтлымъ лицомъ навстрѣчу соціальной революціи; онъ ея не любитъ и боится; онъ — вѣрный оплотъ всѣхъ престоловъ, всѣхъ правительствъ, всякаго существующаго „порядка“, но порядка-то и нѣтъ, вездѣ безпорядокъ, вездѣ дороговизна, доводящая до банкротства, вездѣ льется кровь, въ Ирландіи, въ Италіи, въ Силезіи, въ Греціи, въ Испаніи, вездѣ консервативно демократическіе правители, которыхъ обыватель такъ-бы радъ любить и защищать, гонятъ его къ страшнымъ коммунистамъ, доводятъ его въ лучшемъ случаѣ до нейтралитета между правительствомъ и революціей. Когда правительство антипатично, симпатичною становится революція. Такъ она въ мартѣ произошла и у насъ, при общемъ сочувствіи все терявшихъ при ней классовъ. Обыватель изъ мирнаго сталъ озлобленнымъ. Онъ извѣрился, какъ это видно изъ вышеприведеннаго типичнаго письма, въ своей власти законодательной, исполнительной и судебной, соучастницахъ всѣхъ вопіющихъ грабежей и спекуляцій, онъ извѣрился въ неприкосновенности

своей собственности, выкачиваемой у него всевозможными легальными насосами и поэтому его классовые интересы уже оказываются парализованы: они слишкомъ сильно страдаютъ и при существующемъ „порядкѣ". Отсюда повсемѣстная изоляція власти. Но ей надо защищать существующій строй, Какъ тутъ считаться со свободами? Въ Бѣлградѣ, въ 1920 г.. коммунисты, вкупѣ съ обывателемъ, поднесли ей ошеломляющій сюрпризъ: на выборахъ въ Бѣлградскую городскую Думу коммунисты получили большинство. Надо было имъ отдать, по закону, власть надъ управленіемъ столицею, ея хозяйствомъ, ея кассою. Правительство этого не сдѣлало. Оно придралось къ тому, что гдѣ-то на выборахъ какой-то коммунистическій ораторъ объяснилъ свое отношеніе къ присягѣ гласныхъ въ общепринятомъ всѣми оппозиціонными партіями смыслѣ, такъ, какъ и наши соціалисты, идя въ парламентъ, приносили присягу на вѣрность монарху: что она не связываетъ ихъ убѣжденій, является необходимостью. За это-то разъясненіе всѣхъ коммунистовъ, ничего не говорившихъ, не пустили въ Думу, не смотря на ихъ избраніе всеобщимъ голосованіемъ. Не менѣе сильны натяжки юридической казуистики, къ которымъ прибѣгаютъ правительства и въ другихъ странахъ, чтобы примирить непримиримое: чтобы и свободы остались цѣлы и коммунисты остались въ тюрьмѣ. Такъ играть въ свободы больше нельзя, но не помогаютъ и пріемы культурнаго Держиморды, ставящаго для порядка всѣмъ фонари подъ глазами — и правому и виноватому. Чѣмъ больше недовольныхъ. тѣмъ больше фонарей, но чѣмъ больше фонарей тѣмъ больше недовольныхъ Дорожатъ-ли вообще правящіе классы свободами не для себя— для низшихъ классовъ, дорожатъ-ли легальностью борьбы? Вспомните фразу Ольденбурга на Національномъ Съѣздѣ: „Русское общество не должно разсчитывать на свободу, когда Россія возстановится. Еще, можетъ быть, будетъ дана та доза свободы, которая была при Александрѣ III, но рѣчи быть не можетъ о свободѣ, которою оно пользовалось въ довоенное время." А въ частныхъ бесѣдахъ, какъ часто приходится слышать: „Французы, нѣмцы поступили умно: во время убили Жореса, Либкнехта, Розу Люксембургъ, а мы пропустили время покончить съ Ленинымъ и Троцкимъ. Вотъ теперь и наказаны". Убійцы, какъ извѣстно, всѣ избѣгли кары. Разумѣется, въ этихъ преступленіяхъ нельзя винить правительства, но изъ

политики правящихъ классовъ эта кровь вылилась какъ неизбѣжное, логическое послѣдствіе, въ самый нужный моментъ. Такъ что ужъ говорить о свободахъ! Онѣ теперь политическое толстовство, непротивленчество. Но текущій моментъ взятъ здѣсь лишь для большей наглядности. Такъ было — такъ будетъ. Отъ конвента до нашихъ дней ни одно правительство не было настолько безразсудно, что-бы давать въ руки своихъ сильныхъ враговъ такое оружіе, какъ политическія свободы. Онѣ давались лишь врагамъ безсильнымъ. Нѣтъ возможности здѣсь дѣлать историческій обзоръ всего XIX вѣка, но гдѣ, когда было государство, основавшее на свободахъ свой строй? Прекрасная мечта изжита.

Миѳическое, немыслимое правительство, которое было-бы такъ наивно, что-бы дать гражданамъ всѣ значащіеся въ ихъ законахъ свободы только въ той мѣрѣ, которая тамъ либерально указана — лишило бы себя всякой власти удержать страну отъ превращенія свободъ въ анархію. Вѣдь это только на бумагѣ выходитъ красиво и ясно: „свобода Ивана кончается тамъ, гдѣ начинается свобода Петра“, а на самомъ дѣлѣ Джонъ Стюартъ Милль является однимъ изъ тѣхъ философовъ, которыхъ, по мнѣнію Спинозы, нельзя подпускать къ управленію государствомъ.

Такъ уничтожена, какъ непримѣнимая къ жизни, въ сознаніи всѣхъ правительствъ, всѣхъ классовъ самая база утопіи, выработанной первой революціей какъ база соціальнаго строя. Богинѣ свободы еще воздвигаютъ алтари, но заповѣдей ея не исполняютъ. Ихъ невозможно исполнить. Приходится искать другихъ основаній для новаго государственнаго строя. А съ этимъ, такъ ярко пылавшимъ свѣточемъ, зашли въ непроходимое болото.

Этихъ новыхъ путей сталъ искать соціализмъ. Въ его теоріи есть очевидный, общеизвѣстный, всю ее подрывающій дефектъ: дѣленіе человѣчества на два класса, буржуазію и пролетаріатъ, когда классовъ очень много и ихъ взаимная борьба очень разнообразна, совсѣмъ не укладывается въ примитивную схему, въ которую ее заключаетъ соціализмъ. Но онъ правильно перенесъ вниманіе съ политическихъ на экономическіе вопросы. Объ экономическую зависимость разбиваются всѣ права человѣка и неимущимъ классамъ не помогаетъ ихъ многочисленность.

И вотъ, подъ вліяніемъ послѣдней войны, вдругъ получился сдвигъ. Картина міра измѣнилась въ нѣсколько лѣтъ — потому что измѣнилась психологія массъ. Изъ покорныхъ онѣ стали сознательными. Теперь немыслимъ солдатъ — орудіе королей, рабочій — орудіе фабрикантовъ, крестьянинъ — орудіе помѣщиковъ. Масса вся подняла головы, вся зашевелилась. Въ каждой головѣ есть своя мысль, въ каждомъ сердцѣ свое хотѣніе. Измѣненіе получилось такое-же сильное, какъ когда въ сказкѣ зашевелился рыба-китъ. Еще недавно онъ лежалъ неподвижно: „всѣ бока его изрыты, частоколы въ ребра вбиты", а теперь жившимъ на его спинѣ совсѣмъ не удается ему доказать, какъ неудобно его потрясеніе и какой онъ глупый, что шевелится, какъ покойно и хорошо для него было лежать смирно. Такъ отвергается народомъ съ ироніей вся пышная, либеральная идеологія правового государства, украшенная роскошною живописью лучшихъ интеллигентныхъ умовъ. Всѣ эти свободы хороши, но текли только по усамъ народа, не попадая въ ротъ.

Съ такою идеологіею пришла къ революціонному творчеству русская интеллигенція, — ей казалось, что принципы Радищева и декабристовъ не устарѣли за сто слишкомъ лѣтъ, являются палладіумомъ современной вѣры. Но вѣдь бороться противъ язвъ современнаго общественнаго строя идеологіей конца восемнадцатаго столѣтія все равно, что предлагать противъ нынѣшнихъ сверхъ-пушекъ и пулеметовъ мортиры и мушкеты того времени. Эти принципы могли быть стѣнобитными орудіями противъ монархическаго строя, но вспахивать революціонную ниву ими нельзя. Свою положительную творческую силу они давно утратили. Понятно, что русская интеллигенція сохраняла ихъ, пока въ Россіи сохранялся тотъ монархическій строй, для борьбы съ которымъ эта идеологія и была выработана въ XVIII столѣтіи. Но когда онъ рухнулъ, Россія сразу, въ нѣсколько мѣсяцевъ Временнаго Правительства, перелетѣла черезъ всѣ тѣ иллюзіи демократическаго строя, которыя Европа изживала болѣе ста лѣтъ. Россія оказалась настолько-же впереди западныхъ народовъ, насколько была сзади ихъ. Совѣтскій строй, внезапно возникшій на развалинахъ Россійской Имперіи, во всеоружіи какъ Паллада изъ головы Зевса, ошеломилъ, спуталъ всѣ теоріи, всю соціологію, весь интеллигентскій опытъ. Онъ просто оскорбилъ,

какъ наглый плебей, ворвавшійся въ кабинетъ, гдѣ велись такіе ученые разговоры, какъ дикій сонъ, бредъ, требующій права дѣйствительности. Кровь-бы простили, терроръ-бы простили и всякое насиліе, всѣ ошибки — не простили новизны. При революціи понятны рѣки крови и пара башмаковъ уже стоила двадцать пять тысячъ франковъ ассигнаціями — значитъ, это въ порядкѣ вещей и это-бы поняли. Но такой дерзкій, головоломный прыжокъ — куда-то вдаль. „Куда те дьяволъ мчитъ?“ вдругъ сорвалось у старика, „а тотъ летитъ и въ даль глядитъ, а даль-то даль какъ широка!“

III.

Еще изъ Майкова. Послѣ старика, растрясеннаго быстрымъ бѣгомъ тройки въ русскихъ поляхъ, вотъ старикъ, мудрый высшею мудростью — умѣніемъ, въ минуту смерти, отречься отъ всего, что всю жизнь считалъ истиной.

Быть можетъ, истина не съ нами.
Нашъ умъ ея уже нейметъ
И ослабѣвшими глазами
Глядитъ назадъ, а не впередъ.
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: спасенья нѣтъ
И, можетъ быть, иной пріидетъ
И скажетъ людямъ: Вотъ гдѣ свѣтъ!“

Такъ говоритъ, идя на смерть, Сенека своимъ ученикамъ. Прогрессъ немыслимъ безъ катаклизмовъ. Революція и эволюція смѣняютъ другъ друга, какъ солнце и луна. И ужъ извините — революція всегда нарушаетъ покой обывателя, всегда уничтожаетъ многія священныя для него цѣнности, вообще ломаетъ и разрушаетъ. Революція всегда разрушаетъ какую-нибудь форму рабства. Каждой формѣ рабства соотвѣтствуетъ своя форма культуры. Было простое, неприкрытое рабство — и была эллинская и римская культура. Когда оно пало, конечно стали немыслимы Периклъ, Фидій, Сенека.

По роковому, быть можетъ даже неизмѣнному для человѣчества закону, съ уничтоженіемъ одной формы рабства немедленно является другая форма. Уничтожилось простое

рабство — возникло рабство феодальное. И пышнымъ цвѣткомъ на этой, вновь удобренной людскою кровью и потомъ, почвѣ возникла блестящая средневѣковая культура съ итальянскимъ ренессансомъ. Освободила первая революція рабовъ отъ феодальнаго гнета — рухнула и основанная на немъ культура. Затѣмъ скороспѣлкою, на крохотный періодъ, лѣтъ въ полтораста, возникла культура, основанная на экономическомъ рабствѣ, благодаря стремительному прогрессу техническихъ наукъ. Теперь рушится экономическое рабство и, конечно, увлекаетъ за собою основанную на немъ культуру, какъ крушеніе фундамента увлекаетъ за собою зданіе. Если здѣсь нужно утѣшеніе, то оно въ томъ, что истинные плоды культуры сохраняются, переживая породившій ихъ строй: такъ сохранились „Иліада", пьесы Шекспира творенія XIX вѣка и, если неумолимое время со всѣми своими катаклизмами, разрушаетъ статуи, картины, библіотеки, то этиже катаклизмы и полезны для культуры: возникая изъ пепла, она молодѣетъ, какъ фениксъ и, если-бы не разрушалась, то и не молодѣла бы. Такъ закостенѣло-бы человѣчество, если-бы постоянно не умирало и не рождалось, смѣняясь всецѣло, но всегда живое. Что было-бы съ культурою, если-бы она не была разрушена послѣ любого своего періода — египетскаго, греческаго, средневѣковаго? Она закостенѣла-бы. Одна эволюція здѣсь-бы не помогла: люди доселѣ-бы ходили въ тогахъ и писали гекзаметры безъ ритмъ. Что-бы воскреснуть, культура должна умереть. Въ этомъ отвѣтъ на вопли, что соціальная революція разрушитъ культуру, что большевики разрушили ее въ Россіи. Не будемъ, чтобы не вызывать лишняго спора, говорить о томъ, что именно русская соціальная революція проявила изумительно бережное и трогательное отношеніе къ художественнымъ цѣнностямъ, но твердо, какъ основную базу спора выдвинемъ положеніе, что нельзя спора о культурѣ подмѣнять споромъ о комфортѣ.

Что на западѣ больше комфорта, спору нѣтъ, только этотъ комфортъ, какъ и вся западная культура, для немногихъ, число которыхъ съ дороговизною все больше съуживается, все больше выступаетъ это непріятное, безтактное противуположеніе богатыхъ и голодныхъ. Но культура (не комфортъ) запада все болѣе становится деревомъ, покрытымъ одними листьями, безъ плодовъ. Исторія имѣетъ свою логику: пока

культура высшихъ классовъ оправдываетъ ихъ гнетъ надъ низшими, исторія терпитъ этотъ гнетъ. Но, по неумолимымъ соціологическимъ законамъ, каждому крушенію рабства предшествуетъ упадокъ основанной на немъ культуры, какъ будто для того, что-бы не о чемъ было жалѣть, когда оно увлечетъ ее за собой въ своемъ паденіи. Таковъ упадокъ Римской имперіи и Греція, забывшая о своихъ государственныхъ мужахъ, поэтахъ и ваятеляхъ, превратившихся въ описаннаго Ювеналомъ грека. Таковъ закатъ Италіи и Испаніи. Таковъ „конецъ вѣка", какъ печально называли послѣднюю четверть XIX вѣка, когда всѣ были согласны, что культура, основанная на экономическомъ рабствѣ уже изжила себя, не даетъ плодовъ и похороннымъ звономъ надъ нею звучали „Вырожденіе" Макса Нордау и философія Толстого, проклявшаго ее именно за угнетеніе ею низшихъ классовъ, за эти спички, отравлявшія фосфоромъ женщинъ и дѣтей. Еще въ семидесятыхъ годахъ Мишле говорилъ объ этомъ очевидномъ тогда уже для всѣхъ упадкѣ. А съ тѣхъ поръ? Одна техника, одно торжество матеріи, на которое онъ именно и жаловался, но никакихъ достойныхъ человѣчества культурныхъ цѣнностей въ философіи, въ литературѣ, въ искусствѣ. О философіи вообще забыли и думать, а въ литературѣ кто пришелъ на смѣну Гете, Шиллеру, Гейне въ Германіи, В. Гюго во Франціи, Пушкину, Лермонтову, Достоевскому и всей свѣтлой плеядѣ русскихъ писателей? Если-бы было семь праведниковъ въ Содомѣ, были бы настоящіе, гордые, лучезарные таланты, у величайшаго изъ нихъ Толстого не поднялась-бы рука для проклятія. Даже dii minores какъ Золя, Додэ, Ренанъ, Флоберъ не замѣнены никѣмъ. Кого на западѣ можно съ трепетомъ ограждать отъ соціальной революціи такъ, какъ Архимедъ ограждалъ отъ варваровъ свои круги? Есть таланты второго сорта, но всѣмъ имъ давно нечего сказать. Впрочемъ, когда это было нужно правящимъ классамъ, то въ силу лозунга „все для войны", подъ снаряды было брошено все молодое и даже пожилое поколѣніе — погибали художники и писатели и всѣ, холодно прославляя ихъ геройскую смерть, смотрѣли на нее какъ на должное. Но если возможна такая жертва на алтарь отечества, отчего она невозможна на алтарь революціи? Значитъ не въ томъ дѣло, что жертвуется, а въ томъ для чего жертвуется. Льется кровь

на алтари нашихъ боговъ — мы умиляемся, на алтари враждебныхъ намъ боговъ — мы кричимъ о гибели культуры. Да развѣ только что, во время гражданской войны, не было готовности уничтожить хоть всѣ цѣнности Россіи, лишь-бы сбросить большевиковъ? Эта готтентотская мораль была въ вопросѣ о свободахъ — мы у власти, свободы подчиняются „государственной необходимости", мы въ оппозиціи — власть пренебрегаетъ свободами! Она и въ вопросѣ о культурѣ. Одинъ интеллигентный и умный офицеръ говорилъ, что все произошло оттого, что не догадались во время повѣсить Льва Толстого.

И такъ культура и на западѣ и въ Россіи перестала давать свои плоды уже съ „конца вѣка". Тогда-же, какъ и въ Римской имперіи, какъ и при Людовикѣ XV, достигли нестерпимой степени разложеніе нравовъ вверху и нужда внизу. Сейчасъ оба эти явленія еще прогрессируютъ. Русскій казнокрадъ или спекулянтъ передъ западнымъ высокопоставленнымъ — мальчишка и щенокъ и непередаваема нужда гибнущихъ среди западной „культуры"; сколько печатается мелкимъ шрифтомъ, какъ обычное явленіе, сообщеній о томъ, какъ родители отъ нужды убили дѣтей и себя.

За то, съ точки зрѣнія комфорта — „Попасть въ душистый, теплый европейскій театръ, увидѣть европейскія лица, услышать живую европейскую рѣчь — какое это блаженство, какая недосягаемая мечта для совѣтскаго человѣка." Здѣсь уже, конечно, спору нѣтъ: нельзя отвѣтить, что въ Россіи въ театрахъ идутъ классическія произведенія съ Южинымъ, Ермоловой, Станиславскимъ, Давыдовымъ, что въ любомъ маленькомъ городкѣ есть труппа въ сорокъ человѣкъ, оплачиваемая Совѣтской властью, когда прежде такая труппа въ столицѣ была роскошью, что заботливо хранятся всѣ сокровища Эрмитажа и Третьяковской галлереи — вѣдь это все не душистое, вѣдь говорятъ о томъ, что въ зрительномъ залѣ театра, а не о томъ, что дается на сценѣ, такъ какъ тогда нельзя было бы изъ всей новой драматической литературы театровъ Парижа, Берлина, Вѣны назвать хоть что-нибудь. Соціальный сдвигъ, война, вся трагедія, пережитая человѣчествомъ, никакъ не отозвались на литературномъ творчествѣ, не дали ни одного сколько-нибудь глубокаго произведенія. Этотъ сдвигъ заставляетъ произвести страшную пере-

оцѣнку цѣнностей: всѣхъ соціальныхъ отношеній, всего демократическаго, правового государства; заставляетъ многихъ людей произвести мучительную провѣрку своей совѣсти, всего, во что вѣрилъ, чѣмъ жилъ. Литераторы и драматурги объ этомъ не подозрѣваютъ: ничто не коснулось ихъ ослѣпшихъ глазъ. Война явилась для нихъ лишь эффектнымъ аксессуаромъ, или поводомъ для шовинистическихъ выкриковъ. Въ общемъ же они мирно сплетаютъ свои адюльтерныя и психологическія комбинаціи по давно избитымъ рецептамъ и наводнившій всѣ парижскія сцены мэтръ изъ мэтровъ Батайль приглашаетъ парижанъ умиляться надъ трагедіей Донъ Жуана, который въ молодости имѣлъ массу любовницъ, а подъ старость вынужденъ служанкѣ платить за любовь. Въ чемъ же культура?

Въ угодливости утонченнымъ вкусамъ тѣхъ, кто считаетъ себя солью земли? Но не перестала ли эта соль быть соленою и не близокъ ли моментъ, когда ее выбросятъ вонъ? Эта культура родилась въ 1789 г., состарилась къ концу XIX вѣка и убита на великой европейской войнѣ.

Понятно, что на почвѣ комфорта удобнѣе давать бой. Въ Россіи разруха, потому что тамъ соціальная революція уже была, въ Европѣ — накопленныя культурою XIX вѣка цѣнности, потому что тамъ соціальная революція еще въ будущемъ. Въ Россіи затхлый хлѣбъ и сельди, въ Европѣ — тюрбо. Очень характерно для опредѣленія почвы, на которую сводится споръ, напечатанное въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ письмо изъ Петрограда „журналиста демократа“.

„Соболя, брилліанты, жемчуга, обнаженныя плечи — да неужели же это еще существуетъ не въ мечтахъ, а въ дѣйствительности? И вы смѣете этимъ возмущаться? И вамъ не стыдно сюсюкать, что на одно манто могло бы прожить цѣлое бѣдное семейство? Большевики вы несчастные! Съ такого вотъ сюсюканья и расползлась по землѣ вся наша коммунистическая пошлятина. Развѣ вамъ еще не ясно, чортъ побери, что одни обнаженныя плечи прекрасной женщины представляютъ въ милліонъ разъ большую абсолютную цѣнность, чѣмъ всѣ бѣдныя и несчастныя семейства въ мірѣ.“

Конечно, такой демократъ на обозрѣніи въ Фоли-Бержеръ почувствовалъ бы себя въ раю „культуры“. Обнаженныя плечи стали вообще нѣкіимъ символомъ: публицисты,

клеймящіе голодъ и холодъ въ Россіи, все время возвращаются къ нимъ, видя въ нихъ неопровержимый доводъ — что, въ самомъ дѣлѣ, возразить противъ обнаженныхъ плечъ? А. Яблоновскій въ уже цитированномъ фельетонѣ заставляетъ стосковаться по нимъ даже композитора Глазунова, просившаго у Уэллльса нотной бумаги и заканчиваетъ свой фельетонъ поразительнымъ, классическимъ доводомъ, что на западѣ даже бѣдняки „могутъ любоваться витринами сказочныхъ магазиновъ.“ На этомъ споръ о культурѣ и комфортѣ въ самомъ дѣлѣ можно закончить. „Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши.“ Что можно написать лучше для апологіи культуры, какъ поставить нищаго, на холодной улицѣ, передъ витриной сказочнаго магазина?

На эти указанія: „Вашъ соціализмъ голодный!“ „Вашъ соціализмъ вшивый“, „Кому онъ такой нуженъ?“, коммунистическія газеты отвѣчаютъ „Дѣйствительно, кому нуженъ такой голодный и вшивый соціализмъ“ — и, виня во всемъ блокаду и гражданскую войну, сравниваютъ Россію съ чернымъ вспаханнымъ полемъ, которое покроется зелеными всходами. Послѣ долгой гражданской войны и не до того еще доходили культурныя государства: подъ конецъ тридцатилѣтней войны въ Германіи ѣли и человѣческое мясо. Нельзя отрицать и того, что когда гражданская война кончилась всего полгода тому назадъ и съ тѣхъ поръ русскіе заграничные патріоты усердно втыкаютъ палки въ колеса Россіи, то сдѣлать что-нибудь времени не было. Однако причины разрухи лежатъ глубже: здѣсь сказалась въ самой своей основѣ ошибочность соціализма — то, что онъ уничтожаетъ частную иниціативу.

Дѣлаетъ честь уму совѣтскихъ правителей, что они поспѣшно повернули назадъ. Такъ Петръ Великій былъ достаточно силенъ, чтобы по поводу своего указа о маіоратѣ обнародовать, что этотъ указъ „дуростью былъ учиненъ“.

Начало дѣятельности Ленина создало о немъ неправильное представленіе, какъ о фанатикѣ коммунизма. Теперь оно разсѣялось. Если революція неизбѣжно привела къ разрухѣ, къ эксцессамъ, то смѣняющая ее уже эволюція явится противоядіемъ. Вѣдь черезъ четыре года послѣ начала французской революціи былъ 1793-й годъ, апогей террора. Мы же уже подходимъ къ директоріи. Температура у больного

упала почти до нормальной, какъ онъ еще ни изнуренъ благополучно завершившимся кризисомъ. Врачи-отравители рѣшительно выставлены за дверь, какъ ни клянутся, что въ ихъ шприцахъ не ядъ, а лекарство. Теперь больному нуженъ покой и хорошее питаніе. Это, конечно, пока нелегко, но достижимо, если никто не ворвется и не помѣшаетъ. Главное — не надо больше кровопусканія.

О совѣтскомъ строѣ, существующемъ всего четыре года, нельзя пока судить, какъ и о первомъ безформенномъ пароходѣ, теперь преобразованномъ въ плавучіе дворцы. Парламентаризмъ былъ централизаціей. Все управлялось изъ столицы, туда собирались депутаты изъ провинцій ради фикціи, что они сохранятъ связь съ провинціями. Совѣтскій строй — децентрализація. Это прямая противоположность парламентаризму.

И если при парламентской централизаціи, проблемы о свободѣ разрѣшить не удалось, то, быть можетъ, при совѣтской децентрализаціи окажется свободнѣе народъ, въ любомъ городѣ, въ любой деревнѣ самъ опредѣляющій свой внутренній распорядокъ, такъ что въ каждой деревнѣ управляетъ свой комитетъ, въ каждомъ городѣ свои комиссаріаты юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія, — весь государственный аппаратъ въ миніатюрѣ. Что-бы ни говорилось про коммунистическую диктатуру, нельзя отрицать, что народныя массы такимъ строемъ мѣстной жизни привлечены къ власти и работаютъ въ этихъ комиссаріатахъ управляя Россіею такъ-же, какъ, по изреченію Николая I, ею управляли столоначальники, впрочемъ къ народнымъ массамъ не принадлежавшіе. Съ диктатурою, съ суровою централизаціей, безъ которой нельзя было-бы и держаться въ гражданской войнѣ, своеобразно сочетается очень большая самодѣятельность и автономія власти на мѣстахъ, вышедшей изъ народа, ибо нельзя-же думать, что коммунистовъ, „насильниковъ“, „ничтожной кучки“ хватитъ на всю Россію. Всюду свои законы, обычаи; Полтава, Екатеринославъ, Черниговъ состоятъ въ федеральной связи, въ каждомъ изъ нихъ правила и распорядокъ различнѣе, чѣмъ различныхъ Соединенныхъ Штатахъ. Все государство основано на федераціи, всѣ города — на автономіи. Курьезно, что крайніе правые русскіе бѣженцы въ Сербіи основали свой строй управленія по совѣтскому типу: въ каждомъ городѣ

свой бѣженскій совдепъ. Но опытъ совѣтскаго строя такъ еще въ зародышѣ, такъ нуждается въ усовершенствованіи, какъ дубъ Людовика IX сравнительно съ системою современной юстиціи. Пока можно сказать лишь одно, что форма оказалась жизненною, а оцѣнить это громадной важности историческое явленіе, совершенно новую форму правленія, еще болѣе чѣмъ преждевременно. Что такое для формы правленія четыре года? Но какъ жаль, что интеллигенція, не оцѣнивъ всего значенія совершающагося на ея родинѣ, уцѣпившись за отжившія демократическія формулы, забастовкою отказала въ своемъ сотрудничествѣ Россіи именно тогда, когда оно было наиболѣе цѣнно. Сколько эксцессовъ было-бы смягчено и устранено, сколько крови-бы не было пролито. Можетъ быть, человѣчество было-бы уже придвинуто къ разрѣшенію проблемы свободы, подлежащей рѣшенію вновь, послѣ того какъ исторія, справившись въ отдѣлѣ рѣшеній, нашла, что парламентаризмъ — отвѣтъ невѣрный. Пожалуй и не можетъ быть вѣрнаго отвѣта, не можетъ быть золотого вѣка, пока существуетъ человѣчество и проблема свободы — задача на безконечно великое число, къ которому можно только приблизиться, но не достичь его. Можно, однако, даже при все извратившей забастовкѣ интеллигенціи, съ увѣренностью сказать, что совѣтскій строй, сравнительно съ парламентаризмомъ, шагъ впередъ, ибо устраняетъ экономическое рабство. Теперь исканія для дальнѣйшаго рѣшенія задачи въ томъ, какъ немедленно, въ самомъ началѣ, устранить новыя, очень тяжелыя формы рабства, явившіяся въ Россіи на смѣну рабству экономическому, устранить тѣ дефекты, которыхъ, какъ въ первомъ пароходѣ, очень много въ совѣтскомъ строѣ. Здѣсь помогла-бы добросовѣстная критика, борьба противъ язвъ строя для того, чтобы помочь ему, а не борьба противъ самаго совѣтскаго строя до миѳическаго побѣднаго конца. Каковъ ни есть этотъ строй, онъ нравственно сильнѣе своихъ противниковъ. За нимъ будущее, а они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Совѣтскій строй сталъ озлобленъ, тяжелъ, часто несправедливъ, но вѣдь и было отчего, когда въ первые полгода, до всей эс'эровской азіатщины политическихъ убійствъ, до ряда убійствъ изъ за угла Володарскаго, графа Мирбаха, Урицкаго, до двухъ покушеній на Ленина, Совѣтская власть, какъ могла, шла навстрѣчу

интеллигенціи. Собранія присяжныхъ повѣренныхъ и разныхъ другихъ организацій были открыты до сентября 1918 года и занимались однимъ принятіемъ антибольшевистскихъ резолюцій. Почти до того-же времени существовали „буржуазныя“ газеты, неистово ругавшія большевиковъ. Вся доза свободы, которая была первоначально предоставлена интеллигенціи, все время была использована для того, что юридически называется стремленіемъ къ низверженію существующаго государственнаго строя. Какое правительство потерпѣло бы это? А Совѣтское терпѣло долго и, наконецъ, пришло къ заключенію, что примиреніе безнадежно, что ни на что другое, кромѣ борьбы съ совѣтскою властью, интеллигенція свободы не обратитъ. Тогда со свободою было покончено. Долго шло колебаніе между террористомъ и идилліей, такое характерное для революціи вообще. Непримиримость интеллигенціи и начавшаяся гражданская война, уничтожили совсѣмъ идиллію и совсѣмъ разнуздали терроръ.

Терроръ... Сердце замираетъ передъ трагизмомъ и страшною отвѣтственностью этой темы. Я зналъ, что къ ней подойду и подавленъ, когда къ ней пришелъ. Но попрежнему не будемъ жмуриться, какой-бы ужасъ ни глянулъ въ глаза. „Изслѣдуемъ“, какъ безстрастно говорилъ Сократъ, хоть можетъ-ли быть передъ этой липкою кровавою лужею, покрывшею Россію, какое-нибудь безстрастное изслѣдованіе?

IV.

Скажемъ сейчасъ-же самое важное: рѣчь идетъ не о красномъ террорѣ, а вообще о террорѣ русской гражданской войны — красномъ и бѣломъ, безразлично. Здѣсь-то непримѣнимѣе всего готтентотская мораль: „нашихъ убили — преступленіе. Ихнихъ убили — такъ имъ и надо, даже подвигъ“. Одна очень добрая и изящная дама говорила о впечатлѣніи, произведенномъ на нее вокзаломъ, полнымъ красноармейцевъ и рабочихъ: — „Если-бы я могла, я бы на всѣхъ ихъ вылила кислоты“. Тѣ, кто могъ, дѣлали еще чудовищно хуже. Итакъ, терроръ — не козырь для бѣлаго, или краснаго лагеря въ обвиненіяхъ противника. Здѣсь оба лагеря преступны, оба

обагрили руки въ братской крови — не бойцовъ, а беззащитныхъ, часто дѣтей и женщинъ. Пора кончить съ этою аберраціей, при которой, въ царскія времена, одна часть русскаго общества покупала на митингахъ карточки убійцъ, дѣлая святыхъ изъ „Маруси“ Спиридоновой, Гершуни, Деконскаго, Савинкова, а другая требовала „лѣса висѣлицъ“ и славословила карательныя экспедиціи. И теперь, при возмущеніи большевистскимъ террором, тѣми, кто увѣрялъ, что хочетъ Россію освободить отъ террора, въ одномъ Новороссійскѣ было разстрѣляно столько рабочихъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, что ихъ опутанные колючею проволокою трупы всплывали на самомъ взморьѣ, гдѣ „буржуазія“ купалась и возмущалась этимъ немало: „Что уничтожаютъ эту сволочь — прекрасно, но надо-же убирать какъ слѣдуетъ“. В. Л. Бурцевъ былъ въ Новороссійскѣ въ самый разгаръ бѣлаго террора — и не сказалъ ни слова: вѣдь онъ поддерживалъ Деникина. Первымъ моимъ впечатлѣніемъ, когда я перешелъ фронтъ, готозый молиться на добровольцевъ и ихъ трехцвѣтный флагъ, были разсказы офицеровъ, хвастявшихся пытками, которымъ они подвергали плѣнныхъ и количествомъ разстрѣлянныхъ, которое я тогда-же запомнилъ на всю жизнь: у Армавира одиннадцать тысячъ, у Бѣлой Глины — семь. Потомъ я узналъ, что эти цифры преувеличены, хоть были случаи разстрѣла въ данной мѣстности или деревнѣ, въ видѣ кары, всего мужского населенія, но какова-же психологія этихъ хвастявшихся, преувеличивавшихъ цифры? Я долженъ подчеркнуть, что терроръ, въ общемъ своемъ типѣ, какъ Новороссійскіе разстрѣлы, или экзекуціи провинившихся деревень, былъ не эксцессомъ отдѣльныхъ лицъ, а правительственнымъ актомъ. Но и тогда, когда хронически, мѣсяцъ за мѣсяцемъ имѣли мѣсто постоянные эксцессы, развѣ власть не виновна, по крайней мѣрѣ, въ попустительствѣ? Моя первоначальная вѣра въ эту власть, все написанное и сдѣланное мною на югѣ для помощи ей въ предѣлахъ моихъ слабыхъ силъ — останутся навсегда самымъ тяжелымъ моимъ воспоминаніемъ, самою печальною ошибкою моей жизни. Но кто могъ безошибочно разобраться въ этомъ хаосѣ?

Потомъ отъ всего, что пришлось увидѣть, сбылось то, что говорили солдаты: „Надо побыть у бѣлыхъ, что-бы стать краснымъ.“

Я бѣжалъ отъ красныхъ именно потрясенный террором — и наткнулся на терроръ. Возмущался отсутствіемъ свободъ — и увидѣлъ народъ въ такой кабалѣ, хотя-бы крестьянъ, преданныхъ помѣщикамъ на расправу, что передъ этимъ блѣднѣла коммунистическая диктатура: правда, отъ нея страдалъ мой классъ, а на югѣ — крестьяне и рабочіе. Словомъ, всѣ отрицательныя стороны совѣтскаго строя, на которыя такъ нападаютъ, я увидѣлъ и на югѣ, часто еще въ большей степени. Если понимать большевизмъ такъ, какъ его понимаютъ въ бѣлой печати, какъ выраженіе отрицательныхъ сторонъ великой русской революціи, какъ болѣзнь, заразу, то она охватила всю Россію: нѣтъ краснаго и бѣлаго большевизма; есть одинъ большевизмъ, если большевизмъ — произволъ, озвѣреніе, неуваженіе къ личности, алчность и кровь, кровь, кровь. Такъ слово „большевизмъ“ понимаютъ многіе. Сами совѣтскіе дѣятели не любятъ, чтобы ихъ называли большевиками — они коммунисты, совѣтскіе служащіе. Не о словахъ споръ. Если понимать слово „большевизмъ“ подобно эмигрантской печати, въ смыслѣ всей дурной стороны революціи, какъ чортъ былъ дурною и пошлою стороною Ивана Карамазова, то ужъ, конечно, терроръ тогда — большевизмъ, кто-бы ни пыталъ, ни издѣвался, ни грабилъ, офицеръ въ погонахъ, или предсѣдатель че-ка.

Здѣсь не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Терроръ позоренъ — постыденъ садизмъ его, невѣдомый не только якобинцамъ, но и инквизиторамъ. Съ этими утонченными, дьявольскими пытками можетъ сравниться лишь терроръ культурныхъ европейцевъ и американцевъ надъ „низшими расами“, черною, красною, желтою, когда, какъ описываетъ Мирбо, полдюжинѣ арабовъ обриваютъ головы и закапываютъ ихъ по шею въ песокъ пустыни подъ палящимъ солнцемъ, а затѣмъ еще поливаютъ эти кочаны, что-бы они не такъ скоро полопались. Русскій терроръ по своей садической изобрѣтательности сравнялся, пожалуй, даже съ главными мастерами этого дѣла, съ англичанами, съ ихъ Стэнли, съ ихъ забавами отъ сплина въ Индіи. Терроръ — главный, тяжкій грѣхъ Совѣтской власти. Она не можетъ оправдываться ссылкою на звѣрства добровольцевъ или англичанъ, — вѣдь они ей не указъ, они представители отживающаго міра, а ея миссія — новая культура, такъ ее-ли начинать съ такого ужаса?

Если оправдываться революціонною необходимостью, то „это больше чѣмъ преступленіе, это — ошибка". Терроръ сталъ самодовлѣющимъ, разнуздалъ низшіе, извращенные инстинкты. Харьковцы разсказывали, что малолѣтній сынъ извѣстнаго Саенко просилъ: „Папа, дай мнѣ пострѣлять буржуевъ", и отецъ давалъ винтовку любимому сыну. Не хочется вѣрить этому, но къ безотвѣтному небу вопіютъ безчисленные, страшные факты, уже несомнѣнные, доказанные кровавыми, снятыми съ женщинъ скальпами, трупами, найденными въ такомъ видѣ, что даже врачи не могли разобрать, что съ ними дѣлали — напр. были тѣла темнокоричневаго цвѣта. Терроръ — ошибка, потому что затруднилъ Совѣтской власти ея несомнѣнное право войти въ европейскую семью. Онъ отбросилъ Россію въ Азію. Онъ, вызывая ужасъ, не подавлялъ, а вызывалъ возстанія. Онъ далъ тѣнь оправданія бѣлому террору. Онъ далъ главный козырь въ руки близорукимъ проповѣдникамъ „борьбы съ большевиками до побѣднаго конца". Онъ длитъ доселѣ уже кончающееся русское междуусобіе, хотя, къ счастію, идетъ на убыль, пропорціонально укрѣпленію Совѣтской власти. Она укрѣпилась не благодаря террору, а несмотря на терроръ.

Не приходится-ли тогда отказаться отъ всякаго общенія съ запятнавшими себя такимъ преступленіемъ? Однако, есть-ли русская партія, или классъ, есть-ли часть русскаго народа не обагрившіе рукъ въ крови? Вѣдь ужъ тутъ трудно судить по степени: кто „вывелъ въ расходъ" десять тысячъ, кто сто тысячъ, кто былъ болѣе мягкимъ, кто болѣе жестокимъ палачемъ, кто убивалъ, кто подстрекалъ и радовался. Я говорю все время не объ убійствѣ врага въ бою, а о пыткахъ, казняхъ, убійствахъ беззащитныхъ. И какая партія теперь согласилась-бы, принимая власть, отмѣнить смертную казнь? Не кажется-ли убѣжденіе о необходимости именно теперь ея отмѣны, чтобы вывести человѣчество изъ кроваваго тупика, всякому отвѣтственному политическому дѣятелю наивной маниловщиной? А тогда ужъ все сводится къ заботамъ общества покровительства животнымъ передъ мясниками: „Убивайте, но не мучьте". Или если ужъ никакъ нельзя не мучить, то мучьте все-таки умѣреннѣе. Если беззащитнаго, не сопротивляющагося человѣка можно повести на бойню, если интеллигентскія утопіи все, что писали противъ смертной казни

лучшіе писатели, какъ Гюго, лучшіе юристы, какъ Таганцевъ, если огрубѣвшій послѣ войны вѣкъ стеръ точно губкою съ грифельной доски здѣсь, казалось, уже навсегда достигнутые завѣты, то ужъ, право, не такъ важна разница между пыткою интеллектуальною, какъ у семи осужденныхъ Андреева, или физическою пыткою. Это ужъ вопросъ, какъ понимать государственную необходимость — довольно-ли устрашить казнью на гильотинѣ или надо еще больше устрашить четвертованіемъ, „чтобъ другимъ неповадно было". Такъ война насъ стремительно отнесла къ юриспруденціи и психологіи среднихъ вѣковъ. А если такъ, то, извинившись за неумѣстную сентиментальность и возмущеніе казнями и пытками, позвольте доложить, что есть двѣ историческія манеры проливать кровь, есть двѣ манеры быть жестокимъ. Есть жестокость безсмысленная: таковы Неронъ, Геліогабалъ, Марія Тюдоръ, Бироиъ. Они ничего не строятъ, проливаютъ кровь потому, что это имъ такъ нравится. Есть жестокость Суллы, Марка Аврелія, несмотря на свою доброту безпощадно гнавшаго христіанъ, Іоанна Грознаго, Петра Великаго, Кромвеля, Людовика XI, Ришелье, Робеспьера. Каждый изъ нихъ строилъ разное, но зналъ, зачѣмъ проливаетъ кровь и, если то, что онъ строилъ, было умно и полезно, то исторія ему его кровавый грѣхъ отпускала, мало того признавала, что иначе-бы ничего и построить было нельзя. Вѣдь теорія народоправства опровергается еще и тѣмъ, что, если стоять на принципѣ большинства, то никогда не будетъ проведена ни одна рѣшительная реформа, потому что большинство всегда за старину и безъ ломки обывателю всегда кажется удобнѣе: ему нѣтъ нужды, что ради этого удобства отравляются, чахнутъ, голодаютъ другіе. Жизнь не ждетъ, когда онъ, наконецъ, увидитъ, что не можетъ справиться съ грудою накопляемыхъ его удобствомъ золъ, а до того кладетъ его подъ топоръ, если онъ ей противится.

Представьте себѣ, что современники Петровской реформы стали-бы судить о ней по неуклюжести бояръ въ новыхъ камзолахъ, по безобразному заполненію русскаго языка иноземными барбаризмами, по массовымъ казнямъ стрѣльцовъ и сторонниковъ Софьи, по возмущенію стоявшихъ за старую вѣру смѣлыхъ и честныхъ христіанъ, по неудачамъ русскихъ войскъ подъ Нарвой и въ турецкой кампаніи. Какой хаосъ!

Что сдѣлали со Святой Русью, „а вѣдь какая была держава!“ Какъ смѣнили „величавую одежду на другую по шутовскому образцу“, исказили русскій языкъ, какъ жестоко расправляются съ противниками, не считаясь съ тѣмъ, что на сторонѣ реформы ничтожное меньшинство! И если ея противники не бѣжали отъ нея въ Европу, то оттого, что изъ ненавистной имъ Европы и приходила страшная новизна, но они бѣжали въ скиты и лѣса, предавали себя самосожженію съ болѣе фанатической увѣренностью, что страдаютъ за вѣру, за Русь, чѣмъ офицеры бѣлыхъ армій, или интеллигенты, гибнущіе заграницей. Но постепенно все образовалось. Немного понадобилось времени, что-бы защитники старой допетровской Руси, за которую былъ раньше весь народъ, перевелись, сознали свою ошибку. Камзолы оказались удобнѣе охабней, русскій языкъ сталъ европейскимъ изъ азіатскаго — и Нарву смѣнила Полтава.

Начало всегда страшно, безформенно, полно преувеличеній. Совершенно то-же самое произошло съ французскою революціей, которой вся интеллигенція простила пролитую кровь и невѣроятный въ началѣ хаосъ за творческую идею.

Эту-то творческую идею отрицаютъ противники русской революціи, примѣняющіе къ ней мѣрку французской. Эмигрировавшая русская интеллигенція объединилась вокругъ идей, дорогихъ ей по воспоминаніямъ, по ея молодости, по прежнимъ боямъ — и не увидѣла во время, что эти дорогія ей истины стали ложью и тлѣномъ предъ быстро бѣгущею жизнью. Сохраняя эту разбитую жизнью часть выдвинутыхъ первою великою революціею идей, нельзя, конечно, усвоить идеи, выдвинутыя второю великою революціею. Вторыя, развивая первыя, часто отмѣняютъ ихъ. Суровый конвентъ, такъ стоявшій за народъ, однако издалъ декретъ, карающій смертной казнью всякаго члена самого-же законодательнаго собранія, который предложитъ законопроектъ, въ чемъ-либо посягающій на право собственности. Переоцѣнка „святого права собственности“ — главная творческая идея, главная заслуга великой русской революціи.

Отчего оно, единственное изъ правъ, называется святымъ правомъ собственности?

Отчего на всѣхъ съѣздахъ особенно настойчиво подчеркивалась необходимость возстановленія этой святыни?

Повидимому, такая терминологія не соотвѣтствуетъ даже христіанству — завѣтамъ нагорной проповѣди. И во всякомъ случаѣ другія свободы, казалось-бы, гораздо святѣе. Но есть такія мелочи, въ которыхъ обнаруживается все. Такъ какъ всѣ свободы, лицемѣрно проповѣдуемыя собственниками, лишь прикрываютъ это право, то, понятно святымъ является оно одно. Оно — господинъ. Остальныя — слуги. Оно — настоящее. Остальныя — ложь.

Разумѣется, не надо, возражая на пониманіе обновленнымъ русскимъ строемъ права собственности, уподобляться шурину Нехлюдова, думавшему, возражая ему, что соціалисты хотятъ раздѣлить все поровну, что это очень глупо и что онъ сейчасъ это опровергнетъ. Не надо уподобляться и матросу, который, спросивъ буржуя, чья на немъ шапка, убилъ его за отвѣтъ: „моя“ вмѣсто „шапка Россійской федеративной совѣтской республики“. Уже эрфуртская программа подчеркиваетъ, что вовсе не отрицаетъ собственности. Терминъ „собственность“ имѣется въ нѣкоторыхъ декретахъ совѣтской власти. Но собственность не неприкосновенна. Шапка моя, пока не понадобится Россійской федеративной совѣтской республикѣ.

Это не ново; наоборотъ, старо, какъ міръ. Всегда были принудительныя отчужденія, налоги, реквизиціи. Такъ что можетъ даже показаться, будто никакой тутъ реформы нѣтъ. Но что она есть — показываютъ результаты: анулированіе бумажныхъ цѣнностей, банковъ, отчужденіе земель и домовъ и вообще вопли всѣхъ, утратившихъ свою собственность. Посмотримъ-же, что дѣлается въ этомъ отношеніи на западѣ и у насъ, въ чемъ разница и въ чемъ сходство.

Сдвигъ сказался и на западѣ. По правильному, но оставленному втунѣ указанію члена Національнаго Съѣзда Николаева, собственность на западѣ изъ неограниченной монархини стала конституціонной. Очень характерна хотя-бы новая уголовная норма о спекуляціи. Эта норма прямо разбиваетъ неограниченность права собственности: ничѣмъ не нарушая какого-нибудь другого закона, купецъ не имѣетъ, однако, права наживать на свой капиталъ больше опредѣленнаго процента. Государство вмѣшивается въ его сдѣлку съ покупщикомъ, хотя-бы тотъ былъ готовъ заплатить, что угодно. Первая такая брешь въ Римскомъ принципѣ qui suo jure utitur nemini facit injuriam была пробита закономъ о ростовщичествѣ. Затѣмъ

государство нашло необходимымъ въ сдѣлкахъ о наемномъ рабочемъ трудѣ также защищать слабую сторону отъ сильной, противъ чего такъ ожесточенно спорятъ англійскіе, а за ними и пребывающіе въ Парижѣ русскіе промышленники. При сдвигѣ и праву собственности приходится осѣдать на общемъ соціальномъ оползнѣ.

Тѣмъ не менѣе оно на западѣ всесильно. Мы уже видѣли, какъ оно регулируетъ всѣ политическія права, лишая ихъ низшіе классы. По выраженію одной извѣстной писательницы въ письмѣ ко мнѣ, нынче въ политикѣ, подобно прежнему выраженію „ищите женщину", надо говорить „ищите банкира". Даже при борьбѣ Наполеона I и англичанъ не на жизнь, а на смерть, банкиры, какъ извѣстно, умудрялись привлекать къ своимъ предпріятіямъ и одновременно эксплоатировать и Францію, и Англію. Но тогда банки были въ зародышѣ. А теперь не будемъ ломиться въ открытыя двери, указывая на роль Штиннеса въ Германіи, или захватъ банкирами свободной третьей республики. Всякій знаетъ, что банки теперь — все. „Если жизнь не подешевѣетъ по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ", стонетъ одинъ авторъ письма въ редакціо „Le petit Niçois", я буду приведенъ къ печальной необходимости голосовать за коммунистовъ. Когда мнѣ терять нечего, я не могу чувствовать нѣжности къ ворамъ, которые, если придутъ большевики, могутъ нести свои банковые билеты куда имъ угодно!"

Когда ужъ французскій буржуа начинаетъ такъ непочтительно относиться къ банковымъ билетамъ, то чего мудренаго ждать отъ народа полнаго ихъ аннулированія? Усовершенствованный фокусъ, которымъ, для обогащенія немногихъ, народное достояніе превращается въ бумаги, вызываетъ все меньше почтенія. Онъ не такъ и старъ: ему всего около двухсотъ лѣтъ. Многіе яды бываютъ лекарствами, но ими можно и отравлять. Бумажныя цѣнности нынѣ обращены въ орудіе легальнаго грабежа. Народъ задыхается подъ грудою этихъ бумагъ. Конечно, величайшею дерзостью по адресу собственниковъ было повтореніе русской революціей словъ Луки: „Бумажки онѣ всѣ такія... всѣ никуда не годятся". Но какой другой способъ есть у Запада, что-бы сказать всѣмъ nouveaux riches, обогатившимся на счетъ разоренныхъ ими: „Игра давно ведется нечисто — отдайте обратно вашъ выигрышъ".

Вотъ общество, которое разрѣшаетъ всѣ созданныя имъ затрудненія самыми сильнодѣйствующими средствами: всемірною войною, убійствами, поджогами, какъ „защитники порядка“ въ Ирландіи и Италіи, оккупаціею цѣлыхъ провинцій, карательными экспедиціями, массовыми смертными казнями. Но когда революція касается его фетишей, разрубаетъ какой-нибудь завязанный имъ Гордіевъ узелъ, то оно кричитъ о варварствѣ всякаго рѣшительнаго способа борьбы. Когда надо посягнуть на собственность неимущихъ, оно вѣчно ссылается на государственную необходимость. Вся современная юриспруденція направлена на огражденіе собственности имущихъ классовъ, оставляя собственность остальныхъ неогражденною, воистину по слову Писанія: „Тому, у кого есть приложится еще, а отъ того, у кого нѣтъ, отнимется и то, что онъ имѣетъ“. Получается нѣкоторая легализированная игра — разрѣшенные и неразрѣшенные способы пріобрѣтенія чужой собственности. Бороться противъ этого усовершенствованнаго оружія: противъ биржи, съ ея международнымъ курсомъ, акціями и облигаціями, противъ спекуляціи, дороговизны, налоговъ, противъ палаты депутатовъ или рейхстага, мелкіе собственники, разумѣется, не могутъ и бываютъ ограблены по всѣмъ правиламъ искусства, на самомъ законномъ основаніи.

Какіе могутъ быть протесты противъ нарушенія права собственности Совѣтской властью, когда ни одинъ, хоть немного оцѣнивающій обстановку, политическій дѣятель не сомнѣвается въ необходимости оставить крестьянамъ захваченную ими землю, когда нѣтъ сомнѣнія, несмотря на всѣ резолюціи съѣздовъ, что никогда крестьяне за эту землю ничего не заплатятъ ни прямо, ни косвенно? Вѣдь это самое радикальное нарушеніе права собственности. Но оно принимается даже эмиграціей изъ политическихъ соображеній, такъ какъ классъ помѣщиковъ нынѣ ненуженъ никому и надо было быть Деникинымъ, чтобы предпочесть его крестьянамъ. Святое право собственности на самомъ дѣлѣ основано на всевозможныхъ насиліяхъ и обманахъ — въ Россіи между прочимъ значительно на крѣпостномъ правѣ. Могутъ быть двѣ точки зрѣнія: по одной помѣстья и богатства, пожалованныя Екатериною Потемкину, принадлежатъ Потемкину и его правопреемникамъ, по другой — крестьянамъ, кото-

рыхъ драли въ этихъ помѣстьяхъ. Спорить тутъ не о чемъ, потому что эти точки зрѣнія лежатъ на разныхъ плоскостяхъ: точки соприкосновенія между ними нѣтъ. Такъ, не уничтожая права собственности, русская революція, во первыхъ, устроила перераспредѣленіе богатствъ, бывшее необходимымъ при неправильномъ ихъ распредѣленіи, колоссальномъ накопленіи ихъ въ рукахъ аристократіи и плутократіи. Во вторыхъ, она стремится создать государственный контроль, чтобы ничего подобнаго больше не повторялось и собственность являлась дѣйствительно эквивалентомъ труда, какъ, въ угоду капиталистическому строю, вопреки очевидности учитъ нынѣ его служанка, политическая экономія. Мѣры, направленныя къ достиженію этой второй цѣли часто „дуростью учинены", и остаются непроведенными въ жизнь, какъ отмѣна наслѣдствъ, но, вѣдь, и задача очень трудная. На западѣ правящіе классы дѣлаютъ все, чтобы превратить въ чудовищную истину парадоксъ Прудона: „Собственность есть кража." Въ Россіи Совѣтская власть старается упорядочить, урегулировать „святое право собственности". Если не отнять у него этого прилагательнаго, то недолго выдержитъ и существительное: при закупоренномъ клапанѣ лопнетъ котелъ. Оттого сами капиталисты открываютъ клапанъ на западѣ, иногда очень широко, какъ Ллойдъ Джорджъ своимъ огромнымъ налогомъ на наслѣдства и допущеніемъ рабочихъ къ участію въ прибыляхъ. Одни наши русскіе эмигранты ничего понять не хотятъ и вопятъ на съѣздахъ: — „Караулъ! Ограбили! Святое право собственности!"

Или, дѣйствительно, можно тронъ разрушить, но не банки? Пишите противъ Бога — конечно, никакой революціи. Пишите противъ властей — оппозиція. Пишите противъ капитализма — опаснѣйшая революція, каждое слово наливается красной краской. Здѣсь нападаешь на сильныхъ. Политическая революція въ нихъ не попадаетъ. Разрушающая существующую собственность революція попадаетъ въ цѣль, одна является настоящею. И именно потому, что она по настоящему ранитъ, отъ нея кричатъ по настоящему. Но развѣ мѣткость — преступленіе? Если „на землѣ весь родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный", то для революціи сама собою напрашивается тактика ударить именно въ этотъ кумиръ и, съ побѣдною улыбкою, слушать растерянные вопли

и проклятія его огорченныхъ жрецовъ. Пусть они, мистически возводя очи къ небу, называютъ посягнувшихъ на такую святыню сынами дьявола, или сводятъ всю великую революцію къ украденнымъ серебрянымъ ложкамъ. Революціи имъ не опошлить — они расписываются лишь въ пошлости и узости своего кругозора. Не краденымъ пользуется русскій народъ, а взятымъ.

Взятымъ по праву — не по праву собственности, основанному на такихъ мутныхъ источникахъ, а по праву вѣковыхъ страданій, вѣкового рабства и труда. Или дѣлать революцію, или не дѣлать. Какъ можно было думать, что народныя массы возьмутъ власть въ свои руки, оставивъ дворцы, банки, общественныя помѣщенія, типографіи и всѣ накопленныя на народномъ потѣ богатства въ прежнихъ рукахъ? Черный передѣлъ былъ неизбѣженъ при захватѣ государственнаго аппарата. При ломкѣ всѣхъ соціальныхъ отношеній неизбѣжна была ломка всѣхъ прежнихъ правъ. Это не входило въ задачи революціи политической; мало того, если-бы дѣлавшіе ее правящіе классы сознали эту возможность, они бы очень предпочли царя. Но для соціальной, экономической революціи это было первою задачей.

Теперь понятно, отчего, вопреки утвержденіямъ эмигрировавшихъ публицистовъ, народъ, часто рѣзко критикуя Совѣтскую власть, проявляя свое недовольство ею, все же смотритъ на нее какъ на свою, родную и смелъ всѣхъ шедшихъ на нее походомъ — и отчего за всю исторію парламентовъ не было ни одного, за который народъ-бы заступился, кто бы ихъ ни разгонялъ: Наполеонъ I, Наполеонъ III, Николай II, матросъ Желѣзнякъ. Выбирали равнодушно и провожали равнодушно. Была безъ радостей любовь, разлука будетъ безъ печали. Совѣтская-же власть для народа — своя, понятная даже при ея ошибкахъ, эксцессахъ, произволѣ, притѣсненіяхъ. Пусть плохая, но своя. Народъ здѣсь отличаетъ самый институтъ Совѣтской власти отъ дурныхъ ея представителей. Съ нею есть у него общій языкъ, если хотите, товарищество. Его недовольство, мѣстныя возстанія, всѣ его свары съ Совѣтскою властью — семейное дѣло. Вѣдь, въ семьѣ подчасъ летятъ другъ другу въ голову ухваты и горшки. Но никого другого на смѣну Совѣтской власти, народъ въ Россію не пуститъ и тщетно мечтаютъ, внимая разсказамъ интеллигент-

ныхъ бѣженцевъ, парижскіе москвичи: „Насъ призовутъ.“ Тѣхъ уступокъ, что они дѣлаютъ теперь, когда это имъ ничего не стоитъ, было-бы довольно въ свое время, чтобы отсрочить революцію. Что-же они не дѣлали ихъ тогда, когда земли и фабрики имъ принадлежали — не перекрестились даже послѣ грома, грянувшаго въ 1905 г.? Какъ легкомысленно отнеслись русскіе правящіе классы къ данной исторіей двѣнадцатилѣтней передышкѣ. А теперь поздно — и народу въ высшей степени все равно, чѣмъ они его тамъ дарятъ въ Парижѣ. Онъ и не подозрѣваетъ объ этомъ, работая на своихъ фабрикахъ, на своей землѣ. И, право, способъ, которымъ онъ ихъ получилъ, не хуже другихъ историческихъ способовъ, которыми были составлены латифундіи и милліонныя состоянія.

Потерявъ свою собственность, потерпѣвшіе естественно находятъ, что въ Россіи отмѣнена всякая собственность. Не вдаваясь въ политическую экономію, въ которой революція сдѣлала такой-же переворотъ, какъ война въ географіи Европы, не вдаваясь въ споръ между соціалистами и ихъ противниками, опредѣлимъ кратко: до революціи право собственности было самодовлѣющимъ, было цѣлью; послѣ революціи оно стало средствомъ для государственнаго развитія. Теперь правительство съ любою собственностью можетъ сдѣлать то, что съ деревнею генералъ, ее сжигавшій по тѣмъ или инымъ государственнымъ соображеніямъ. При этомъ, въ государственныхъ и частныхъ правоотношеніяхъ карты перетасованы и сдаются вновь — игра ведется сначала.

Это совершенно не противорѣчитъ тому, что народъ является убѣжденнымъ собственникомъ. Вѣдь, изъ того, что Совѣты созданы соціалистами, не слѣдуетъ, чтобы они были неотдѣлимы отъ соціалистовъ. Между Совѣтскою властью, какъ правовымъ институтомъ, и соціализмомъ нѣтъ даже ничею общаго. Деревня уже регулировала теоретическія увлеченія соціалистической власти, и та, отклонясь отъ принятой ею марксистской линіи, пошла по равнодѣйствующей. Жизнь вливаетъ въ вино коммунизма все больше воды и оно теряетъ свою крѣпость. Это — тотъ второй день, который есть у всякой революціи. Доктринеры тогда доводятъ до термидора, но реальные политики не доставляютъ своимъ противникамъ такого утѣшенія и получается комическое зрѣлище: противники коммунизма проклинаютъ его вождей за отступ-

леніе отъ него, за недостаточную красноту. Понятно: этимъ разбиваются надежды на гибель коммунистовъ, на то, что они перекрутятъ винтъ. Когда, послѣ занятія ими значительной части Юга въ началѣ 1919 г., въ мѣстные комиссаріаты стали поступать дѣла о спорахъ относительно собственности на дома, на земли и о даже тогда уже отмѣненныхъ наслѣдствахъ, то всѣ эти дѣла рѣшались по старинѣ, не по декретамъ. Никакой комиссаръ не подумалъ-бы сказать владѣющей своимъ домикомъ въ городѣ бывшей мѣщанкѣ Степанидѣ Петровой или пришедшимъ дѣлиться наслѣдникамъ умершаго крестьянина Сидорова, что ихъ собственность имъ не принадлежитъ. Революція была направлена противъ опредѣленныхъ категорій собственниковъ, у которыхъ и нельзя было вырвать власти, не вырвавъ собственности. Но глубоко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности утвержденіе, что собственности въ Россіи не существуетъ. На собственности попрежнему зиждется весь народный укладъ, весь бытъ.

Все въ концѣ концовъ свелось къ дѣлежу пріобрѣтеннаго революціоннымъ путемъ, или какъ стонутъ потерпѣвшіе „награбленнаго", имущества. Этотъ дѣлежъ происходитъ вполнѣ на началахъ собственности. Le roi est mort, vive le roi! Такимъ образомъ все образуется — въ Россіи будетъ и собственность, и частная иниціатива, и торговля, и кооперація, не будетъ только выброшенныхъ заграницу прежнихъ собственниковъ. Они могутъ сколько угодно жаловаться на безнравственность такого съ ними обращенія. Съ точки зрѣнія выработанной ими-же морали они совершенно правы: собственность ближняго можно получить ловкою биржевою комбинаціей, но не революціоннымъ путемъ. Революція противъ ихъ собственности — нѣчто неслыханное по дерзости. Что дѣлать, она — фактъ. И Россія, обремененная стомилліарднымъ долгомъ союзникамъ, бывшая наканунѣ совершенно невѣроятныхъ комбинацій чужихъ и своихъ капиталистовъ, которые всѣ запустили-бы въ ея тѣло свои когти послѣ войны, послѣ ея-же побѣды, Россія, заведенная до октябрьской революціи въ безъисходный международный и внутренній тупикъ, отъ этой революціи только выиграла. Вѣдь, видятъ то, что есть — не видятъ того, чтобы было. Теперь-же тяжело, но выходъ есть — и Россія, о гибели которой кричатъ, уже стоитъ у завѣтныхъ достиженій своей исторической политики.

V.

Великій гуманистъ В. Гюго, распредѣлявшій въ 1870 г. поровну собранную имъ корпію между французскими и нѣмецкими ранеными солдатами, мечталъ о Соединенныхъ Штатахъ Европы и выражалъ увѣренность, что XX вѣкъ осуществитъ эту мечту.

Если патріотизмъ основывать на враждѣ къ другимъ государствамъ, на увѣренности, что наше государство, наша армія, нашъ народъ самые лучшіе и должны быть самыми сильными, всѣмъ предписывать свои законы, то такой патріотизмъ, разумѣется, эволюціонировать не можетъ, приводитъ къ „старому нѣмецкому богу“ Вильгельма. Это — то, что нынѣ называется имперіализмомъ. Но патріотизмъ можетъ быть основанъ на естественной, простой любви къ своей родинѣ безъ вражды и заносчивости, какъ существуетъ любовь къ своей семьѣ, вовсе чуждая вражды къ чужимъ семьямъ. Тогда окажется, что любовь къ родинѣ вовсе не противорѣчитъ любви къ угнетеннымъ классамъ всѣхъ странъ, призывамъ къ ихъ объединенію и, согрѣтые любовью, патріотизмъ и интернаціонализмъ могутъ даже быть пригнуты другъ къ другу, какъ два желѣзныхъ болта, твердыхъ въ холодномъ состояніи, повидимому безнадежно торчащихъ врозь, но мягкихъ, когда согрѣты въ пламени. Вѣрившій въ Соединеные Штаты Европы В. Гюго былъ пламеннымъ французскимъ патріотомъ. Въ его великой любви къ человѣчеству одно сливалось съ другимъ. Россія, изнуренная и голодная, теперь стоитъ въ сознаніи народныхъ массъ всего міра на небывалой высотѣ. Прежде страшилище для народовъ, оплотъ всѣхъ реакцій, международный жандармъ, она теперь ожидаемая всѣми народными массами освободительница. Это — фактъ несомнѣнный, котораго не можетъ отрицать ни одинъ добросовѣстный наблюдатель настроеній народныхъ массъ въ любой европейской странѣ. У всѣхъ то-же чувство: „Если въ Россіи такіе-же люди какъ мы, могли сбросить власть капитализма, то это можемъ и мы. Чѣмъ мы хуже? Говорятъ, тамъ надѣлали ошибокъ, преступленій, довели до разрухи. Немудрено: дѣло новое. Но на опытѣ другихъ надо учиться — ихъ ошибокъ можно и избѣжать“. Въ разслоеніи рабочихъ на принимающихъ или отвергающихъ московскую программу нѣтъ

нигдѣ группъ, признающихъ святыми устои стараго міра, все на чемъ онъ держится: о томъ, что эти устои слѣдуетъ разрушить, тамъ спору нѣтъ; споръ идетъ о томъ, насколько крѣпка несравнимая съ русскою западная буржуазія, какъ ее лучше взять: приступомъ или медленною осадою; споръ идетъ о силѣ, а не о правѣ. Въ правѣ своемъ опрокинуть давящій ихъ современный строй рабочіе совершенно не сомнѣваются. О рабочихъ я говорю, какъ о самомъ организованномъ классѣ, программа и тактика котораго выявляется ясно въ резолюціяхъ, въ рѣчахъ, но не менѣе важны другіе неорганизованные, проникающіе всю толщу соціальнаго строя, тѣ, о которыхъ, вопреки соціализму, не скажешь, пролетарій или буржуа, а только „живется людямъ плохо". Всѣ они доведены существующими несправедливостями до крайняго озлобленія. Такимъ образомъ, между находящимися вверху и внизу соціальнаго строя нынѣ глубокая, непримиримая програмная рознь, какъ между двумя лагерями готовыми къ бою и ужъ даже начавшими его пока отдѣльными стычками. То, чему въ одномъ молятся, ненавистно въ другомъ. Такъ и новая Россія однимъ дорога, другимъ ненавистна. Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ соціальной революціи Россія можетъ только выиграть, ибо тогда у власти всюду встанутъ симпатизирующіе ей элементы. Въ начатомъ ею народномъ движеніи Россія имѣетъ уже и легко можетъ сохранить руководящую роль.

Поставимъ-же точки надъ і. Неужели для Россіи, какъ государства, не явно выгодно всякое усиленіе Совѣтской власти, всякое признаніе ея представляющими враждебный ей строй правительствами, уже потому, что это усиленіе, это признаніе происходятъ всегда подъ давленіемъ симпатизирующихъ ей классовъ, знаменуютъ ихъ усиленіе, ихъ невольное признаніе правящими классами? Всемірная революція была бы самою выгодною для Россіи конъюнктурою, всемірная реакція — самою для нея тяжелою. Словомъ, ставка должна быть, въ интересахъ Россіи, сдѣлана какъ разъ обратно тому, на что ставитъ наша эмиграція. На красное, а не на черное. Но ея ставка была бы понятна, если бы она могла ожидать какого-нибудь выигрыша, если-бы тѣ правительства, передъ которыми она такъ унижается, давали кое-что и Россіи и ей. Но здѣсь уже не можетъ быть даже возвышающаго обмана. Низкія истины очевидны. Гдѣ вы, времена, когда атаманъ

Красновъ расклеивалъ по всему югу афиши, что наши доблестные союзники пришлютъ не позже весны армію и флотъ, что надо продержаться еще два, три мѣсяца? Уныло смотрѣли съ Новороссійскихъ заборовъ пожелтѣлые обрывки этихъ афишъ на стоявшихъ въ хвостѣ за визами бѣженцевъ. Обманули афиши — не состоялось представленіе. И теперь по какимъ только переднимъ Европы и Америки не клянчатъ „русскіе патріоты", продолжающіе безъ права говорить отъ имени Россіи, какимъ униженіямъ не подвергаютъ русское имя! Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ ничего унизительнѣе хотя-бы Женевскихъ хлопотъ, чтобы русскимъ бѣженцамъ дали въ Вольтеры какого-нибудь иноземнаго фельдфебеля: до такой просьбы о назначеніи начальства не доходила никогда ни одна эмиграція, а, вѣдь, сколькимъ бывало тяжело, напримѣръ полякамъ. Въ итогѣ недавно въ одной дружественной державѣ полицейскіе извинились передъ избитымъ туристомъ: избили потому, что думали, что русскій. Дальше идти некуда. Не помогаютъ напоминанія: „Вѣдь мы ваши, союзники, мы за васъ кровь проливали и мы скоро поправимся, такъ только небольшая заминка вышла, а тогда отблагодаримъ васъ, отдадимъ вамъ всѣ долги, концессіи". Никто и слушать не хочетъ, а если-бы и захотѣлъ, то не можетъ: сочувствіе народныхъ массъ Совѣтской Россіи всюду слишкомъ сильно и никому не охота посылать потомъ своихъ матросовъ на каторгу за Одесскій бунтъ, или возиться съ нежелающими грузить снаряды рабочими. Когда недавно Совѣтская власть хотѣла реализовать въ Германіи нѣкоторые сдѣланные Врангелемъ заказы, то нѣмецкіе рабочіе предупредили русскихъ делегатовъ: „Не берите. Мы знали, что это для Врангеля и приняли свои мѣры: все развалится черезъ недѣлю". Вотъ международная солидарность — здѣсь одинаковы англійскіе, французскіе, нѣмецкіе рабочіе, здѣсь одинаковы пріемлющіе и непріемлющіе Московскую диктатуру: всѣ готовы защитить, всѣ не выдадутъ. Такъ будемъ-же реальными политиками. Поймемъ, съ кѣмъ намъ попути, тѣмъ болѣе, что сами правительства во всѣхъ странахъ все болѣе вмѣщаютъ въ себя соціалистическіе элементы и къ Совѣтской власти, какъ къ реальной величинѣ, относятся гораздо лучше, чѣмъ къ эмиграціи, вынужденной по адресу всѣхъ націй поочередно грозиться: — „Россія не проститъ!"

Горькій опытъ показалъ, такимъ образомъ, до чего доводитъ такая политика. Развѣ не она помогла англичанамъ все вывезти изъ Россіи отъ Архангельска до Туркестана, всюду, гдѣ они „помогали“ бѣлой арміи? Черчилль въ одной изъ своихъ рѣчей указалъ, что Англія поставляетъ Добровольческой арміи за полную стоимость такое военное снаряженіе, которое въ другія руки продается всего за три процента — девяносто семь процентовъ переплачивали! Уплата производилась вывозомъ всего рѣшительно: пшеницы, ржи, лѣса съ сѣвера, хлопка изъ Туркестана, нефти изъ Баку, стоившей въ Лондонѣ тогда дешевле, чѣмъ въ довоенное время! Все вывозили, все брали.

Тутъ не поможешь злобою противъ нихъ, воплями: „Англія нашъ врагъ.“ Если-бы англійскій министръ защищалъ интересы не Англіи, а Россіи, онъ заслуживалъ-бы сверженія. Историческая тактика „коварнаго Альбіона“ извѣстна. Она доставила ему могущество и онъ отъ нея не отступитъ. Его надо брать такимъ, каковъ онъ есть. Такимъ образомъ, дѣло здѣсь не въ англійскихъ, а въ русскихъ вождяхъ. Неумѣніе всѣхъ бѣлыхъ вождей, по всей занятой ими громадной территоріи, оградить русское достояніе и, болѣе того, русское достоинство, даетъ и на будущее, которое бы ожидало Россію въ случаѣ ихъ власти, самый мрачный прогнозъ. Вѣдь тогда Россія стала-бы еще болѣе слабой, еще болѣе нуждалась-бы въ иноземной „помощи“.

Сопоставьте съ этимъ отношеніе къ Англіи Совѣтской власти, какъ она ограждала честь и достоинство Россіи, какъ привела Англію къ достойному Россіи тону. Она тоже заключила съ Англіей договоръ, но какъ равная съ равною. Такіе-же договоры заключены почти со всѣми европейскими большими державами за исключеніемъ Франціи, но въ Черное море одними изъ первыхъ прибыли съ товарами именно французскіе пароходы. Такимъ образомъ, именно Совѣтская власть, какъ ни мѣшали ей, достигла для Россіи реальныхъ выгодъ и упрочила ея международное положеніе.

„Россія отсутствуетъ“ — вотъ та, совершенно несоотвѣтствующая дѣйствительности формула, которая составляетъ предметъ стоновъ и жалобъ признающихъ лишь какую-то будто-бы будущую, миѳическую Россію и отвергающихъ, какъ пустое мѣсто, настоящую Россію, потому что она имъ не нра-

вится. Россія и не думаетъ отсутствовать — она давитъ всею своею мощью даже тамъ, гдѣ повидимому отсутствуетъ, напримѣръ на Силезскій вопросъ. Когда намъ скажутъ то, чего мы не хотимъ, куда какъ вѣрится неохотно. Этимъ только объясняется величественная, но не выстоявшая долго тактика незамѣчанія Россіи западными державами. Было установлено, какъ признакъ хорошаго тона, считать, что Россія съ начала Совѣтской власти провалилась и на ея мѣстѣ одна дыра осталась. Клемансо заявилъ, что рѣшеніе русскаго вопроса имѣетъ второстепенное значеніе. И всѣ вопросы рѣшались безъ участія Россіи. Тщетно Кашенъ въ палатѣ депутатовъ предупреждалъ: „Можете-ли вы претендовать на установленіе статута международнаго мира, не посовѣтовавшись съ Россіей? Можете-ли вы претендовать на установленіе европейскаго мира, оставляя внѣ его народъ въ полтораста милліоновъ? Можете-ли вы претендовать на урегулированіе вопросовъ о проливахъ и о ближней Азіи безъ мнѣнія Россіи?“ Казалось-бы, неотразимыя истины, даже азбучныя по своей простотѣ, но на нихъ просто не обратили вниманія только оттого, что такъ принято, когда говоритъ коммунистъ. Отъ этого, разумѣется, пострадали сами, какъ человѣкъ, не желающій считаться съ какимъ-нибудь твердымъ тѣломъ на своемъ пути. Напримѣръ, собрали Лондонскую конференцію, гдѣ Франція честь честью заключила договоръ съ Ангорскимъ правительствомъ. И вдругъ, оказывается, оно не ратифицируетъ этого договора, предпочитая Франціи союзъ съ Россіей. Съ другой стороны, Англія поддерживаетъ Грецію, разсчитывая, какъ на противника, лишь на Турцію и совершенно не считаясь съ тѣмъ, что Россія можетъ оказать Турціи весьма существенную помощь. Въ результатѣ биты обѣ противуположныхъ ставки — и на Турцію, и на Грецію. Къ царьградскимъ вратамъ можно придти мирно, или съ боемъ. Въ началѣ 1920 года вся печать Антанты третировала Кемаль-Пашу просто какъ разбойника, и Греціи, какъ честь и удовольствіе, былъ данъ мандатъ легко покончить съ этимъ разбойникомъ простою карательною экспедиціей. Россія появилась рядомъ съ нимъ. Въ результатѣ въ январѣ 1921 г. министры гордой Антанты уже засѣдаютъ съ „разбойникомъ“ за зеленымъ столомъ и дѣлаютъ ему важныя уступки. А еще черезъ два мѣсяца, благодаря все усиливающейся помощи Россіи, бывшій разбойникъ уже ставитъ

имъ „чрезмѣрныя условія“, и отвергаетъ протянутую ему руку. Россія безъ всякаго имперіализма *мирно осуществляетъ вѣковыя задачи своей политики.* Турція изъ вѣкового врага превращена ею въ друга и какого горячаго, какого вѣрнаго друга. Смотря на Антанту, какъ на свою поработительницу, турки видятъ въ Россіи свою освободительницу. Такъ наканунѣ разрѣшенія теперь для Россіи неразрѣшимый вопросъ о Константинополѣ и проливахъ, такъ сами готовы распахнуться передъ нею Царьградскія врата. Но ихъ, какъ всегда, ревниво сторожитъ Англія. Здѣсь весь ея несокрушимый мощный флотъ, всѣ ея страшныя силы. Россія разорвала съ губительною политикою, въ которую вовлекли ее невольныя русскія маріонетки въ рукахъ умнаго Бьюкенена. Россія твердо знаетъ теперь, гдѣ ей съ Англіей по пути и гдѣ нѣтъ и, въ то время, какъ Англія ведетъ англійскую политику, Россія ведетъ теперь русскую, вліяетъ на Англію вполнѣ реальными возможностями. Въ международной политикѣ считаются лишь съ тѣмъ, кто можетъ надѣлать непріятностей, или, еще лучше, катастрофу. Одною изъ лучшихъ шахматныхъ комбинацій Ленина было опереться на Азію. Осуществлено единеніе съ Бухарою, съ Афганистаномъ. Попутно ведется и ожесточенная, склоняющаяся въ пользу Россіи борьба за вліяніе въ Персіи. Лордъ Керзонъ въ своей рѣчи съ огорченіемъ призналъ, что вѣковая политика Англіи въ Персіи рухнула, что Персія въ рукахъ большевиковъ. Она предпочла соглашеніе съ Россіею соглашенію съ Англіей. Турція, Персія, Бухара, Афганистанъ — это путь въ Индію. Опять не имперіалистическое, мирное завоеваніе. Пусть англійскій флотъ сторожитъ проливы — дипломатическою, безкровною побѣдою Россія зашла ему въ глубокій тылъ, осуществляетъ и здѣсь вѣками неосуществимое заданіе, о которомъ мечтали Потемкинъ и, въ союзѣ съ Александромъ I, Наполеонъ. Уже Магометъ-Али, индусскій вождь, обѣщаетъ: „Мы устроимъ революцію, какой міръ не видалъ“ и его, по азіатски неторопливые, многомилліонные сторонники готовятъ ее, не растрачивая силъ. Но тамъ и тутъ подпочвенный огонь все-же уже прорывается въ отдѣльныхъ вспышкахъ. Уже Индія, раба Англіи, парій, говоритъ своей метрополіи: „Мы требуемъ!“ и та слушаетъ, вмѣсто прежнихъ ударовъ бича. Еще ярче прорывается пламя въ Египтѣ. Конгрессъ представителей цвѣт-

ныхъ расъ, собравшійся въ Америкѣ, принимаетъ резолюцію, отвергающую право бѣлой расы руководить ими, клеймящую варварскіе способы этого руководства. Шевелится Китай. Одна Японія, союзница Англіи, изъ всей Азіи идетъ противъ Россіи и русскіе патріоты въ Парижѣ радуются захвату ею Владивостока. Этотъ своеобразный патріотизмъ вводитъ насъ въ самый центръ спора. По какому парадоксу исторіи, въ самомъ дѣлѣ, интернаціоналисты дѣлаютъ дѣло патріотовъ, защищаютъ Россію, а патріоты дѣлаютъ дѣло интернаціоналистовъ, желаютъ, что-бы пришли англичане, поляки, японцы, какъ выражаются въ современномъ культурномъ стилѣ „чортъ, дьяволъ", лишь-бы свергнуть ненавистныхъ большевиковъ? Такъ Пасманикъ заявилъ, что для борьбы противъ большевиковъ готовъ продать душу чорту. Этого чорта, къ великому счастью Россіи, не удается вызвать, но вызвавъ, нельзя было-бы уже заклясть, какъ гетевскому ученику колдуна. Интервенція дала уже, какъ мы видѣли, страшные плоды. Потомъ они были-бы неисчислимо страшнѣе. Россія превратилась бы въ колонію, въ свалку плохо лежащихъ богатствъ, которыхъ не въ силахъ были-бы защитить вернувшіеся чудомъ изъ-заграницы въ Россію къ власти обанкротившіеся правители. Но это не грозный даже сонъ. Россія жива.

Здѣсь центръ спора, здѣсь тотъ „домикъ паромщика", изъ за котораго мѣсяцами ожесточенно бились великія арміи. Это — позиція проф. Устрялова. Это — призывъ Брусилова къ русскимъ офицерамъ. Это — русскіе настоящіе патріоты, честности и испытанной любви къ Россіи которыхъ не могутъ отрицать и противники, это они, число которыхъ все возрастаетъ, мнѣніе которыхъ все болѣе проникаетъ въ массу, говорятъ: „Пусть у власти интернаціоналисты, но они-же явно творятъ національное дѣло!"

Поляки въ 1920 г. захватили Кіевъ. Это не было актомъ борьбы съ большевиками, какъ они потомъ, когда имъ пришлось плохо, пытались увѣрить. Если-бы они хотѣли бороться съ большевиками, они-бы поддержали наступленіе Деникина, а не начали бы своего наступленія, сознательно допустивъ гибель Добровольческой арміи. Не борьбою съ большевиками былъ лозунгъ о границахъ 1772 г. Не борьбою съ большевиками было руссофобство Пилсудскаго, всѣхъ польскихъ чиновниковъ, всей польской печати; въ Польшѣ

былъ противъ русскихъ взятъ такой-же тонъ, какой берется при началѣ всякой войны противъ врага. Бредовскіе офицеры и солдаты были заключены въ концентраціонный лагерь, несмотря на ихъ предложеніе бороться противъ большевиковъ. Русскіе по всей Польшѣ изгонялись, подвергались самому унизительному обращенію. Фактами этого рода переполнена печать того времени. Въ оффиціальныхъ рѣчахъ, во всей польской печати говорилось, что въ интересахъ Польши необходимо ослабить и расчленить Россію, для чего былъ созданъ и союзъ съ Петлюрой о выдѣленіи Украины — въ тѣхъ границахъ, какія пожелаетъ оставить ей Польша. Что война была противъ Россіи, не противъ большевиковъ, было ясно изъ этихъ открыто провозглашенныхъ ея цѣлей — не на Москву и Петроградъ собирались идти поляки, не свергать Совѣтскую власть, а захватить часть русской территоріи. Какъ извѣстно, этотъ захватъ и былъ выполненъ Рижскимъ миромъ, съ оставленіемъ Совѣтской власти въ полнѣйшемъ покоѣ. Такъ Россія была поставлена лицомъ къ лицу съ Польшею, ненавидящею ее понятною ненавистью за вѣковое рабство, воскресшею со всею прежнею своей политикою использованія русской смуты, съ завоевательными стремленіями Стефана Баторія. Польша не измѣнилась — встала изъ гроба съ прежнимъ своимъ характеромъ, только еще озлобленная за пережитыя страданія и ея вождемъ, ея кумиромъ былъ поставленъ тотъ, кто собиралъ польскіе легіоны, бившіеся противъ Россіи въ нѣмецкихъ рядахъ, кто наиболѣе ненавидѣлъ Россію.

Тогда раздался патріотическій призывъ Брусилова: „Защищайте Россію!“ И тогда-же Врангель ударилъ въ тылъ защищавшей русскую землю Красной арміи!

Не теперь только, не послѣ событій, не послѣ Немезиды, выбросившей сдѣлавшихъ это изъ Крыма въ Галлиполійскій тартаръ, я говорю объ этой тяжелой ошибкѣ. Въ Іюлѣ 1920 г. на, состоявшемъ почти всецѣло изъ генераловъ и сановниковъ, съѣздѣ бѣженскихъ представителей въ Бѣлградѣ, я одинъ отказался присоединиться къ предложенію г. Палеолога послать генералу Врангелю привѣтственную телеграмму и, затѣмъ, въ возникшемъ по этому поводу съ г. Палеологомъ объясненіи говорилъ ему, что Врангель совершаетъ величайшую историческую ошибку, что единственной его патріотической позиціей было бы заявить, что передъ внѣшнимъ врагомъ пре-

кращаются внутреннія междоусобія, передъ внѣшнею войною — война гражданская. Если Врангель не могъ привести свою армію на призывъ Брусилова, создавъ святой и великій „русскій праздникъ“ (выраженіе проф. Устрялова) примиренія, то долженъ былъ по крайней мѣрѣ заявить, что ни одинъ выстрѣлъ изъ Крыма не потревожитъ красную армію, пока она не справится съ напавшимъ на Россію врагомъ. Этою благородною позиціею генералъ Врангель далъ-бы безсмертный примѣръ патріотизма, на который ссылались-бы въ будущихъ поколѣніяхъ при такъ часто возникающемъ конфликтѣ внутренней политической розни съ общею защитою отечества. И сколько крови-бы не было безполезно пролито! Какъ умирилась-бы излишняя вражда, какъ всѣ-бы почувствовали, что они все-таки русскіе люди, братья, несмотря на всю междуусобицу! Но, конечно, сдѣлавъ это, бывшіе правящіе классы Россіи именно доказали-бы, что достойны ею править, что имъ мѣсто въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, что они способны отрѣшиться отъ своихъ интересовъ. Такого чуда произойти не могло: эти интересы задавили Врангеля, какъ его предшественниковъ. Моя бесѣда съ г. Палеологомъ закончилась его отвѣтомъ на предупрежденія о неминуемой катастрофѣ: „Знаете, если-бы всѣ думали, какъ вы, то осталось-бы броситься внизъ головою въ Дунай.“

И вотъ всѣ кинулись въ Польшу, какъ въ землю обѣтованную. Врангель послалъ туда своихъ эмиссаровъ, ничего не добившихся. Нельзя даже упрекать поляковъ, что они его предали своимъ миромъ — вѣдь они ему не обѣщали ничего, отъ него сторонились, какъ отъ Деникина. Вольно-же было ему все-таки лить на ихъ мельницу не воду — русскую кровь. Затѣмъ потянулись караваны паломниковъ: Бурцевъ, Родичевъ, Философовъ, Мережковскій, Гиппіусъ, Савинковъ — всѣхъ и не счесть. Пилсудскій былъ объявленъ избранникомъ Бога, въ его чертахъ усмотрѣно нѣчто мистическое. Но счастье улыбнулось русскому оружію. Поляки откатились до стѣнъ Варшавы. Какъ быстро были убраны тогда всѣ имперіалистическіе лозунги! Не отзвучало еще эхо правительственныхъ рѣчей, не порвались газеты съ недавними статьями, Польша башмаковъ еще не износила, въ которыхъ вошла въ Кіевъ, какъ стала клясться, что она совсѣмъ не противъ Россіи — только противъ большевиковъ, что она

— барьеръ всему міру отъ большевистской опасности и поэтому умоляетъ весь міръ о помощи. И Родичевъ со слезою подтверждалъ: — „Видите! Видите! Они сами говорятъ, что они не противъ Россіи, только противъ большевиковъ.“ Ну, конечно, какъ-же не вѣрить, разъ сами говорятъ. Всѣ перья эмигрировавшихъ журналистовъ были направлены на эту перекраску, на представленіе общественному мнѣнію всего міра русско-польскаго конфликта въ самомъ выгодномъ для Польши и невыгодномъ для Россіи свѣтѣ, хоть Россія была совершенно права, не позволила себѣ относительно Польши ни одного агрессивнаго шага. Бурцевъ воззвалъ: „Спасите Польшу!“ И Польшѣ помогли. Одни рабочіе старались, какъ всегда, помочь Россіи въ Тулонѣ и Данцигѣ, но что могли они одни? Соединенными усиліями Врангелевской арміи и русскихъ публицистовъ удалось добиться хорошихъ результатовъ: не только была спасена Варшава, но Польшѣ еще удалось захватить Рижскимъ миромъ кусокъ русской территоріи.

Тогда дружнымъ хоромъ тѣ-же публицисты набросились на большевиковъ: какъ они смѣли заключить такой невыгодный для Россіи миръ? Вотъ ужъ подлинно съ больной головы да на здоровую — собственное тяжкое преступленіе передъ родиною переброшено въ противный лагерь, какъ мячикъ! Кто-же виноватъ въ захватѣ врагомъ русской земли: тѣ-ли, кто помогалъ ему въ Варшавѣ, или тѣ, кто осаждалъ Варшаву, кто кровью своею полилъ русскую землю и этимъ отстоялъ значительную ея часть — не будь совѣтской обороны, вѣдь поляки остались-бы въ Кіевѣ, а самостійная Украина была-бы отдана Петлюрѣ. Къ чести всего русскаго офицерства я долженъ сказать, что кампанія публицистовъ не удалась. Ужъ на что крайняя правая часть его сосредоточилась въ Сербіи, на что тамъ высоко стоялъ авторитетъ Врангеля, но когда къ Варшавѣ стали подступать русскія войска, то среди этого офицерства, среди рядовой бѣженской массы, далекой отъ съѣздовъ и политики, можно было видѣть, какъ любовь къ родинѣ беретъ верхъ надъ ненавистью къ большевикамъ, какъ бьются русскія сердца отъ сознанія: — „Это онъ! Это все тотъ-же русскій солдатъ! Онъ опять побѣждаетъ!“ День взятія Варшавы былъ-бы для большинства русскихъ днемъ торжества — просто, безъ разсужденій, потому что русскіе одержали бле-

стящую побѣду. Но Врангель и Бурцевъ сдѣлали свое дѣло — и вновь исчезло проглянувшее солнце въ на мигъ начавшемъ разсѣиваться кровавомъ туманѣ русской вражды.

Нечего повторять давно указанные факты возсоединенія Совѣтскою властью отторгнутыхъ частей Россіи, начиная съ Украины и кончая Грузіей. Въ Кремлѣ всякій интернаціоналистъ станетъ государственникомъ: нельзя, управляя страною, не охранять ее.

Для этой охраны создана трехмилліонная армія. Я глубоко благодаренъ военнымъ спеціалистамъ „Общаго Дѣла", которые своими содержательными статьями помогли мнѣ разобраться въ положеніи Россіи, блестяще доказали, какъ безразсудно былобы свергнуть власть, съумѣвшую такъ поставить военное дѣло, создать такую дисциплину, привлечь столько прежнихъ спеціалистовъ. Бѣлыя арміи,куда охотно шли офицеры и не шли крестьяне, гдѣ всегда, несмотря на кровавыя мобилизаціи, было слишкомъ мало солдатъ, показываютъ, что будущее правительство было-бы не въ состояніи справиться съ этою задачею. Большевики довершили разложеніе царской арміи, расклеванной до пріѣзда Ленина и Троцкаго новымъ „демократическимъ" двуглавымъ орломъ — Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Но большевики съумѣли и возсоздать армію. Сверженіе ихъ, разумѣется, связано съ ея разрушеніемъ, но надежда на ея возсозданіе крайне сомнительна. Что-же, производить надъ Россіею второй опытъ разрушенія ея арміи? Но милыя заграничнымъ патріотамъ сосѣдки Россіи, Японія и Польша ждать конца опыта не станутъ и захватятъ не только Кіевъ и Владивостокъ. Да вообще, всѣ возьмутъ, что смогутъ. Россія, какъ всякое государство, опирается на свою армію и даже временно безъ нея остаться не можетъ. Нечего смотрѣть назадъ, на отношеніе большевиковъ къ прежней арміи, впередъ надо смотрѣть. А то красные разложили армію, потому что она была бѣлая, а теперь бѣлые разложатъ ее, потому что она красная. А что станется тѣмъ временемъ съ Россіею?

По статьямъ бѣлыхъ спеціалистовъ, красная армія далеко не плоха. Она доказала это многими упорными кампаніями и боями, напримѣръ въ ледяной водѣ у взятаго въ три дня неприступнаго Перекопа. Каковы-бы ни были ошибки ея противниковъ, облегчившія ей ея побѣды, тѣмъ не менѣе, если-

бы она не была боеспособна, съ нею легко-бы справились: Деникинъ былъ-бы въ Москвѣ и Пилсудскій въ Кіевѣ. Недооцѣнивать красную армію уже нельзя. И кичливыя увѣренія, что довольно одной регулярной дивизіи, чтобы гнать ее, той-же пробы, какъ увѣренія о скоромъ паденіи Совѣтской власти. Но если армія плоха, надо помогать сдѣлать ее лучше: вотъ и все. Здѣсь, какъ всюду, нужна работа интеллигенціи и именно потому, что въ военной сферѣ такая работа была, и получились, во всякомъ случаѣ, блестящіе результаты. Судьи поголовно ушли изъ суда и судъ, дѣйствительно, очень плохъ. Офицеры-же работали надъ возстановленіемъ арміи, и оно удалось. Если-бы интеллигенція работала съ Совѣтскою властью въ другихъ сферахъ, были-бы такіе-же результаты — и, главное, давно не было-бы террора, да и никогда онъ не принялъ-бы такихъ ужасныхъ формъ безъ гражданской войны. Россія страдаетъ отъ междуусобій съ удѣльно-вѣчевого періода. Во всякомъ случаѣ даже непримиримые сторонники „войны до побѣднаго конца“ должны-же согласиться, что есть операціи, оправдываемыя лишь успѣхомъ. Когда взрывали поѣздные составы, мосты черезъ рѣки, разрушали цѣлые русскіе города русскими руками, а иностранными торпедами русскій флотъ, жгли хлѣбные запасы, топили несчастныхъ кавалерійскихъ лошадей въ Новороссійской бухтѣ, по всей Россіи прошли огнемъ и мечемъ, положили гораздо больше народу, чѣмъ всякій терроръ, то это можно было разумно дѣлать, лишь зная, что цѣль будетъ достигнута. Если побѣдителей не судятъ, то побѣжденныхъ судятъ очень сурово. По ходячему въ народѣ выраженію, столько спасали, что скоро нечего будетъ спасать. Гражданская война изнурительнѣе для государства всякой другой. Великое счастье для Россіи, что она кончилась — пусть даже не побѣдою той стороны, которой симпатизируете вы: неужели весь этотъ погромъ Россіи надо опять начинать съ начала? Но это могло-бы быть оправдано (если могло!) лишь твердымъ, реальнымъ разсчетомъ на успѣхъ, только тогда это было-бы разумнымъ хоть для извѣстнаго лагеря политическимъ актомъ, основаннымъ на морѣ русской крови, но гдѣ-же такой разсчетъ? Отчего результаты опять не будутъ прежніе?

Да, проиграть войну очень тяжело — и войну гражданскую еще тяжелѣе, такъ какъ она ведется за обладаніе отечествомъ.

Но если война проиграна, то проиграна. Поняли-же это умные нѣмцы. Или въ русскомъ эмигрантскомъ лагерѣ нѣтъ совсѣмъ больше здраваго смысла, а только одна истерика, одно безпочвенное упрямство? Если война проиграна, надо умѣть заключить миръ. Отъ обратнаго пострадаютъ не побѣдители — побѣжденные. Побѣдителямъ часто выгодно, когда длится безсильная война. Лишь близорукость непримиримыхъ характеризуется тѣмъ, что нуженъ былъ имъ Крымъ, чтобы прозрѣть. Теперь они — прозрѣли. Теперь съ отчаяніемъ въ душѣ, они пытаются декламировать на прежнія темы. Иного отъ нихъ и ждать нечего: нельзя требовать отъ людей самоубійства — нравственнаго еще менѣе, чѣмъ физическаго. Но это — вопросъ ихъ личныхъ ощущеній. Реальная-же политика — миръ послѣ войны. Иначе впрямь, получится война до побѣднаго конца — Совѣтской власти надъ эмиграціей, до конца эмиграціи... Вотъ до чего почти уже довели. Еще осталось немного времени для мира, но, конечно, будетъ упущено и оно. А, послѣ окончательнаго распада эмиграціи, Совѣтской власти и мириться будетъ не съ кѣмъ. Будутъ лишь отдѣльные люди, а не, хоть разбитые, кадры русской интеллигенціи, пока еще могущей ставить хоть нѣкоторыя условія мира. Онъ нуженъ ей — не Россіи. Россія уже справилась.

Какое счастье для нея, что все это — академическія разсужденія, что гражданская война безповоротно окончена, что бѣлой арміи больше нѣтъ и что, разумѣется, безъ территоріи не можетъ быть возстановлена никакая армія. Такимъ образомъ, всѣ толки о вооруженной борьбѣ остаются лишь въ статьяхъ и рѣчахъ, а это — оружіе неопасное. Итакъ, вооруженная борьба во первыхъ вообще не можетъ быть начата, во вторыхъ не можетъ быть приведена къ побѣдному концу и въ третьихъ этотъ побѣдный конецъ былъ-бы величайшимъ несчастіемъ для Россіи, уничтожилъ-бы ея армію и повергъ-бы ее въ анархію, съ которою-бы не могло справиться поневолѣ слабое правительство, „парализуемое“ всѣми партійными противниками. Это было-бы параличемъ Россіи. Вотъ когда-бы она дѣйствительно стала безхозяйною землею для колонизаціи. Она-бы погибла, какъ Тиръ и Сидонъ. Теперь-же она опирается на всю Азію — это очень мощная опора. Еще мощнѣе поддержка ея народными массами всѣхъ даже враждебныхъ ей оффиціально государствъ. Эти массы давятъ

на свои правительства. Въ результатѣ — повсемѣстные договоры съ Совѣтскою властью и уже не за горами ея признаніе. Вѣдь власть признаютъ не потому, что она симпатична признающему, а просто потому, что она власть. Это простое признаніе существованія. Какъ-же можно не признавать Совѣтской власти, когда она существуетъ? Ее признаетъ всякій публицистъ, когда пишетъ слова: „совѣтская власть", хоть-бы потомъ добавлялъ на своемъ обычномъ жаргонѣ безчисленныя противъ нея ругательства. Любопытная форма компромисса съ неотразимою дѣйствительностью — небывалая юридическая ересь: безсмысленное отличіе признанія de facto отъ признанія de jure. Признаютъ, или не признаютъ, а трехмилліонной арміи все-таки нѣтъ ни у одного европейскаго государства. Этого ужъ не признать нельзя. Опираясь на эту армію, на международныя массы низшихъ классовъ и на Азію, Россія начинаетъ новый періодъ своей исторіи. Будущее покажетъ, можно-ли побить эти козыри, или ими будетъ выиграна международная игра, но вырвать ихъ изъ рукъ Россіи было-бы со стороны русскихъ патріотовъ политическимъ безуміемъ. Графъ Шамборъ послѣ франко-прусской войны отказался отъ предложеннаго ему французскаго престола потому, что ему было поставлено условіемъ сохраненіе трехцвѣтнаго знамени, введеннаго ненавистными ему красными вмѣсто бѣлаго знамени монархіи, возстановленія котораго онъ требовалъ. Едва-ли графъ Шамборъ придерживался разумной политики. Теперь Россія собирается подъ краснымъ знаменемъ и нельзя этому препятствовать, настаивая на трехцвѣтномъ.

Съ того момента, какъ опредѣлилось, что Совѣтская власть сохранила Россію — Совѣтская власть оправдана, какъ-бы основательны ни были отдѣльныя противъ нея обвиненія. Я совершенно не понимаю, какъ, говоря о „рабствѣ" подъ нею русскаго народа, можно увѣрять, что онъ желаетъ именно того „демократическаго" строя, который не смогъ продержаться на Руси и года, никакою нарсдною поддержкою не пользовался. Очевидно, здѣсь чаянія интеллигенціи разошлись съ народными чаяніями. И обратно, самый фактъ длительности Совѣтской власти доказываетъ ея народный характеръ, историческую умѣстность ея диктатуры и суровости. Но именно для того, что-бы смягчить эту суровость, для дѣйствительной, реальной борьбы съ отрицательными сторонами

Совѣтской власти, необходимъ честный русскій всеобщій миръ. Надо-же прекратить положеніе, гдѣ гражданская война оправдывается террором, а терроръ гражданской войною; надо-же, какъ говорятъ дѣти, чтобы тотъ, кто умнѣе, пересталъ первый.

Пока-же масса молчитъ, а за нее проводятся тактики въ безвоздушномъ пространствѣ, вооруженная борьба безъ оружія, „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", интриги противъ каждаго договора, каждаго торговаго акта, совершаемаго русскимъ правительствомъ, сочувствіе блокадѣ Россіи, гальванизація представительства умершей власти, помощь нападающимъ на Россію, отторгающимъ ея земли государствамъ извнѣ, помощь внутри анархіи кровавою игрой въ конспиративность и возстанія, то вся эта монархическая, бурцевская, милюковская, эс'эровская тактики, всѣ вмѣстѣ и каждая въ отдѣльности, ведутъ безъ всякой для себя пользы къ огромному вреду и для Россіи и для эмиграціи. Ударяя такъ по обѣимъ, будто бы защищаемымъ величинамъ, разбивая ихъ въ кровь, по Совѣтской власти ея противники попасть не могутъ, не причиняютъ ей никакого вреда, нимало не колеблютъ ея положенія. И тогда, съ досады, принимаются бить другъ друга. Простой здравый смыслъ не позволяетъ на это равнодушно смотрѣть.

Оттого-то вызываютъ такую тревогу въ противномъ лагерѣ наши немногочисленные пока голоса, оттого-то звучитъ такимъ затаеннымъ желаніемъ вѣчная острота въ отвѣтъ на серьезные доводы: „отчего вы не уѣдете въ Россію?" Какъ было-бы пріятно нашимъ противникамъ, если-бы мы оставили имъ чистое поле, но мы не признаемъ за ними монополіи на Европу и ведемъ нашу работу по тому-же праву, какъ они свою, потому что считаемъ ее необходимою для Россіи, а для русской эмиграціи — единственнымъ выходомъ изъ создавшагося нестерпимаго положенія. Вѣдь, избѣгая будто-бы рабства въ Россіи, наша эмиграція стала несомнѣнною рабою всякаго, стоящаго хоть на низшихъ ступеняхъ иноземной власти — солдата, бьющаго ее на улицахъ Константинополя, надсмотрщика въ африканской пустынѣ, любого, издѣвающагося надъ ея хлопотами о визахъ, наглеца въ канцеляріи.

Свободна-ли Европа или нѣтъ, но мы-то въ ней несвободны. И максимумъ личной свободы, на которой не основанъ ни европейскій, ни совѣтскій государственный строй,

русскіе получатъ лишь тогда, когда ихъ правительство достигнетъ того-же положенія, станетъ такъ-же сильнымъ, какъ прежнее русское правительство.

Для защитниковъ русской государственности, для патріотовъ вопросъ весь въ томъ, чѣмъ явилась для Россіи Совѣтская власть: цементомъ, склеивающимъ ее, заполняющимъ ея трещины, или разъѣдающею ее кислотою. Вопреки проклятіямъ эмигрантской печати, все болѣе становится очевиднымъ: не кислота, — цементъ. Не центробѣжная, анархическая сила, — центростремительная, государственная. А тогда можно многое вынести, многое простить — и къ многому отнестись съ терпѣніемъ, вѣря въ лучшее будущее. Здѣсь очень важно, что это будущее въ крѣпкихъ, сильныхъ рукахъ, а не въ жалкихъ рукахъ тѣхъ дѣятелей, которые оказались такъ недостойными власти и которые цѣпляются за нее безъ права, потому что для права на власть необходимо быть сильнымъ. Не ново, что противъ сильной власти всегда раздается обвиненіе, что она держитъ населеніе въ рабствѣ, будто-бы управляетъ имъ помимо его воли. Слаба власть — ее и обвинять ни въ чемъ не стоитъ: просто она самоупраздняется, гибнетъ, оставаясь-ли формально на мѣстѣ какъ Людовикъ XIII, или обрушиваясь въ революціонной бурѣ, какъ Временное Правительство. Слабая власть не существуетъ, поэтому народъ всегда хочетъ твердой власти — а въ острыя и бурныя историческія эпохи она — вопросъ существованія страны. Въ настоящую эпоху она вопросъ существованія Россіи. Но ужъ тогда дозировать твердость трудно, да и некогда и не до того совсѣмъ, — пусть деспотизмъ, пусть суровость, лишьбы вожжи не были выпущены изъ рукъ. Вѣдь, это ужъ интеллигентская, отвлеченная требовательность: требовать отъ людей, находящихся у власти, какъ отъ какой-то машины, какого-то циферблата вѣсовъ, чтобы стрѣлка стояла на опредѣленной цифрѣ — и если она отклонится въ одну сторону, жаловаться на бѣдственную слабость власти, зато когда отклонится въ другую — кричать о ея жестокости, о рабствѣ населенія. Въ дѣйствительности вѣдь не пуста чашка вѣсовъ — вся тяжесть жизненныхъ условій эпохи лежитъ на ней и далеко передвигаетъ стрѣлку. Вѣсы были-бы невѣрны, если-бы стрѣлка оставалась на безразличной, средней зарубкѣ. У русской государственности сейчасъ двѣ трудныя задачи —

тѣ, которыя всегда стоятъ передъ всякою государственностью: сдерживать натискъ извнѣ иноземныхъ силъ, сдерживать внутри натискъ анархическихъ, центробѣжныхъ силъ. Справляется-ли власть съ этими задачами? Справляется. Значитъ, она — настоящая государственная власть. Поддерживаютъ-ли ея противники эти обѣ антигосударственныя силы? Поддерживаютъ. Значитъ, они являются противниками русской государственности.

Вотъ на чемъ, въ исторической перспективѣ, разрѣшается споръ между Совѣтской властью и ея противниками, а не на томъ, что обязанные быть твердыми и суровыми слишкомъ тверды, слишкомъ суровы. Такой порокъ нынѣ для русской власти — качество. On a les défauts de ses qualités — у каждаго есть недостатки, даже пороки своихъ качествъ. Энергичный, властный правитель жестокъ, сгибаетъ волю народа подъ свою волю, пренебрегаетъ за дѣломъ возвышенными, иногда святыми словами. Въ своей тяжелой, черной работѣ онъ не позволяетъ себѣ даже нравственной роскоши быть чистымъ. Но когда на это нападаютъ его противники, то надо имѣть въ виду, движетъ-ли ими нравственный идеализмъ, или стремленіе захватить власть и не готовы-ли они также окровавить и запятнать свои, впрочемъ, уже окровавленныя, уже запятнанныя ризы.

Историческая перспектива уже становится возможна. Она-то выясняетъ для все большей массы, русской и иностранной, вопросъ о значеніи Совѣтской власти. Теперь, при брезжущемъ уже свѣтѣ новаго дня видно, что непостижимая во мракѣ ея устойчивость объясняется просто тѣмъ, что она нужна для Россіи, нужна для человѣчества. Заря разгорается медленно, но всѣ трудящіеся, всѣ обремененные уже видятъ на свѣтлѣющемъ небѣ ея лучи, предразсвѣтный вѣтерокъ уже пробѣгаетъ по трепещущимъ листьямъ. Никто не стоялъ-бы за то, чтобы эта заря была кровавой зарею, не стоялъ-бы за соціальную революцію, если-бы правящіе классы самоотверженно могли поступиться своими привиллегіями, святостью своего права собственности, хотя-бы чтобы спасти его, спасти свое положеніе, хотя-бы изъ разумнаго эгоизма, а не изъ любви къ ближнему. Но своею косностью, корыстью и жестокостью они дѣлаютъ невозможнымъ этотъ исходъ — и неизбѣжною соціальную рево-

люцію. Когда она, происшедшая въ Россіи, захватитъ Европу — сравнительно не такъ важно; важно, что она идетъ и придетъ, что только слѣпые не видятъ осыпающихся слоевъ стараго соціальнаго строя, только глухіе не слышатъ ея подземныхъ раскатовъ. Вся почва колеблется — нигдѣ уже нѣтъ покоя. А какая дана Европѣ отсрочка, десять, двадцать пять или больше лѣтъ, конечно, важно для насъ, смертныхъ, но не для человѣчества. Въ его жизни — ничто жизнь одного поколѣнія. А новое, воспитанное въ суровой жизненной школѣ нашего переходнаго времени, будетъ куда реалистичнѣе и тверже насъ — не будетъ уже вѣрить въ то, во что мы вѣрили. Мы видѣли зарю и смежали даже отъ ея свѣта привыкшіе къ мраку глаза. Оно увидитъ солнце. Но не утѣшайтесь — „передышка“, можетъ быть, и не такъ велика; слишкомъ дѣлается все, чтобы истощить долготерпѣніе судьбы. Ростъ коммунизма тому яркій симптомъ — кто думалъ о коммунистахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кто могъ ждать такого общественнаго сдвига, при которомъ прежніе соціалисты окажутся въ правомъ центрѣ любого народа и лозунги ихъ отсталыми? Совершенно независимо отъ своей концепціи будущаго соціальнаго строя, коммунисты являются знаменоносцами будущей жизни, трубачами объявленной соціальной борьбы. За это ихъ ненавидятъ, за это любятъ. За это ненавидятъ и любятъ Россію, ставшую во главѣ того лагеря, которому суждена побѣда, ибо онъ — будущее, а оффиціальная Европа — прошлое. И съ востока вновь сіяетъ свѣтъ. Русскій народъ „въ рабскомъ видѣ“, въ мукахъ неисчислимыхъ страданій несетъ своимъ измученнымъ братьямъ всемірные идеалы — и за нихъ любимъ, ими обновленъ и чистъ во всей безднѣ своего паденія, ими, въ своемъ униженіи, могучъ.

Здѣсь не помогутъ никакіе, выстроенные хитроумными политиками, барьеры и корридоры, выточенные, какъ подстриженный садъ съ клумбами и дорожками, на живомъ тѣлѣ Европы. Нѣтъ барьера для идеи. Ея огонь уничтожаетъ всѣ препятствія. Но, конечно, какъ нѣтъ великаго человѣка для своего камердинера, такъ для современниковъ нѣтъ великой революціи. Они видятъ ее слишкомъ вблизи, видятъ лишь очень серьезныя, очень важныя вещи: разрушеніе культурныхъ цѣнностей, кровавую, мученическую гибель часто безвинныхъ жертвъ, голодъ, холодъ, эпидеміи, разруху — и всю

муть, такую нечистую и отвратительную, которую всегда подымаетъ на поверхность буря. Но значеніе происходящаго для нихъ недоступно, не видно рожденія въ пламени высшихъ цѣнностей, не видно, что величайшими преступниками, въ исторической перспективѣ, могутъ быть не только невинные, скромные, заурядные обыватели, но даже герои, если они тормозятъ освобожденіе угнетенныхъ, дѣлаютъ болѣзнѣннымъ и медленнымъ неизбѣжный историческій процессъ. И такимъ героямъ — дань уваженія, и такимъ безвинно виновнымъ — горькія слезы. Но любовь — одной грядущей жизни человѣчества, одной ей — новая вѣра.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.

ВЪ КАНОССУ!

I.

Въ событіяхъ, которыя пережила Россія за послѣдніе годы, важная роль выпала на долю интеллигенціи. Несмотря на пережитыя бури, типъ русскаго интеллигента сохранился, и о нашей интеллигенціи можно съ полнымъ правомъ говорить и впредь, какъ о какомъ то особомъ общественномъ явленіи, имѣющемъ опредѣленную физіономію и опредѣленное соціальное назначеніе. Несмотря на партійныя перегородки, раздѣлявшія русскую интеллигенцію, можно, оказывается, говорить о единомъ, общемъ настроеніи большей ея массы.

Во первыхъ, въ начальный періодъ революціи подавляющее большинство нашей интеллигенціи стояло на сторонѣ Временнаго Правительства, чувствовало свою духовную связь съ нимъ; затѣмъ почти, такъ же всеобще, а можетъ быть еще и шире, было отрицаніе интеллигенціей большевиковъ, ея недовѣріе къ нимъ, къ ихъ идеологіи, къ возможности воплотить ее въ жизнь. Оговоримся: конечные идеалы большевизма были всегда лучшими идеалами интеллигенціи, но практическая возможность ихъ немедленнаго и полнаго осуществленія, выдвинутая большевиками, какъ политической партіей, и главное — методъ ихъ насильственнаго проведенія, были ей чужды, ненавистны. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что физически значительная часть нашей интеллигенціи осталась въ Совѣтской Россіи, а нѣкоторая ея часть съ самаго начала работаетъ у большевиковъ, съ большевиками, „на нихъ“. Но развѣ мы не знаемъ всѣ, какъ эта работа шла до сихъ поръ,

чѣмъ она большею частью стимулировалась? Голодъ и принужденіе — вотъ эти стимулы. Развѣ таково было бы положеніе Совѣтскаго правительства, если бы мозгъ страны — ея интеллигенція — сознавала свою кровную связь съ нимъ, еслибы она несла ему всѣ свои силы, весь энтузіазмъ и воодушевленіе, на которые способна?

Далѣе вспомнимъ, что интеллигенція въ своей массѣ становилась на сторону всѣхъ анти-большевистскихъ военныхъ попытокъ — активно въ территоріяхъ, гдѣ эта борьба происходила, — сочувствуя и вздыхая тамъ, далеко, вглуби самой Россіи.

Словомъ, общность переживаній массы русской интеллигенціи въ потрясшихъ страну событіяхъ не подлежитъ сомнѣнію. Если же послѣдить за исторіей развитія этихъ переживаній, то въ нихъ возможно уловить и зафиксировать три фазиса или этапа, которые прошла эволюція настроеній интеллигенціи. Эти три этапа я назвалъ бы *тремя разочарованіями*. Это были три послѣдовательныя ставки русской интеллигенціи и три ея проигрыша. Мы не будемъ разбирать сейчасъ причины этихъ проигрышей, но попробуемъ ихъ отмѣтить и опредѣлить.

Первой ставкой была вѣра интеллигенціи въ какой то совершенно особенный, точно инстинктивный практическій смыслъ и разумъ русскаго народа. Это былъ отголосокъ стараго преклоненія передъ „мужикомъ“ нашего народничества шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ. Безъ достаточныхъ данныхъ, точно по какому то наитію думали, скорѣе даже вѣрили, что „народъ“ самъ найдетъ правильную линію государственнаго строительства. Надо только сбросить, сорвать съ него цѣпи, дать ему возможность полнаго размаха и безграничной свободы. Болѣе того, были и такіе теоретики, которые сами всячески стремились научиться у него государственной мудрости. Здѣсь сказались, между прочимъ, типичныя черточки русскаго характера — нелюбовь къ конкретному и опредѣленному, неумѣнье расчитывать, заканчивающіяся вѣрой въ классическія русскія „авось“, „небось“ и „какъ-нибудь“. Поэтому-то недостаточно дѣйствовали задерживающіе центры въ періодъ развитія революціонной грозы въ моментъ наиболѣе критическаго положенія страны — во время войны. Недостаточно серьезно смотрѣла наша общественность

на проповѣдь Циммервальда и Кинталя. Несерьезно отнеслась она и къ партійнымъ распрямъ, къ слабости Временнаго Правительства, къ раскатамъ новаго революціоннаго грома осенью 1917 года. Ничто не казалось трагичнымъ. — „Здоровый инстинктъ народа все вывезетъ, все устроитъ“ — таковъ былъ лейтмотивъ въ глубинѣ души русскаго интеллигента. Истерическіе выкрики Керенскаго? — отчего бы ихъ и не послушать, будто и вправду немножко морозъ по кожѣ подираетъ, — потомъ выйдемъ изъ театра и — „ахъ, какъ все хорошо на свѣтѣ, все къ лучшему!“

Только такимъ отношеніемъ къ событіямъ можно объяснить ту поразительную безпечность, которая, казалось, проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грознѣе сгущались тучи. Весна и лѣто революціоннаго и все еще военнаго года — а между тѣмъ развѣ думали въ интеллигентскихъ кругахъ, что необходимо сократиться, что надо урѣзать свою потребность въ удовольствіяхъ, что надо поступиться своими удобствами? Такъ же, какъ и всегда, — нѣтъ, болѣе, чѣмъ всегда, — всѣ стремились на дачи, къ морю и на курорты. Туалеты сверкали, кинематографы и театры брались съ бою. Балы-митинги и концерты-митинги процвѣтали...

И вотъ, съ громомъ октябрьской революціи пришло отрезвленіе, пришло первое разочарованіе — интеллигентъ увидѣлъ, что онъ былъ неправъ, что не изъ чего было заключать о томъ, что народъ, забитый и темный благодаря дѣйствіямъ старой, преступной власти, какимъ то сверхъестественнымъ чутьемъ справится съ труднѣйшими соціальными задачами и сразу найдетъ легкіе и мирные пути прогресса... Необоснованныя ожиданія смѣнило разочарованіе, смѣшанное нерѣдко съ озлобленіемъ на этотъ же самый народъ, въ который до сихъ поръ вѣрили — при всей отчужденности отъ него — ради котораго жертвовали жизнью, на который молились... И только медленно, постепенно это чувство стало уступать мѣсто болѣе спокойному и справедливому разсужденію, что винить народъ нельзя, что корень всѣхъ золъ приходится искать въ самихъ себѣ — въ своемъ ошибочномъ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ искаженныхъ масштабахъ. Началась переоцѣнка цѣнностей...

Между тѣмъ, жизнь шла, событія развертывались съ головокружительной быстротой, надо было дѣйствовать, т. е. ста-

новиться въ тотъ или иной лагерь въ начинавшейся гражданской войнѣ. И интеллигенція, не колеблясь, пошла подъ бѣлыя знамена. Это была ея вторая ставка. Она повѣрила въ вождей антибольшевистскихъ силъ. Она не разбиралась въ нихъ, въ ихъ „вѣрую", въ ихъ способностяхъ, она готова была идти съ кѣмъ угодно, лишь бы освободиться отъ „кучки насильниковъ". О будущемъ думали такъ: „все приложится". Болѣе лѣвыхъ не пугали погоны Добровольческой арміи и пересолы при возвратѣ къ необходимой въ борьбѣ дисциплинѣ. Болѣе правыхъ не страшилъ „демократизмъ Корнилова" и лозунгъ „вся власть Учредительному Собранію". И эта вторая ставка нашей интеллигенціи оказалась битой, и на смѣну явилось новое разочарованіе. Всѣ попытки „генераловъ" выступить въ роли освободителей страны терпѣли неизмѣнно неудачу: не были найдены вѣрные лозунги и программы, не было должной организаціи, не было подходящихъ людей. И можно только удивляться долготерпѣнію интеллигенціи, при каждой новой попыткѣ вновь воспрядывавшей духомъ, вновь начинавшей вѣрить и надѣяться, вновь шедшей на жертвы...

Третій фазисъ не такъ легко отдѣлить отъ второго, какъ этотъ отъ перваго. Хотя логически и психологически они дифференцируются сравнительно легко, во времени они отчасти совпадаютъ и переплетаются. Этотъ третій фазисъ настроеній нашей интеллигенціи характеризуется ставкой на союзниковъ, на ихъ интересъ къ намъ, на сознаніе ими своего моральнаго долга передъ Россіей за ея жертвы въ первые годы войны. Эта вѣра диктовалась наивнымъ сантиментализмомъ, отличавшимъ всегда русскую интеллигенцію въ сферѣ политики. И какъ жестоко мы были наказаны за этотъ сантиментализмъ! Достаточно вспомнить Одессу, Архангельскъ, всю исторію сношеній съ отдѣлявшимися отъ насъ (болѣе того, нерѣдко намѣренно *отдѣляемыми* ими же — нашими союзниками) окраинами; достаточно вспомнить торопливость, съ которой они спѣшили на мнимую русскую тризну, всѣ эти разговоры о русскихъ лѣсахъ, о нефти и т. д.; достаточно припомнить споры о русскомъ золотѣ, о долгахъ, объ открытыхъ дверяхъ въ Сибири, чтобы окончательно и безвозвратно потерять всякую тѣнь политическаго сантиментализма. — „Позвольте, скажутъ наши оппоненты, доселѣ остающіеся на позиціи поддержки несуществующей уже бѣлой арміи — а под-

держка союзниками Колчака, Деникина и Юденича"? Ахъ, эта полу-поддержка, когда одной рукой давалось, а другой создавались всякія затрудненія. Лучше бы ея небыло совсѣмъ! Она поселила обманчивую надежду на помощь извнѣ, такъ дорого намъ обошедшуюся, когда, оказывается, можно было расчитывать только на самихъ себя. Это только спутало карты. Удивительно-ли, что вѣра въ демократическія и пацифистскія цѣли войны, въ международную солидарность рухнула во всѣхъ слояхъ русской интеллигенціи, какъ среди эмигрантовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ Европы, Азіи и Америки, такъ и среди оставшейся въ Совѣтской Россіи.

II.

Итакъ, военныя попытки „свалить большевиковъ" не удались: заключительнымъ аккордомъ въ этомъ направленіи былъ Кронштадтъ. Теперь совершенно ясно, что всякія подобныя попытки обречены на неудачу; болѣе того, онѣ вырождаются въ уродливыя, морально-непріемлемыя для русской интеллигенціи погромно-предательскія авантюры. Теперь логически мыслимыми остались лишь два случая насильственнаго низверженія Совѣтской власти: иностранная военная экспедиція и внутреннее возстаніе. Попробуемъ разобрать обѣ возможности.

Мыслима-ли первая — военная экспедиція иностранцевъ? И чья именно? Бывшихъ союзниковъ? Но развѣ не показали они всей своей политикой, что ихъ главная забота — приспособиться къ факту отсутствія Россіи въ сонмѣ великихъ державъ? Англія, потрясаемая внутренней борьбой и связавшая себя договоромъ съ Совѣтской властью, при каждомъ удобномъ случаѣ напоминаетъ о своемъ лояльномъ отношеніи къ договору. Франція, усердно поддерживающая враговъ Россіи и ведущая политику расчлененія Россіи, думаетъ лишь о томъ, какъ бы вернуть слѣдуемые ея мѣщанамъ милліарды. Америка не желаетъ болѣе имѣть никакого дѣла съ европейскимъ осинымъ гнѣздомъ. Германія, экономически остро заинтересованная въ русскихъ дѣлахъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ могла бы, пожалуй, вмѣшаться. Но ей, раздавленной военно и экономически, не до военныхъ походовъ въ Россію;

да и „союзники" никогда бы не допустили этого: вѣдь за такой помощью послѣдовалъ бы опасный для нихъ союзъ Россіи съ Германіей. Лига Націй, — притча во языцѣхъ всего міра? Или, наконецъ, эти новыя „буферныя" государства, облѣпившія края нашей родины? — Польша, Латвія, Эстонія, Азербейджанъ и т. д. Да, къ сожалѣнію, они склонны порой давать пріютъ разнымъ „предпріимчивымъ" людямъ, какъ это сдѣлала Польша въ отношеніи Савинкова и Балаховича, поскольку послѣдніе помогаютъ поддерживать въ Россіи междуусобную войну, и расшатываютъ Россію политически и экономически. Но захотятъ-ли они создавать серьезную опасность для Совѣтской власти, пока она слаба, и вообще выгодно-ли имъ содѣйствовать ликвидаціи нашей гражданской смуты? Развѣ въ моментъ успѣховъ Деникина поляки не заключили внезапнаго перемирія съ большевиками, чѣмъ и дали послѣднимъ возможность всей массой обрушиться на Деникина и раздавить его? Это только мы сами, русскіе, въ лицѣ Врангеля, могли въ моментъ, когда красная армія громила поляковъ, ударить ей въ тылъ и, спасая Польшу, предать свое собственное русское дѣло. Исторія уже отомстила Врангелю за его близорукость.

Итакъ, ни одна изъ внѣшнихъ силъ никогда не дастъ уже „военной помощи противъ большевиковъ". Да и кому ее давать теперь? Какъ ни какъ, но въ теченіе всей прежней военной борьбы съ большевиками были какіе то, хоть и небольшіе клочки русской территоріи, откуда эта борьба могла идти, гдѣ она могла организоваться, — было извѣстное количество силъ и средствъ, которое можно было увеличивать при успѣхѣ. А главное, былъ какой то моральный резервъ, связанный съ этимъ клочкомъ національной территоріи. Теперь этого нѣтъ. Послѣ опыта Врангеля въ Галлиполи мы знаемъ, что создавать или хотя бы сохранять русскія военныя анти-большевистскія силы за предѣлами самой Россіи — химера.

Никто, значитъ, извнѣ не поможетъ, да и помогать-то, оказывается, уже некому.

Теперь о возможности возстаній въ самой Россіи. Эта возможность, конечно, не исключена. Она наиболѣе реальна, въ случаѣ выдвиганія лозунговъ, подобныхъ кронштадтскимъ, хотя надо оговориться, что шансы на успѣхъ здѣсь, какъ особенно ясно показалъ даже примѣръ кронштадтскаго возста-

нія, ограничены и, очевидно, прогрессивно уменьшаются. Возстанія въ Россіи могутъ являться лишь функціей двухъ связанныхъ между собою моментовъ: экономическихъ затрудненій и политики Совѣтскаго правительства. Чѣмъ хуже экономическое положеніе страны, чѣмъ сильнѣе лишенія, которымъ подвергается населеніе, тѣмъ труднѣе, конечно, положеніе Правительства. Но, во-первыхъ, съ прекращеніемъ гражданской войны, со снятіемъ блокады и заключеніемъ торговыхъ договоровъ съ Англіей, Германіей, Италіей и др., экономическое положеніе Совѣтской Россіи способно значительно улучшиться, а во-вторыхъ, Совѣтское правительство, примѣняясь къ условіямъ, отказалось отъ цѣлаго ряда своихъ экономически неосуществимыхъ тезисовъ и идетъ въ сторону облегченія торгово-хозяйственнаго оборота въ странѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти мѣры значительно укрѣпятъ его положеніе и сдѣлаютъ попытки возстаній менѣе частыми, менѣе серьезными и лишатъ ихъ шансовъ на успѣхъ.

Спрашивается, какъ вести себя интеллигенціи, какъ находящейся въ Россіи, такъ и эмигрировавшей, при этихъ новыхъ, все еще возможныхъ попыткахъ возстаній? Способствовать имъ или отстраняться отъ нихъ, болѣе того, бороться съ ними? Не колеблясь, подобно тому, какъ по отношенію къ предыдущему періоду мы считали, что вся энергія русской интеллигенціи должна быть брошена въ дѣло борьбы съ большевизмомъ, такъ теперь, послѣ окончательнаго крушенія плановъ его насильственнаго низверженія, мы считаемъ, что *патріотическій долгъ нашей интеллигенціи — отказаться отъ вооруженной борьбы, болѣе того, бороться со всякими попытками въ цѣляхъ борьбы еще дальше дезорганизовывать и разваливать нашу родину.* Кто бы ни былъ у власти сейчасъ, но разъ онъ способствуетъ процессу собиранія и упроченія Россіи, онъ долженъ получить поддержку со стороны мыслящей и патріотически настроенной интеллигенціи.

Болѣе того, участіе въ возможныхъ возстаніяхъ и волненіяхъ въ странѣ при сложившейся экономической и международной конъюнктурѣ будетъ преступленіемъ передъ родиной. Мы не боимся открыто и громко это сказать. Никакія сомнѣнія и колебанія, никакія недоговоренности не должны имѣть въ этотъ моментъ мѣста. Надо ясно себѣ представить, что всякая попытка вызвать неурядицы въ Россіи эквивалентна

сейчасъ удару по долженствующей во что бы то ни стало наладиться экономической жизни страны и наруку однимъ только врагамъ Россіи. Слишкомъ много времени уже упущено, слишкомъ усилилась реакція въ Европѣ, слишкомъ окрѣпли окраинныя государства, чтобы въ случаѣ новыхъ волненій можно было расчитывать на что либо иное, кромѣ выгоднаго лишь нашимъ врагамъ хаоса. Подобно тому, какъ болѣе сознательная часть интеллигенціи считала революцію во время войны опасной и нежелательной, такъ и теперь всякія новыя потрясенія будутъ для нашей родины лишь гибельны. Надо окрѣпнуть физически и экономически, надо — насколько возможно при данныхъ условіяхъ — укрѣпить національный духъ, а тамъ — жизнь покажетъ. Окрѣпшему организму возможныя потрясенія не будутъ такъ опасны, а можетъ быть къ тому времени условія настолько измѣнятся, что все обойдется и безъ потрясеній.

Но представимъ себѣ даже, что, по какому-то невѣроятному сцѣпленію обстоятельствъ, возстаніе удалось, большевики свергнуты, и Россію не разобрали въ этотъ моментъ по кускамъ сосѣди и бывшіе друзья. Что ждетъ насъ на слѣдующій день послѣ возстанія? Чья власть? Кто смѣнитъ большевиковъ? Кто будетъ тотъ, кто сумѣетъ при еще несомнѣнно ухудшившихся экономическихъ условіяхъ, при вновь развалившейся арміи, вывести страну изъ новаго хаоса? Керенскій? Кадеты, энесы, эсеры? Начнемъ сказку про бѣлаго бычка сначала? Всѣ эти обломки ex-партій, которые и по сію пору, сидя давно заграницей не могутъ перестать грызться между собою на потѣху всего міра? Нѣтъ, мы думаемъ, что громадное большинство не только русскихъ народныхъ массъ, но и интеллигенціи, и не только въ самой Россіи, но и заграницей, навсегда оставило эти, влачащіе нынѣ жалкое существованіе штабы безъ армій. Нѣтъ, все что угодно, но только не эти трупы!

Но допустимъ все же, что большевики свергнуты, что явилась какая-то новая власть. Эта новая власть силою вещей вынуждена будетъ дѣлать почти то же, что и большевики: тоже нужна будетъ армія со строгой дисциплиной — иначе насъ разорвутъ сосѣди; тѣ же драконы внутренней защиты новой власти — иначе она разсыпется, какъ Керенскій; неужели намъ станетъ легче отъ того, что новыя „чрезвычайки“

будутъ называться „контръ-развѣдкой“, или чѣмъ нибудь вродѣ того? Та же будетъ экономическая разруха и связанные съ нею лишенія и голодъ, та же необходимость въ максимальномъ напряженіи силъ всѣхъ и каждаго, въ жестокой трудовой повинности. Такъ въ чемъ же дѣло? Пора оставить мечты, что съ замѣной красныхъ бѣлыми, желтыми, зелеными и т. д. какимъ то чудомъ законы физики и экономики перевернутся, рѣки потекутъ въ горы, а съ неба будетъ литься золотой дождь. Вернемся къ реальностямъ жизни.

Да, мы знаемъ, за нашими бывшими противниками въ прошломъ много ужаснаго, трудно прощаемаго, много такого, съ чѣмъ трудно примириться и сейчасъ; но какъ скоро интересы родины требуютъ, чтобы мы забыли старую боль, мы должны ее забыть. Другого выхода нѣтъ. Умыть руки, отойти въ сторону нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступленіе передъ родиной. Надо участвовать въ поддержкѣ Россіи, надо всѣмъ выручать ее, облегчать ей пути прогресса, мира и благосостоянія. Поведеніе нашей интеллигенціи въ данный моментъ весьма сильно опредѣляется общимъ международнымъ положеніемъ. За годы борьбы мы были свидѣтелями разростанія масштабовъ: сначала кризисъ ограничивался Петроградомъ, затѣмъ онъ охватилъ собственно Россію, далѣе борьба разлилась и по окраинамъ ея, теперь весь міръ вовлеченъ въ русскую катастрофу и каждый элементъ его занялъ опредѣленную позицію въ отношеніи ея.

Будь мы одни, не будь Россія окружена „друзьями“ и врагами, конкуррентами и хищниками, алчно пощелкивающими зубами и жадно ждущими ея послѣдняго вздоха, будь въ мірѣ солидарность культурныхъ націй — мы, быть можетъ, не звали бы къ такому рѣшенію вопроса. Но сейчасъ, когда никто не хочетъ понять переживаемой нами трагедіи, когда всякій старается забыть о морѣ русской крови, пролитой ради общаго европейскаго дѣла, когда насъ сторонятся, какъ зачумленныхъ, когда почти во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе презираемыхъ, болѣе ненавидимыхъ паріевъ, чѣмъ мы, русскіе, сейчасъ, когда на нашу несчастную родину смотрятъ, какъ на какой-то очагъ заразы, который, еслибы могли, то охотно стерли бы съ лица земли со всѣми нами, правыми и виноватыми, — о, сейчасъ въ такихъ условіяхъ, мы громко, не колеблясь, обращаемся къ нашей интеллигенціи съ кличемъ: „До-

вольно! Назадъ! Мы здѣсь чужіе. Что бы тамъ, дома, ни было, какъ тамъ ни тяжело, но тамъ — наша родина!"

Мы не боимся теперь сказать: „Идемъ въ Каноссу! Мы были неправы, мы ошиблись. Не побоимся же открыто и за себя и за другихъ признать это."

Большевизмъ съ его крайностями и ужасами — это болѣзнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ это закономѣрное, хоть и непріятное, состояніе нашей страны въ процессѣ ея эволюціи. И не только все прошлое Россіи, но мы сами виноваты въ томъ, что страна заболѣла. Болѣзни, можетъ быть, могло и не быть, но теперь спорить и вздыхать поздно, родина больна, болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, и мы, русская интеллигенція, мозгъ страны, не имѣемъ права стать въ сторону и ждать, чѣмъ кончится кризисъ: выздоровленіемъ или смертью.

Нашъ долгъ — помочь лѣчить раны больной родины, любовно отнестись къ ней, не считаться съ ея приступами горячечнаго бреда. Ясно, что чѣмъ скорѣе интеллигенція возьмется за энергичную работу культурнаго и экономическаго возстановленія Россіи, тѣмъ скорѣе къ больной вернутся всѣ ея силы, исчезнетъ бредъ и тѣмъ легче завершится процессъ обновленія ея организма.

Мнѣ скажутъ: „Но какъ же? идти къ большевикамъ, идти съ ними? Вѣдь это значитъ признать свою неправоту, санкціонировать ихъ побѣду"? — Да, это значитъ идти въ Каноссу. Это признаніе не унизитъ насъ, не можетъ сломить нашего духа. Мы честно боролись до сихъ поръ, такъ какъ считали, что это нашъ долгъ. Событія намъ показали, что мы ошибались, что путь нашъ лежалъ въ невѣрномъ направленіи. И, сознавъ это, увидя, чего требуютъ отъ насъ интересы родины, мы готовы сознаться въ своей ошибкѣ и измѣнить дорогу.

Станемъ ли мы сами отъ того большевиками или коммунистами, какъ думаютъ нѣкоторые? Конечно нѣтъ. Коммунизмъ какъ практическая доктрина, въ современной обстановкѣ по прежнему остается для насъ той же утопіей, что и раньше, но онъ можетъ и долженъ измѣниться, если хочетъ такъ или иначе войти въ реальную жизнь; и во многомъ мы, интеллигенція, можемъ способствовать этому процессу.

Послѣ каждой болѣзни въ организмѣ наблюдается появленіе новыхъ силъ, усиленный обмѣнъ веществъ, оздоровленіе и укрѣпленіе. Нерѣдко въ самой болѣзни есть зачатки

оздоровленія, есть полезныя начала. И вотъ, не боясь надо признать, что въ самомъ большевизмѣ, наряду съ ворохомъ уродливыхъ его проявленій, есть несомнѣнно здоровыя начала, есть положительныя стороны, отрицать которыя трудно.

Во-первыхъ, исторія заставила русскую „коммунистическую" республику, вопреки ея оффиціальной догмѣ, взять на себя національное дѣло собиранія распавшейся было Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленія и увеличенія русскаго международнаго удѣльнаго вѣса. Странно и неожиданно было наблюдать, какъ, въ моменты подхода большевиковъ къ Варшавѣ, во всѣхъ углахъ Европы съ опаской, но и съ извѣстнымъ уваженіемъ заговорили не о „большевикахъ", а . . . о Россіи, о новомъ ея появленіи на міровой аренѣ.

Другой положительной стороной Совѣтской власти надо признать то, что (опять, какъ будто, вопреки теоріи) она была вынуждена создать крѣпкую дисциплинированную армію, первое условіе существованія всякаго государства, какъ это ни обидно говорить послѣ неисчислимыхъ жертвъ „великой войны за уничтоженіе войнъ".

Третьимъ несомнѣннымъ плюсомъ въ дѣятельности большевиковъ надо считать то, что они дѣйствительно гарантировали невозможность возврата къ прошлому, тому темному скорбному прошлому, которое послужило первоисточникомъ нужды, темноты и озлобленности народныхъ массъ, неподготовленности и вялости нашей интеллигенціи, всего того зла, которое обрушилось на Россію за послѣдніе годы. Эта опасность, хоть и дорогой цѣной, но все же, къ счастью, устранена навѣки. И есть возможность заложить новое зданіе русской государственности на новыхъ разумныхъ основаніяхъ, использовавъ принципы раціональной организаціи, а не громоздить на старыхъ, архаическихъ, нелѣпыхъ устояхъ новыя негармонирующія надстройки.

Далѣе, въ самомъ фактѣ разрушенія есть позитивныя черты: мы силою вещей вынуждены отказаться отъ своей русской безпечности, надежды, что кто-то, гдѣ-то, что-то за насъ сдѣлаетъ. На краю пропасти каждый долженъ встрепенуться, самъ искать выхода, думать, изловчаться или . . . погибнуть. Впервые въ колоссальныхъ масштабахъ взбудораженъ въ дремавшихъ понукаемыхъ массахъ здоровый инстинктъ самосохраненія, самый дѣйственный изъ всѣхъ инстин-

ктовъ; мы увѣрены, что все значеніе этого біологическаго момента скажется въ дальнѣйшемъ въ жизни русскаго народа, въ смыслѣ значительной и положительной перестройки русскаго характера, и въ такомъ случаѣ уже это одно, быть можетъ, оправдаетъ жертвы и ужасы нашей эпохи.

Наконецъ, будемъ объективны и признаемъ, что среди вершителей современныхъ русскихъ судебъ есть люди, надѣленные достаточнымъ чувствомъ реальности и не враги эволюціи. Логика событій неумолимо заставляетъ ихъ сдавать свои практически невѣрныя позиціи и становиться на тѣ, что болѣе согласуются съ требованіями жизни; отъ дѣйствій нашей интеллигенціи будетъ зависѣть ускорить и завершить этотъ процессъ на благо Россіи и прогресса. Намъ возразятъ — это оптимизмъ. Да, отвѣтимъ мы, это оптимизмъ, но оптимизмъ не безпочвенный. Болѣе того, если въ трудныхъ условіяхъ намъ нужно добиться во что бы то ни стало поставленной себѣ цѣли — спасенія Россіи — то намъ необходимъ оптимизмъ, это состояніе духа, дающее бодрую увѣренность въ своихъ силахъ и въ достижимости задачъ.

Итакъ, мы идемъ въ Каноссу, т. е. признаемъ, что проиграли игру, что шли невѣрнымъ путемъ, что поступки и расчеты наши были ошибочны.

Спрашивается, должна ли русская интеллигенція раскаиваться теперь въ своихъ прежнихъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, кажется намъ, не должна, такъ какъ — по всему — она не могла поступить иначе, чѣмъ поступила.

Да и въ этомъ есть положительныя черты.

Мы долго и упорно боролись, но зато эта борьба кореннымъ образомъ измѣнила насъ, она научила любить родину болѣе дѣятельно, болѣе жертвенно, чѣмъ раньше, она отучила насъ отъ глумленія надъ проявленіями здороваго національнализма, вылѣчила насъ отъ наивнаго сантиментализма въ политикѣ.

Практически борьба научила насъ болѣе дѣловымъ пріемамъ, сократила нашу способность къ непродуктивной болтовнѣ, сдѣлала болѣе воспріимчивыми къ болѣе разумнымъ, болѣе экономнымъ принципамъ раціональной организаціи.

Затѣмъ, въ борьбѣ сгорѣло все старое, нецѣлесообразное въ Россіи и открылось поле для новаго, свѣжаго, разумнаго. Наконецъ, надо признать, что если сама Совѣтская власть

стала способна эволюціонировать въ сторону болѣе реальной національной политики — то это есть тоже въ значительной мѣрѣ результатъ борьбы послѣднихъ лѣтъ.

Конечно, всѣ эти плюсы куплены недешевой цѣной, цѣной разрушеній, безчисленныхъ жертвъ, отставанія въ ходѣ культуры. Но увы, ничто въ жизни, какъ индивидуума, такъ и народа, безъ жертвъ не дается. За все приходится платить.

III.

Что же намъ, интеллигентамъ, признавшимъ свои политическія ошибки дѣлать, идя въ Каноссу? Что ожидаетъ насъ въ Совѣтской Россіи? Куда направить наше вниманіе, силы, энергію? Намъ кажется, что главныхъ задачъ у насъ двѣ.

Первая задача — всѣми силами способствовать просвѣщенію народныхъ массъ, поддерживать всѣми способами все, что новая Россія предпринимаетъ въ этомъ отношеніи, самимъ проявлять самую интенсивную, самую широкую иниціативу. Доходятъ свѣдѣнія, что въ Россіи наблюдается сейчасъ духовный голодъ, о которомъ мы здѣсь не имѣемъ и представленія, и подобнаго которому никогда и нигдѣ не наблюдалось. Массы, несмотря на всѣ экономическія тяготы и лишенія, несмотря на то, что, казалось бы, голодному желудку не до науки, въ такихъ количествахъ и съ такимъ рвеніемъ заполняютъ всевозможныя аудиторіи, библіотеки, школы, посѣщаютъ бесѣды — не на политическія, а на обще-культурныя темы — что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что передъ нами любопытнѣйшее соціальное явленіе: начало возрожденія, вѣрнѣе перерожденія страны. Здѣсь передъ нами гигантское плодотворнѣйшее, благодарнѣйшее поле для работы.

Кромѣ той части интеллигенціи, которая оказалась не въ силахъ оставаться въ Россіи и бѣжала въ станъ анти-большевистскихъ силъ, другой части, вынужденной противъ воли работать въ непріемлемыхъ для нея условіяхъ, и третьей части — идейно примкнувшей къ вождямъ революціоннаго экстремизма, есть еще одна группа русской интеллигенціи, непріявшая большевизмъ, но поборовшая себя и оставшаяся въ Россіи изъ особыхъ жертвенныхъ побужденій. Заслуга этой группы передъ Россіей и человѣчествомъ огромна. Это группа,

которая считала своимъ долгомъ остаться сторожемъ возлѣ угрожаемыхъ пожаромъ сокровищъ русскаго духа, русской культуры. Эти люди считали необходимымъ, чтобы вблизи русскихъ музеевъ, библіотекъ, лабораторій, театровъ остался кто-нибудь, кто бы прикрылъ ихъ своимъ тѣломъ въ случаѣ опасности, кто бы сохранилъ намъ преемственность русской культурной работы, кто бы, несмотря ни на какія бури, тянулъ золотыя нити русской мысли, русскаго чувства. И они остались, несмотря ни на что, и они работали среди голода, холода, принужденій, глумленій. Это та единственная часть русской интеллигенціи, что не ошиблась, та, что пошла вѣрной дорогой. Да, воистину ея заслуги передъ родиной неисчислимы. И вотъ идти на помощь этой части нашей интеллигенціи, усилить ея ряды, снять съ ея плечъ часть непосильнаго бремени, продолжать и развивать дѣло, сохраненное ею — вотъ благороднѣйшая задача, которая ждетъ всѣхъ насъ, русскихъ интеллигентовъ, въ первую очередь.

Второй важнѣйшей задачей должно быть самое активное участіе въ экономическомъ возстановленіи нашей Родины. Для этого необходимо максимальное напряженіе во всѣхъ областяхъ производства, къ которымъ интеллигенція можетъ быть причастна: она сама должна давать здѣсь максимумъ своихъ силъ, она своимъ примѣромъ должна идти впереди остальныхъ массъ населенія. Надо привить вновь любовь къ работѣ и добросовѣстность въ ея выполненіи. Теорія, что укрепляя экономическое положеніе страны, мы „укрѣпляемъ позицію большевиковъ“ и будто-бы этимъ отдаляемъ моментъ вступленія Россіи на путь спокойнаго, естественнаго развитія, должна быть рѣшительно отброшена. Какъ разъ, наоборотъ: въ налаженности экономическихъ условій корень повышенія и культурнаго уровня страны и ея политическаго оздоровленія.

Для поднятія экономическаго и соціальнаго благополучія страны однихъ усилій интеллигенціи — даже максимальныхъ, добросовѣстныхъ — мало: это — увы — наглядно показала практика работы интеллигенціи съ „генералами“. Необходимъ еще одинъ важнѣйшій факторъ — это примѣненіе во всѣхъ областяхъ новыхъ принциповъ раціональной организаціи, тѣхъ принциповъ, которые придаютъ изумительную живучесть Германіи, которые развернули выросшую точно изъ земли мощь Америки; — принциповъ, для которыхъ характерна по-

разительная экономія времени, средствъ, энергіи. Здѣсь намъ нечего мудрить, надо безъ оговорокъ, безъ колебаній, взять то, что есть извѣстнаго по этому вопросу за-границей и систематически примѣнять во всемъ у насъ въ Россіи. Неправда, будто русскіе люди неспособны къ организаціи, будто у нихъ сердце не лежитъ къ этимъ, „американскимъ“ пріемамъ и методамъ работы, — возраженія, которыя намъ постоянно приходилось слышать въ „генеральскомъ“ лагерѣ. A priori, неужели японцы, турки, кто угодно, легко воспринимающіе эти методы и вскорѣ пожинающіе плоды ихъ примѣненія, болѣе способны, чѣмъ мы русскіе? A posteriori, практика единичнаго примѣненія этихъ методовъ въ Россіи намъ показала, не только полную ошибочность этихъ возраженій, но болѣе того, — мы видѣли, какъ легко, какъ радостно наша интеллигентская молодежь воспринимала, усваивала принципы новой практической науки, какъ охотно и сознательно она подчинялась необходимой дисциплинѣ, какъ сама вырабатывала и вносила дополненія и поправки примѣнительно къ русскимъ условіямъ, какимъ энтузіазмомъ, видя успѣхъ, загоралась. Нѣтъ, старымъ рутинерамъ, привыкшимъ танцовать отъ печки, не мыслящимъ себѣ работы безъ начальственнаго окрика, безъ хаотическаго вороха бумагъ, безъ чаепитій и нескончаемой болтовни въ часы работы, безъ возгласа „гос-по-да офицеры!“ вызывающаго судорогу застыванія въ подчиненныхъ, всѣмъ этимъ господамъ дѣйствительно въ новой Россіи не мѣсто.

Надо быть справедливымъ и признать, что „большевики“ оказались гораздо воспріимчивѣе къ новымъ методамъ и многое въ ихъ успѣхахъ, намъ кажется, придется отнести за счетъ этого моменту. Не разъ приходилось узнавать, работая на Югѣ, что то, о необходимости чего съ пѣной у рта приходилось доказывать „верхамъ“ Южнаго Главнокомандованія, за осуществленіе чего приходилось бороться изо всѣхъ силъ теряя время и неся страшныя жертвы, оказывалось проведеннымъ въ противномъ лагерѣ и давало противъ насъ свои результаты.

Что же сдѣлать, чтобы ускорить необходимый намъ и неизбѣжный процессъ экономическаго „американизированія“ Россіи, чтобы провести раціонализацію методики работы у насъ? Кромѣ серьезнаго, вдумчиваго ознакомленія съ тѣмъ, что

есть по этому вопросу въ иностранной спеціальной литературѣ и практикѣ, кромѣ созданія спеціальныхъ школъ организаціонныхъ навыковъ въ работѣ, намъ кажется очень важнымъ и желательнымъ, чтобы какъ можно больше русскихъ молодыхъ людей было отправлено на выучку, для ознакомленія съ этими методами въ Америку и Германію, съ гарантіей использованія ихъ знаній по возвращеніи. Это будетъ самый скорый, а слѣдовательно и самый цѣлесообразный, и въ конечномъ счетѣ и самый дешевый, способъ привить Россіи умѣніе работать. Намъ думается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такой образъ дѣйствій былъ бы также самымъ правильнымъ, самымъ продуктивнымъ использованіемъ тѣхъ значительныхъ суммъ, которыми располагаютъ безчисленныя русскія учрежденія и организаціи за-границей и которыя идутъ на содержаніе штатовъ никому не нужныхъ, все еще никакъ не могущихъ ликвидироваться представительныхъ учрежденій давно не существующихъ всевозможныхъ „Правительствъ“, а также на созданіе всякихъ исполнительныхъ бюро, коммиссій и подотдѣловъ партій и учрежденій „въ отставкѣ“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ нашей работы въ Россіи должно стать наше профессіонально-интеллигентское объединеніе, созданіе коллективовъ трудовой интеллигенціи. То, что было очень труднымъ четыре года тому назадъ, по всему должно стать болѣе осуществимымъ сейчасъ: сейчасъ интеллигенція болѣе созрѣла для своего объединенія.

Жизнь политическихъ партій въ Россіи? Мы глубоко убѣждены, что съ измѣнившимися въ корнѣ условіями обстановки, всѣ партійныя группировки дореволюціоннаго времени и первыхъ лѣтъ революціи идутъ въ архивъ исторіи; эти живые анахронизмы доживаютъ послѣдніе годы въ эмигрантскихъ кругахъ. Въ самой Россіи, несомнѣнно, наряду съ правительственной коммунистической партіей, а отчасти и вопреки ей, наростаютъ новыя группировки на иныхъ совсѣмъ началахъ. Мы слышали уже о крестьянской партіи, которую напрасно эсэровскіе „штабы“ намѣчаютъ себѣ въ качествѣ управляемаго объекта. Слышали мы всѣ уже и о массахъ такъ называемыхъ безпартійныхъ, этой магмы, изъ которой выкристаллизуются въ будущемъ новыя группировки. Намъ рисуется, что группировки эти будутъ создаваться не по критерію имущественнаго ценза — въ странѣ, гдѣ имуще-

ственныя перегородки пали — а, пожалуй, по характеру труда: очень можетъ быть, что кромѣ крестьянской будутъ еще лишь двѣ основныя партіи: — рабочая и интеллигентская. Задачей русскаго правительства будетъ согласовать интересы и дѣятельность этихъ трехъ основъ государства, и построить на нихъ благополучіе страны. Подготовить этотъ процессъ, способствовать его нормальному развитію — вотъ, намъ кажется, задача нашей интеллигенціи во внутренней политикѣ Россіи въ данный моментъ.

С. С. Чахотинъ.

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

„Да и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ!
...Россія! Нищая Россія!..“
А. Блокъ.

Трудно любить сегодняшнюю Россію въ голодѣ, крови, грязи и болѣзняхъ. Но слишкомъ легко было любить ее вчера, когда въ ней была самая бѣлая въ мірѣ крупчатка, самый сладкій и бѣлый сахаръ, самая чистая, крѣпкая и пьяная въ мірѣ водка. Слишкомъ легко для тѣхъ, у кого всего этого было вволю. Такъ въ этой нищей Россіи привычно сытно, сладко и пьяно жилось, что, когда вдругъ исчезли мука, сахаръ и водка, показалось, что и сама Россія исчезла. Многимъ и до сихъ поръ кажется.

Но... „полюбите насъ черненькими...“ — полюбите Россію красную, другой вѣдь и нѣтъ сейчасъ.

Трудно, не многіе могутъ; могутъ Блокъ, Горькій, А. Бѣлый изъ литераторовъ, Шаляпинъ изъ артистовъ, Ольденбургъ изъ ученыхъ и, кажется, никто изъ политиковъ профессіоналовъ.

Кровь липкимъ туманомъ застилаетъ глаза, ненависть давитъ на сознаніе, ненависть за невинно пролитую кровь и на уста такъ легко просится: „проклятье, вамъ, большевики! проклятье породившей большевизмъ революціи, проклятье самой стихіи революціонной — народу“.

Кто теперь, вспоминая 5 лѣтъ революціи и задаваясь вопросомъ надо ли было „начинать“ ее, найдетъ въ себѣ силы сказать: „Да! начинать!“

Этими словами кончилъ свой дневникъ въ Петропавловской крѣпости А. И. Шингаревъ, одинъ изъ первыхъ безсмысленно закланныхъ на кровавомъ алтарѣ русскаго освобожденія.

Этотъ дневникъ нельзя читать безъ глубокаго внутренняго волненія; книжка маленькая, сѣренькая, незамѣтная, есть въ ея внѣшности что то общее съ обликомъ самого автора но, какъ и самъ авторъ, она незабываема для соприкоснувшагося съ ней. Жутко прекрасная эпоха, усталыми, робкими и испуганными свидѣтелями которой мы являемся, оставитъ по себѣ много памятниковъ грандіозной мощи, безумнаго дерзновенія и безконечной выносливости, явленныхъ русскимъ народомъ за семь лѣтъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ. Дневникъ Шингарева — единственный за время революціи памятникъ исключительной душевной чистоты, ясной жертвенной любви. Жертвой этой любви онъ и сталъ черезъ нѣсколько дней. Но для знавшихъ его нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ спискѣ жертвъ революціи, уже развертывавшемся передъ его глазами, Шингаревъ прочелъ и свое имя, — онъ также сказалъ бы: „Да, начинать!“

Все въ исторіи послѣднихъ лѣтъ можно, при желаніи, объяснить случайными и устранимыми причинами. Романовы погибли потому, что не сдѣлали своевременно премьеромъ кн. Львова. Львовъ уступилъ мѣсто Керенскому, такъ какъ не далъ Корнилову разогнать Петроградскій совдепъ; Керенскій палъ, ибо не рѣшился арестовать Ленина и Троцкаго; Колчакъ поплатился за насиліе надъ эсъ-эровской директоріей. Деникинъ взялъ бы Москву, если бы сразу отдалъ крестьянамъ всю землю. Безплодно и ненужно искать мелкихъ и ничтожныхъ причинъ для объясненія крупнѣйшихъ историческихъ событій.

Нѣтъ ничего случайнаго въ неумолимомъ развитіи русской революціи.

Постигнуть смыслъ великой катастрофы не подъ силу намъ современникамъ — слишкомъ оглушителенъ ревъ красной мятелицы, гуляющей по русскимъ просторамъ; слишкомъ памятенъ свистъ пуль, вырвавшихъ изъ жизни самыхъ

дорогихъ, самыхъ лучшихъ; слишкомъ ясно слышны стоны близкихъ, умирающихъ отъ голода, тифа и холеры.

Но самая ихъ гибель обязываетъ не къ ненависти и мщенію, а къ попыткѣ понять, за что они погибли, куда ведетъ усыпанный ихъ могильными крестами путь.

Попытаться, безъ гнѣва и злобы, разобраться въ этомъ, значитъ понять, что, потерявъ родныхъ, мы еще не потеряли родины.

Ибо, подлинно, свѣтлаго Христа видѣлъ подъ знаменемъ Русской Революціи А. Блокъ. — Не Христосъ, а Антихристъ, совсѣмъ похожій, но отличающійся всего одной буквой; такъ думаетъ разрѣшить видѣніе Блока С. Булгаковъ въ своихъ діалогахъ „На пиру Боговъ".

Въ этой, во многомъ замѣчательной книжкѣ, написанной въ первый годъ большевизма, есть мысли неожиданныя, глубокія и вѣрныя. „Аминь", которымъ дружно заканчиваютъ свои діалоги всѣ шесть собесѣдниковъ, свидѣтельствуетъ, что и самъ Булгаковъ вѣритъ нерушимо въ русскій народъ и Христа, пребывающаго съ этимъ народомъ вовѣки; а, значитъ, и въ кровавомъ разливѣ революціи, и въ хулиганскомъ кощунствѣ внѣшняго безбожія.

Прошло три года, какъ написана эта книжка, и потому ли, что Деникинъ не отдалъ „всю землю всему народу" или потому, что Колчакъ неуважительно обошелся съ Уфимской Директоріей, но только всѣ собесѣдники діалоговъ очутились за рубежомъ родины... генералъ, свѣтскій богословъ, писатель, дипломатъ, общественный дѣятель и бѣженецъ, очутившись за-границей, растеряли многое изъ своей былой вѣры въ народъ. Эта потеря вѣры — самое страшное изъ безчисленныхъ бѣдствій эмиграціи.

На берегахъ Босфора, въ гостепріимныхъ славянскихъ странахъ, въ шикарныхъ залахъ отеля Мажестикъ въ Парижѣ, русскіе смакуютъ вѣсти о холерѣ и голодѣ въ Россіи, обсасываютъ сладострастно милліонныя цифры гибнущихъ и къ ужаснымъ фактамъ любовно добавляютъ еще болѣе ужасный вымыселъ. То серьезная газета сообщитъ, что въ Москвѣ на кладбищахъ вырываютъ и крадутъ трупы и „установлено", что ими откармливаютъ свиней; то почтенный профессоръ высчитаетъ, что черезъ 17 лѣтъ во всей Россіи останется въ

живыхъ всего нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ... Жутко за опустошенныя души!

„Интеллигенція погубитъ Россію“ предупреждали „Вѣхи“ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Интеллигенція губитъ Россію — почти можно уже сказать теперь.

Но не своей избыточной революціонностью, какъ казалось тогда, а наоборотъ своей неспособностью принять великую русскую революцію въ ея единственно возможныхъ народныхъ формахъ.

Пора принять на себя отвѣтственность въ этомъ, пора сознаться, что въ голодѣ 1921-го, 1922-го и будущихъ годовъ есть значительная доля и нашей вины.

Саботажъ, а затѣмъ сотрудничество чисто пайковое; работа насквозь проникнутая психологіей лѣни и распущенности, какъ бы освящаемыхъ высшимъ принципомъ борьбы съ ненавистной властью, во многомъ являются причиной того рокового для Россіи обстоятельства, что въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ Совѣтская власть оставалась кучкой фанатиковъ, окруженныхъ кучей мерзавцевъ.

Десятилѣтіями ждала интеллигенція революціи, мечтала о ней, какъ о праздникѣ. Раздувающіе теперь „свѣчу ненависти“ къ Россіи, ставшей „царствомъ звѣря“ — Мережковскій, Гиппіусъ и Философовъ пятнадцать лѣтъ назадъ радостно пѣли, что:

„Краснымъ полымемъ всходитъ любовь,
Цвѣтъ любви на землѣ одинаковъ;
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ!“

А когда пролилась кровь, когда пришла подлинная революція, не узнали ее, отвернулись, бѣжали отъ ея пламени съ ужасомъ и омерзѣніемъ.

Что-же произошло? Подмѣна-ли чаемаго и призываемаго цвѣтенія любви „міровымъ пожаромъ въ крови“? Или вся народолюбивая русская интеллигенція не поняла, что еще пятнадцать лѣтъ назадъ маковымъ цвѣтомъ горячей крови зацвѣла не любовь, а злоба, отчаяніе и ненависть? Кажется такъ! Кажется и сейчасъ еще не понимаетъ.

Надо ничего не понимать въ русской революціи, чтобы мартъ противоставить октябрю, побившему морозомъ нѣжные

всходы мартовской любви, исказившему чистый ликъ безкровной политической революціи. Мнѣ кажется, что въ 17-мъ году въ Россіи вовсе не было политической революціи. То что принято считать ею — конецъ февраля и первые дни марта — были скоропостижной смертью монархіи, давно хворавшей гнилостнымъ зараженіемъ крови и скончавшейся отъ испуга при видѣ голодной вспышки. Не проснувшаяся народная воля убила самодержавіе, а смерть самодержавія разбудила народную волю. Только въ октябрѣ народъ сознательно (конечно, соотвѣтственно уровню сознанія) воплотилъ свою волю. Брестскій миръ и Ленинъ въ сущности являются единственными подлинными завоеваніями революціи.

Въ мартѣ свобода не была народомъ завоевана, а досталась ему какъ наслѣдство отъ умершей монархіи; въ октябрѣ онъ распорядился наслѣдствомъ по своему, какъ хотѣлъ. Ибо въ тѣ дни смутное народное сознаніе дѣйствительно хотѣло вмѣсто Керенскаго — Ленина. Но никогда не было момента, когда бы оно захотѣло вмѣсто Николая и Михаила Романовыхъ — князя Львова и Керенскаго; вмѣсто Государственной Думы по закону 3-го іюня — Учредительнаго Собранія съ пропорціональной четырехвосткой.

Когда волной народной ненависти выплеснуло заграницу остатки служилой бюрократіи, помѣстнаго сословія и буржуазіи, вмѣстѣ съ ними оказалась и весьма значительная часть интеллигенціи, въ чистомъ смыслѣ этого слова. Общность бѣженства, общность предшествовавшихъ ему переживаній, положили на эту часть интеллигенціи тяжкую, но, конечно, временную и поверхностную печать духовнаго отчужденія отъ родины, заразили ее психологіей чисто буржуазной. Притомъ, психологіей буржуазіи специфически русской — жадной, но лѣнивой, непривыкшей къ самодѣятельности и трусливой. Все отдавшей и бѣжавшей при опасности; мечтающей вернуться, чтобы все потребовать обратно, когда опасность минуетъ.

„Когда большевиковъ не будетъ“, высчитываетъ промышленникъ и опредѣленно заявляетъ: „мы должны быть на фабрикахъ полными хозяевами“.

„Когда большевиковъ не будетъ“... неопредѣленно мечтаетъ интеллигентъ... и дальше въ мечтахъ провалъ, пустота. И за радужными мечтами о паденіи ненавистной власти, ум-

ственному взору интеллигента рисуется не фабрика, на которой можно быть полнымъ хозяиномъ, а все болѣе часто вырастаетъ грандіозный призракъ всеобъемлющей анархіи, окончательнаго распаденія всѣхъ соціальныхъ связей, съ такимъ огромнымъ трудомъ какъ будто начинающихъ вновь возникать въ Россіи.

Русскій интеллигентъ, всю свою исторію отвращавшійся отъ буржуазности, званіе мѣщанина почитавшій сильнѣйшимъ оскорбленіемъ, вдругъ во времена революціи не на шутку ощутилъ себя „буржуемъ“ и бросился опрометью, куда глаза глядятъ, вмѣстѣ съ буржуазіей подлинной. Только теперь, по прошествіи многихъ тяжкихъ мѣсяцевъ изгнанія, эмигрировавшая часть интеллигенціи задумывается надъ парадоксальностью своего положенія и все чаще начинаетъ ощущать себя въ положеніи зайца, покинувшаго родной лѣсъ потому, что „вышелъ приказъ подковать всѣхъ верблюдовъ“.

Правда и зайцу немногимъ легче, чѣмъ верблюду пролѣзть черезъ игольное ушко коммунистической доктрины. Но сейчасъ, наряду съ неизмѣнной доктриной, измѣнившаяся жизнь открываетъ широкія ворота для практической работы на пользу Россіи, и начавшійся уже пересмотръ интеллигентскихъ позицій по отношенію къ октябьрской революціи, неизбѣжно будетъ все расширяться и углубляться и закончится естественнымъ, изъ глубины сердца идущимъ и дѣйствительно объединяющимъ, наконецъ, эмиграцію лозунгомъ:

„На работу! Домой! На родину!..“

Дологъ и труденъ путь назадъ и первый этапъ на немъ едва-ли не самый трудный: этапъ необходимаго духовнаго перерожденія. Надо перестать строить мысленно русскую будущность по Западно-Европейскимъ образцамъ. Если теоретическій, твердобуквенный коммунизмъ совсѣмъ непримѣнимъ къ крестьянской Россіи, то едва-ли болѣе примѣнимъ къ ней и теоретическій парламентаризмъ. Давно, задолго до физическаго бѣгства, духовно эмигрировала интеллигенція. „Дома то черно, страшно“... писалъ еще Герценъ и мечтой перестроить черный русскій домъ по чертежамъ Великой Хартіи Вольностей полна вся исторія русской общественной мысли. Даже сама русская община, преломляясь въ западническихъ настроеніяхъ, казалась цѣнной, какъ трамплинъ, упираясь въ который Россія можетъ перелетѣть черезъ капитализмъ Мар-

кса непосредственно... къ коллективизму Фурье и Сенъ-Симона. Послѣ 4 лѣтъ революціи нельзя не видѣть, что у Россіи, дѣйствительно, „особенная стать". Даже политическимъ слѣпцамъ становится ясно, что „совѣтизмъ" есть наиболѣе отвѣчающая русскимъ условіямъ форма народовластія; несовершенства и уродливости Совѣтской системы сегодняшняго дня — только зигзагъ на вѣрномъ историческомъ пути Россіи. Этотъ зигзагъ выпрямится въ широкую самобытную дорогу подлиннаго прогресса, когда вмѣстѣ съ народомъ пойдетъ на практическое дѣло интеллигенція.

Русская революція положила настолько рѣзкую грань на всю исторію человѣчества, что отъ нея, какъ отъ появленія христіанства или открытія Америки, будутъ отсчитывать лѣтоисчисленіе новой эры. Послѣ нея на арену всемірной исторіи впервые выступаютъ народы. Впервые для міровой исторической роли выходитъ богатѣйшій духовно, безконечно мощный физически 100 милліонный русскій народъ, лишь теперь въ революціонной грозѣ рождающійся какъ нація.

И пусть первые шаги его облиты потоками невинной крови, пусть путь его усыпанъ трупами гибнущихъ отъ болѣзней, холода и голода — появленіе его во всемірной исторіи этапъ величайшаго значенія. Мы не знаемъ, что дастъ человѣчеству новая эра, но мы должны вѣрить, что вѣкъ русскаго освобожденія будетъ вѣкомъ всемірнаго ренессанса. Если въ дореволюціоной Россіи, подмороженной снизу, загнивающей сверху, изъ солнечной толщи народной души вырывались, освѣщая вѣка и народы, геніальные протуберанцы: Толстой и Достоевскій, Менделѣевъ и Крапоткинъ, Викторъ Васнецовъ и Врубель, Мусоргскій и Скрябинъ, какія же всемірныя озаренія дастъ освобожденная русская душа?!

Въ глубокихъ подземныхъ руслахъ текла рѣка народной жизни. На поверхности шла борьба общества и власти, смѣна царей и идейныхъ увлеченій; подъ ней дремалъ древній, родимый хаосъ.

Нѣтъ нужды доказывать національную типичность внѣшнихъ формъ революціи — она очевидна каждому вдумчивому наблюдателю.

Въ ужасности этихъ формъ одни хотятъ усматривать не проявленіе народнаго духа, а результатъ инородческихъ вліяній, коими они объясняютъ и всю революцію; другіе изъ

разрушительности, дикости и безобразія отдѣльныхъ фактовъ революціи дѣлаютъ выводъ о дикости и аморальности народнаго духа.

Мы не пойдемъ за ними. Мы знаемъ, что чѣмъ выше въ небо уходятъ горы, тѣмъ глубже и обрывистѣй пропасти... Знаемъ, что глубина моральнаго паденія, которую легко найти во множествѣ эпизодовъ революціи — только обратная сторона неудовлетворенности высочайшихъ нравственныхъ запросовъ, которыхъ не пытался разрѣшить и даже не ставилъ себѣ никогда ни одинъ другой народъ Европы.

„Его убить надо... онъ въ Бога не вѣритъ“ говорятъ каторжники у Достоевскаго. Тутъ вершины и пропасти русской натуры:

— Убивать можно, а вѣрить въ Бога должно.

Но не только внѣшними формами; внутренними своими достиженіями глубоко національна, также, русская революція.

Она на смѣну отжившимъ сословіямъ выдвинула на поверхность русской жизни новые глубинные слои, первобытно дикіе, но зато и первобытно мощные. Она пробудила въ этихъ слояхъ волевые импульсы, вѣками дремавшіе безъ выхода, такъ что казалось ихъ и вовсе нѣтъ въ русскомъ человѣкѣ.

А воля къ власти — опорная точка государственности, которой не хватало въ Россіи, чтобы, какъ Архимедовымъ рычагомъ, силой народнаго генія, перевернуть старый міръ. Въ русскомъ государственномъ тѣлѣ растетъ позвоночникъ.

Слишкомъ долго Россія жила развитіемъ головного мозга въ ущербъ спинному. По неизбѣжной реакціи сейчасъ равновѣсіе нарушено въ обратную сторону, но не всегда же воля русскаго народа къ власти будетъ выражаться только бунтомъ, конвульсіями злобы или отчаянія; когда нибудь она найдетъ себя въ твердыхъ кристаллическихъ формахъ, а быть можетъ — это выяснятъ ближайшіе полгода — уже и нашла.

Революція дала мощный толчекъ развитію въ народѣ самодѣятельности. Любой, изъ прожившихъ хотя бы часть этихъ лѣтъ въ Россіи, знаетъ по себѣ ту неистощимую изобрѣтательность, предпріимчивость и упорство, которыя вырабатываются тамъ въ постоянной напряженной борьбѣ за существованіе. По мѣрѣ облегченія матеріальныхъ условій жизни, эта упорная предпріимчивость обратится въ сильнѣй-

шій рычагъ хозяйственнаго возстановленія Россіи. Въ суровой совѣтской школѣ населеніе подготовляется къ экзамену на экономическую зрѣлость. Коммунистическая система какъ бы была призвана выявить къ жизни и оформить индивидуалистическія, собственническія основы человѣческой природы. Для будущаго строительства Россіи спекулянтъ-мѣшечникъ, ѣздящій подъ рискомъ пули за тысячи верстъ вымѣнивать ситецъ на картошку и хлѣбъ, одолѣвающій при этомъ десятки препятствій и, несмотря ни на какіе декреты, четыре года снабжающій продовольствіемъ крупные центры, право не менѣе важная величина, чѣмъ фабрикантъ, мечтающій въ Парижѣ вернуться въ Россію „полнымъ хозяиномъ".

Въ условіяхъ страшнаго матеріальнаго оскудѣнія, главнымъ рессурсомъ возстановленія русскаго хозяйственнаго организма явится способность населенія къ экономической самодѣятельности и предпріимчивости, а она налицо.

Налицо и чрезвычайный ростъ политической сознательности. Нельзя отрицать, что въ безчисленныхъ сельскихъ, волостныхъ, уѣздныхъ и прочихъ совдепахъ, совхозахъ, исполкомахъ, профсоюзахъ и т. д. населеніе пріучается самостоятельно мыслить и дѣйствовать зачастую въ труднѣйшихъ условіяхъ. Достаточно указать на мало продуманный до сихъ поръ фактъ существованія въ 1918—1919 годахъ Туркестанской совѣтской республики. Абсолютно отрѣзанные отъ Москвы, окруженные со всѣхъ сторонъ войсками Колчака, Дутова, Деникина и англійской оккупаціи, лишенные транспорта, топлива и хлѣба, большевики въ Туркестанѣ сумѣли до конца, въ теченіи полутора лѣтъ, сохранить власть въ своихъ рукахъ.

Это ли не примѣръ самодѣятельности?! Это ли не опроверженіе тѣмъ, которые думаютъ, что для уничтоженія большевизма достаточно съ помощью какихъ либо штыковъ занять Москву!

Что бы ни говорилось о полной безотвѣтственности совѣтскихъ работниковъ, по мѣрѣ смягченія напряженной атмосферы гражданской войны, въ нихъ неизбѣжно должно развиваться чувство государственной отвѣтственности. Это государственное воспитаніе массъ, осознаніе ими дѣла государства какъ своего, близкаго и кровнаго идетъ двумя путями: а) выше указаннымъ положительнымъ путемъ практической работы въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, многомилліонные кадры

которыхъ состоятъ на большую половину изъ рабочихъ и крестьянъ и б) отрицательнымъ путемъ наглядnаго переживанія массой населенія результатовъ антигосударственной, анархической практики.

Въ этихъ тяжкихъ переживаніяхъ до конца исчерпывается революціонность и бунтарство массъ, которое при революціи незавершенной, не разлившейся до своихъ естественныхъ береговъ, всегда было бы неодолимымъ препятствіемъ къ нормальному государственному развитію Россіи.

Освобожденный отъ мертвыхъ путъ монархіи, подготовленный къ хозяйственной и политической самодѣятельности, народъ, изживъ до конца свою эмоціональную революціонность, станетъ главнымъ рѣшающимъ факторомъ русской исторіи. Въ этомъ надежда грядущаго.

Но, возразятъ мнѣ, народная самодѣятельность задавлена коммунистической властью; національныя цѣли и рессурсы принесены въ жертву интернаціоналу.

Такъ ли это? И если это правда, то вся ли это правда? Или народная національная толща незамѣтно перерабатываетъ и интернаціональную власть, приспособляя ее къ своимъ потребностямъ, заставляя служить національнымъ цѣлямъ?

Какъ будто, такъ.

Этотъ процессъ особенно выпукло представляется во внѣшней политикѣ Совѣтской власти. Самый языкъ и стиль Чичеринскихъ нотъ, столь непохожихъ на обычныя дипломатическія ноты, развѣ не являются они по грубости и прямолинейности своей типично русскими?

Я думаю, что неизысканныя выраженія, которыми обзывало „хищниковъ англійскаго капитализма“ совѣтское сообщеніе, расклеенное въ Москвѣ, послѣ высадки въ Архангельскѣ „союзниковъ“, теперь сочувственно вспоминаются на Критѣ и въ Египтѣ многими „гостями англійскаго короля“.

И однако правительства Антанты выслушиваютъ ноты Чичерина куда внимательнѣй, чѣмъ то было по отношенію къ корректнѣйшимъ, вѣрноподданнически антантофильскимъ „политическимъ делегаціямъ“ Колчака и Деникина.

Корень этого явленія въ широкомъ вліяніи Московскаго правительства на рабочія массы Запада, благодаря чему правительства Европы должны прислушиваться къ голосу Москвы. Проходитъ пора, когда Россія служила цѣлямъ III Интерна-

ціонала; III Интернаціоналъ начинаетъ быть сильнымъ орудіемъ въ достиженіи національныхъ цѣлей Россіи. Нигдѣ это не выяснилось такъ отчетливо, какъ на Востокѣ. Коммунизмъ въ магометанскихъ странахъ — несбыточная мечта, навязчивая идея. Но русское вліяніе въ Малой Азіи, Персіи, а, отчасти, и въ Индіи, русская радіостанція и русскіе военные инструкторы на „крышѣ свѣта“ въ Афганистанѣ — реальный фактъ, крупное историческое достиженіе Россіи.

Самый интернаціонализмъ Совѣтской власти является національнымъ по духу, отвѣчаетъ „вселенскости“ русской натуры, еще Достоевскимъ отмѣченной, какъ типичнѣйшая черта истинно великаго народа.

Гораздо медленнѣе и незамѣтнѣе идетъ приспособленіе Совѣтской власти къ внутреннимъ потребностямъ національной жизни.

Подъ знакомъ этого приспособленія проходитъ весь послѣ-Кронштадтскій періодъ. Начинаясь замѣной разверстки натуральнымъ налогомъ, оно красной нитью проходитъ черезъ всѣ декреты и дѣйствія Совѣтской власти, черезъ всѣ рѣчи и статьи ея вдохновителя и главы. Но если нетрудно было декретировать переходъ отъ капитализма къ коммунизму, то безконечно трудно, въ атмосферѣ обнищанія, голода и разрушенія трудовой дисциплины и даже самой психологіи труда, провести въ жизнь программу интенсивнаго производства. Надо имѣть въ виду эту трудность и воздерживаться отъ преждевременныхъ пессимистическихъ діагнозовъ о результатахъ новаго экономическаго курса въ Россіи. Несомнѣнно только, что проведеніе этого курса требуетъ наличности твердой, принудительной власти.

Создать заново такую власть вмѣсто наличной, въ условіяхъ голода, эпидеміи и паралича транспорта — задача завѣдомо невыполнимая; уже конечно, эта задача не подъ силу интеллигенціи не справившейся съ ней въ гораздо болѣе легкихъ условіяхъ 1917 года. Три главныхъ грани русскаго духа послѣдовательно правили на поверхности русской жизни въ первый годъ революціи:

Обломовщина — прекраснодушная барская лѣнь и нерѣшительность, когда все откладывается до новой квартиры, „до Учредительнаго Собранія“ — при кн. Львовѣ.

Толстовство — безвольное непротивленчество, которое „не можетъ молчать“, но не можетъ и дѣйствовать — при Керенскомъ.

Пугачевщина — безпощадный русскій бунтъ — при Ленинѣ.

Нужна была нечеловѣческая энергія и необычайная для русскихъ сила воли, чтобы сумѣть овладѣть пугачевскими настроеніями революціоннаго народа, преодолѣть обломовщину саботирующей революцію интеллигенціи и, побѣдивъ въ грандіозной борьбѣ полумилліонныя арміи своихъ противниковъ, стать фактической Всероссійской властью. Процессъ кристаллизаціи государственности начался вокругъ ядра Совѣтской власти не только потому, что ея лозунги коммунизма и интернаціонализма отвѣчали одному изъ основныхъ запросовъ русской души — жаждѣ соціальной и международной справедливости — но и, быть можетъ главнымъ образомъ, потому, что она одна оказалась способной дѣйствительно властвовать.

Правда, что интеллигенція возлюбила народъ до того, что сотворила изъ него кумира, но сотворила этотъ кумиръ по образу и подобію своему: дряблымъ, хотя и прекраснодушнымъ, безсильнымъ и безвольнымъ. И именно противъ интеллигенціи, ставшей властью, возсталъ народъ въ октябрѣ. Въ кажущемся безумствѣ этого возстанія была доля высшей разумности, бывшая въ безмѣрности терпѣнія, которую обѣщали наши предки варягамъ, зовя ихъ „княжить и володѣть“.

Скандинавскіе варяги сумѣли, плохо ли, хорошо ли княжить рядъ столѣтій, поняли историческія задачи призвавшаго ихъ народа и вели его къ теплымъ морямъ, къ стѣнамъ Царьграда. Кто знаетъ, пожалуй и довели бы, не начнись черезъ двѣсти лѣтъ ихъ княженія междоусобицы.

Варяги изъ Таврическаго дворца начали междоусобицы въ первые же недѣли и, хотя тоже косились на Царьградъ, но «володѣть» оказались уже окончательно неспособны. Органически неспособныя къ властвованію группы интеллигенціи были отметены прочь отъ власти — въ этомъ смыслѣ октября.

Въ томъ, что, не знавшаго и не узнавшаго народа своего, интеллигента, что то лепетавшаго про желѣзо и кровь, вынесло волной событій къ чертямъ на кулички — на Rue de la Pompe въ Парижѣ, право не меньше исторической справедливости, чѣмъ въ Екатеринбургской трагедіи.

Народъ инстинктивно не принималъ монархіи послѣднихъ десятилѣтій за ея безвольность и разслабленность, ибо смутно чувствовалъ, что настаютъ труднѣйшіе критическіе годы его исторіи, когда потребуется твердой рукой направить къ великимъ цѣлямъ его могучія силы.

Когда, вмѣсто дряблой царской руки, народъ увидѣлъ надъ собой праздно болтающійся эсэровскій красный языкъ, это было злой насмѣшкой и, въ тяжкія минуты переживавшіяся Россіей, грозной опасностью.

Эту опасность народъ инстинктивно понялъ и отшвырнулъ отъ себя.

Тема о народѣ и интеллигенціи выходитъ за предѣлы этой статьи; сейчасъ я касаюсь ее лишь поскольку интеллигенція была, хотѣла, а въ нѣкоторыхъ своихъ группахъ еще и сейчасъ хочетъ быть властью. Ставъ властью въ 1917 году, она не поняла народной воли. Народъ хотѣлъ землю, ему предлагали волостное земство; армія или, говоря точнымъ хотя и опошлѣвшимъ стилемъ тѣхъ дней, „крестьянство одѣтое въ шинель“ хотѣло домой, его приглашали къ избирательнымъ урнамъ. И если бы на какіе то короткіе миги уже не интеллигенціи, — ее какъ таковой нѣтъ, она физически и умственно раздавлена въ гражданской войнѣ —, а эмигрантской интеллигентщинѣ удалось бы оказаться у власти (ибо *стать* властью она органически неспособна) она бы снова, вмѣсто удовлетворенія народныхъ потребностей, предложила избирательный бюллетень.

Ей не было бы другого выхода, ибо немедленно начнется безконечное и безнадежное разслоеніе на партіи, дробленіе партій на группы, вся та ожесточенная борьба, которую каждый здѣсь въ изгнаніи такъ тягостно ярко видитъ вокругъ себя.

Перенести эту внѣжизненную борьбу въ Россію, поставить ее въ центрѣ русской жизни было бы слишкомъ большой опасностью.

Только демагогіей можно властвовать въ первый періодъ революціи — въ этомъ одно изъ объясненій пришествія большевиковъ къ власти. Только диктатурой можно сковать анархію и потенціальныя возможности революціи облечь въ опредѣленныя формы государственности — въ этомъ объясненіе тому, что большевики у власти удержались.

Толстовство — безвольное непротивленчество, которое „не можетъ молчать“, но не можетъ и дѣйствовать — при Керенскомъ.

Пугачевщина — безпощадный русскій бунтъ — при Ленинѣ.

Нужна была нечеловѣческая энергія и необычайная для русскихъ сила воли, чтобы сумѣть овладѣть пугачевскими настроеніями революціоннаго народа, преодолѣть обломовщину саботирующей революцію интеллигенціи и, побѣдивъ въ грандіозной борьбѣ полумилліонныя арміи своихъ противниковъ, стать фактической Всероссійской властью. Процессъ кристаллизаціи государственности начался вокругъ ядра Совѣтской власти не только потому, что ея лозунги коммунизма и интернаціонализма отвѣчали одному изъ основныхъ запросовъ русской души — жаждѣ соціальной и международной справедливости — но и, быть можетъ главнымъ образомъ, потому, что она одна оказалась способной дѣйствительно властвовать.

Правда, что интеллигенція возлюбила народъ до того, что сотворила изъ него кумира, но сотворила этотъ кумиръ по образу и подобію своему: дряблымъ, хотя и прекраснодушнымъ, безсильнымъ и безвольнымъ. И именно противъ интеллигенціи, ставшей властью, возсталъ народъ въ октябрѣ. Въ кажущемся безумствѣ этого возстанія была доля высшей разумности, бывшая въ безмѣрности терпѣнія, которую обѣщали наши предки варягамъ, зовя ихъ „княжить и володѣть“.

Скандинавскіе варяги сумѣли, плохо ли, хорошо ли княжить рядъ столѣтій, поняли историческія задачи призвавшаго ихъ народа и вели его къ теплымъ морямъ, къ стѣнамъ Царьграда. Кто знаетъ, пожалуй и довели бы, не начнись черезъ двѣсти лѣтъ ихъ княженія междоусобицы.

Варяги изъ Таврическаго дворца начали междоусобицы въ первые же недѣли и, хотя тоже косились на Царьградъ, но «володѣть» оказались уже окончательно неспособны. Органически неспособныя къ властвованію группы интеллигенціи были отметены прочь отъ власти — въ этомъ смыслъ октября.

Въ томъ, что, не знавшаго и не узнавшаго народа своего, интеллигента, что то лепетавшаго про желѣзо и кровь, вынесло волной событій къ чертямъ на кулички — на Rue de la Pompe въ Парижѣ, право не меньше исторической справедливости, чѣмъ въ Екатеринбургской трагедіи.

Народъ инстинктивно не принималъ монархіи послѣднихъ десятилѣтій за ея безвольность и разслабленность, ибо смутно чувствовалъ, что настаютъ труднѣйшіе критическіе годы его исторіи, когда потребуется твердой рукой направить къ великимъ цѣлямъ его могучія силы.

Когда, вмѣсто дряблой царской руки, народъ увидѣлъ надъ собой праздно болтающійся эсэровскій красный языкъ, это было злой насмѣшкой и, въ тяжкія минуты переживавшіяся Россіей, грозной опасностью.

Эту опасность народъ инстинктивно понялъ и отшвырнулъ отъ себя.

Тема о народѣ и интеллигенціи выходитъ за предѣлы этой статьи; сейчасъ я касаюсь ее лишь поскольку интеллигенція была, хотѣла, а въ нѣкоторыхъ своихъ группахъ еще и сейчасъ хочетъ быть властью. Ставъ властью въ 1917 году, она не поняла народной воли. Народъ хотѣлъ землю, ему предлагали волостное земство; армія или, говоря точнымъ хотя и опошлѣвшимъ стилемъ тѣхъ дней, „крестьянство одѣтое въ шинель“ хотѣло домой, его приглашали къ избирательнымъ урнамъ. И если бы на какіе то короткіе миги уже не интеллигенціи, — ее какъ таковой нѣтъ, она физически и умственно раздавлена въ гражданской войнѣ —, а эмигрантской интеллигентщинѣ удалось бы оказаться у власти (ибо *стать* властью она органически неспособна) она бы снова, вмѣсто удовлетворенія народныхъ потребностей, предложила избирательный бюллетень.

Ей не было бы другого выхода, ибо немедленно начнется безконечное и безнадежное разслоеніе на партіи, дробленіе партій на группы, вся та ожесточенная борьба, которую каждый здѣсь въ изгнаніи такъ тягостно ярко видитъ вокругъ себя.

Перенести эту внѣжизненную борьбу въ Россію, поставить ее въ центрѣ русской жизни было бы слишкомъ большой опасностью.

Только демагогіей можно властвовать въ первый періодъ революціи — въ этомъ одно изъ объясненій пришествія большевиковъ къ власти. Только диктатурой можно сковать анархію и потенціальныя возможности революціи облечь въ опредѣленныя формы государственности — въ этомъ объясненіе тому, что большевики у власти удержались.

Конечно и потому, что они явились диктатурой, опирающейся на революціонную стихію, въ ней самой черпающей силу для ея преодолѣнія.

Два утвержденія особенно часты среди идеологовъ антибольшевизма.

„Только разумная и твердая власть контръ-революціи, преодолѣвая анархизмъ и бунтарство массъ, воплощаетъ въ жизнь достижимыя и національно цѣнныя задачи революціи" — утверждается на правомъ флангѣ.

„Совѣтская власть давно обратилась въ чистую контръ-революцію" — обличаютъ слѣва.

Признать правильность обоихъ этихъ утвержденій не значитъ ли пріоткрыть завѣсу надъ парадоксальнымъ будущимъ Совѣтской власти. Не суждено ли ей контръ-революціонными пріемами провести въ жизнь революціонно-національныя задачи Россіи?

Большевики показали себя достаточно твердыми для этого; окажутся ли они и достаточно разумны?

Совѣтская власть сумѣла одолѣть анархизмъ массъ, теперь она должна преодолѣть собственный фанатическій утопизмъ. Судя по многимъ признакамъ, этотъ процессъ уже начался. Параллельно съ нимъ, облегчая и ускоряя его, долженъ идти процессъ обволакиванія эволюціонирующаго ядра власти работоспособнымъ и честнымъ дѣловымъ аппаратомъ.

Рѣчь идетъ совсѣмъ не о ловкомъ тактическомъ пріемѣ, которымъ можно ввести въ лоно Совѣтской Россіи троянскаго коня „бѣлогвардейства", чтобы потомъ извнутри взорвать ее; пора, вообще, перестать взрывать Россію. Дѣло въ использованіи единственнаго пути, которымъ Россія можетъ наиболѣе безболѣзненно проплыть между Сциллой и Харибдой коммунизма и анархіи къ широкимъ міровымъ просторамъ. Это путь совмѣстной практической работы мощнаго физически и духовно народа, твердой власти и честныхъ идейныхъ интеллигентовъ.

Народъ съ безмѣрнымъ терпѣніемъ склонился передъ силой большевистской власти. Насталъ моментъ, когда эта власть должна склониться передъ силой народныхъ нуждъ и всемѣрно пойти прямо имъ на встрѣчу; иначе она будетъ сметена.

Способность на безумное дерзаніе и готовность на безграничное разумное терпѣніе — эти двѣ черты великаго народа за послѣдніе годы выявились въ русскомъ народѣ, быть можетъ, болѣе сгущенно и ярко, нежели за всю десяти вѣковую исторію его. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ народъ терпитъ, но мѣра и сроки терпѣнія могутъ истощиться, можетъ произойти страшное столкновеніе слѣпого отчаянія массъ и слѣпого фанатизма вождей.

Я не сомнѣваюсь въ исходѣ такого столкновенія, если бы оно произошло: побѣдитъ народное отчаяніе.

Но я сильно сомнѣваюсь въ благодѣтельности такой побѣды — надорванный семилѣтней войной и революціей организмъ Россіи можетъ не выдержать. Это будетъ уже дѣйствительно „бунтъ безсмысленный и безпощадный". Зигзагъ исторіи можетъ обратиться въ тупикъ, въ которомъ на долгіе годы задержится историческое развитіе Россіи. Въ интересахъ всего ея будущаго надо, чтобы этого не произошло; надо чтобы народъ и власть не столкнулись, а столковались.

„А народная самодѣятельность?" уже слышу я...

— А вѣра въ народъ?

Эта вѣра должна устоять противъ соблазна благословлять всякое народное дѣйствіе, славословить народъ въ его данномъ состояніи. Вѣра въ народъ это вѣра въ заключенныя въ немъ возможности; путь полнаго выявленія ихъ — долгій и нелегкій путь. Надо избѣгать затруднять его катастрофами, постоянной ломкой всего быта. Самодѣятельность массъ и безъ катастрофъ будетъ находить себѣ все большее примѣненіе.

Принять историческій фактъ — не раболѣпство передъ силой. Историкъ можетъ всматриваться въ прошлое; политикъ долженъ умѣть четко видѣть настоящее; государственный человѣкъ прозрѣваетъ будущее.

Интеллигенція можетъ и должна только отказаться отъ всякой предвзятости, воздержаться отъ столь родного большевизму „максимализма претензій". Записки Д. Шипова о его, Муромцева и другихъ переговорахъ со Столыпинымъ и Витте, о созданіи кабинета съ участіемъ общественныхъ силъ, даютъ достаточно горькаго матеріала для сужденія о чувствѣ государственной отвѣтственности у обѣихъ сторонъ.

Максимализму претензій, сыгравшему тогда столь печальную роль, рѣшительно нѣтъ мѣста въ трагическій моментъ переживаемый Россіей.

* * *

„Первымъ дѣломъ понижается общій уровень образованія, просвѣщенія и наукъ... жажда образованія есть уже жажда аристократическая... не надо высшихъ способностей..." сколько разъ за послѣдніе годы цитировались эти строки въ обличеніе „Шигалевщины" русской революціи.

И вдругъ на исходѣ четырехъ лѣтъ ея Н. С. Трубецкой пишетъ въ Софіи книгу о томъ, что „никакихъ объективныхъ доказательствъ преимущества европейской культуры надъ готтентотской нѣтъ и быть не можетъ"; а западникъ идеалистъ П. И. Новгородцевъ читаетъ въ Берлинѣ лекцію о неизбѣжности „пониженія государства и права" какъ грядущей ступени всемірной исторіи.

Кругъ завершился, пройденъ обратный путь отъ великолѣпныхъ чертежей «Magna Harta Libertatum» до родного дома, гдѣ черно и страшно.

Домой! Въ Россію! Съ сознаніемъ что перестроить ее посвѣтлѣй и попросторнѣй можно только считаясь съ главнымъ строительнымъ матеріаломъ — народомъ.

Эту тоску о Россіи знали Чаадаевъ и Герценъ, Достоевскій и Гоголь... съ потрясающей глубиной ее должно пережить все наше поколѣніе въ цѣломъ. Трудно любить Россію красную отъ пожаровъ и крови; но иного пути нѣтъ для русскаго.

Только теперь познаемъ мы правду предсмертнаго „бреда" Гоголя:

„Если только возлюбитъ русскій Россію, — возлюбитъ и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви... Монастырь нашъ — Россія! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней.

Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, нежели когда либо прежде...“

По роковой ироніи судьбы, а, быть можетъ, по безпристрастному и безошибочному суду исторіи, русское національное дѣло можно сейчасъ дѣлать не въ рухнувшей Россіи „Третьяго Рима“, а въ Россіи III Интернаціонала.

Что можно возразить тѣмъ, для которыхъ она только „царство звѣря“? Имъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ отвѣтилъ Гоголь:

„Другъ мой! или у Васъ безчувственно сердце, или Вы не знаете, что такое для русскаго Россія.“

Ю. Н. Потѣхинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Смѣна Вѣхъ. — *Ю. В. Ключникова* 3

Patriotica. — *Н. В. Устрялова* 52

Революція и Власть. — *С. С. Лукьянова* 72

Новая Вѣра. — *А. В. Бобрищева-Пушкина* 91

Въ Каноссу! — *С. С. Чахотина* 150

Физика и Метафизика Русской Революціи. — *Ю. Н. Потѣхина* 167

BINDING SECT. MAY 18 1966

DK 265 .17 S65

Smiena viekh

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 23 08 023 6